ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФ. И. Д. ЕРМАКОВА

ВЫПУСК III

Prof. Sigmund FREUD

ОСНОВНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ В ПСИХОАНАЛИЗЕ

(СБОРНИК СТАТЕЙ)

Перевод д-ра М. В. ВУЛЬФА

С вступительной статьей проф. И. ЕРМАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ и ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
Под редакцией профессора Ив. Дм. ЕРМАКОВА
Выпуск III

Sigmund FREUD

ОСНОВНЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ В ПСИХОАНАЛИЗЕ

(СБОРНИК СТАТЕЙ)

ПЕРЕВОД Д-РА М. В. ВУЛЬФА
С ВСТУПИТЕЛЬНОЙ СТАТЬЕЙ ПРОФ. И. Д. ЕРМАКОВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1923 ПЕТРОГРАД

INTERNATIONAL
PSYCHOANALYTIC
UNIVERSITY BERLIN

Гиз. № 2915. Главлит. № 4073. Москва. Напеч 5.000 экз.

1-я Образцовая тип. М. С. Н. Х., Москва, Пятницкая, 71.

ВВЕДЕНИЕ.

«Очерк истории психоанализа» Sig. Freud'a является не только кратким изложением истории возникновения его и развития, не только мемуарами или исповедью их автора, он имеет громадное значение, главным образом, потому, что вводит нас, так сказать, в ту лабораторию, где выковывалось и оформлялось это важное и ценное учение наших дней.

Исповедь и рассуждения такого психоаналитика, каким является Sig. Freud, умевший показать нам в своем «Толковании сновидений», как ради доказательства научных истин врач должен итти на самопожертвования и не останавливаться перед различными неудобствами публичного самоанализа, со всех сторон нужно считать знаменательным. Писать историю учения, за приоритет открытия которого не приходится бороться, настолько оно дискредитирует ученого, дать совершенно правдивое изложение своих сомнений и тех нападок и критики, которым подвергалось новое учение,— это значит вручить врагам психоанализа, которым несть числа, новое оружие против него.

Однако ничто не останавливает Freud'a, и с тем же мужеством, с каким он искал ответов на свои запросы, с каким не остановился бы он перед критикой собственного учения, с таким же мужеством и прямотой говорит нам он о тех разногласиях и «приспособлениях» его учения ad usum delfini, которое находит в его лице убежденного и стойкого противника всяких компромиссных подлаживаний и уступок.

Наука должна быть свободной в своем поступательном шествии, и ни ссылки на прежние авторитеты (способ защиты схоластиков), ни обвинения в нечестивости не имеют ничего общего с истиной. Больше того,—как раз те, кто

больше всего борятся и протестуют против нового учения, в своей борьбе, в полемике обнаруживают как раз те самые черты, о которых слишком хорошо осведомлен психоанализ, как раз все то, против чего борятся, и обнаруживают эти черты уже в таком предельном виде, так ярко и доказательно, что хотелось бы довести их до того, чтобы сами они убедились в этом и осознали, насколько они неправы.

Брань и насмешки не есть еще метод научной критики; научное положение, выросшее на почве изучения фактов действительности, может быть опровергнуто или изменено только ссылкой на новые факты или на неправильность тех или иных толкований или объяснений.

Ничего подобного еще не сделали противники психоанализа; они довольствуются одними словесными препирательствами и спорами, толкуя и критикуя технику, с которой они не знакомы.

Противникам не остается другого выхода, как объявить учение Freud'a безнравственным, но при этом они не замечают, что переносят весь спор уже совершенно в другую плоскость, плоскость этической оценки того или другого факта науки. Если кто-нибудь может проиграть при такой оценке, то, конечно, не учение, а хулители.

Желание приспособить учение Freud'a к личным и обывательским взглядам и мироотношению привело Adler'a, Jung'a и других, работавших в области психоанализа, к тому, чтобы приспособить новое знание к пониманию без всякого протеста. От такой операции, как указывает Freud, психоанализ так много потерял, должен был отказаться от таких существенных для него положений, что в этом новом виде он ничего общего не имеет с учением Freud'a. Мужественно отсекши больные и слабые члены учения, Freud сначала верил в то, что истина будет все-таки когда-нибудь раскрыта в убедительной форме, может быть, через много лет, и будущий исследователь укажет на него, как на своего предшественника,—но признание наступило раньше. В «истории психоанализа» мы можем шаг за шагом, следуя за Freud'ом, проследить тот путь, по которому шло развитие новой науки о душе.

Freud начал свою работу у Charcot, интересовался вопросами истерии, над которыми работал этот великий

клиницист, и путем тщательного изучения больных, пришел совместно с Breuer'ом к так называемому катартическому методу.

Катартический метод исходил из того положения, что больной страдает от тяжелых, однако забытых переживаний из его жизни, и катартический метод, пользуясь состоянием гипноза, давал возможность больным все снова и снова переживать и воспроизводить те события, с которыми связано заболевание.

Внимание больного направлялось на такое событие; больной своим поведением давал основания ближе понять и раскрыть психическую борьбу, которая в нем разыгрывается, и во время припадков находил некоторое выявление подавленный в жизни аффект, имеющий возможность выступить только в особом, так называемом гипноидном, состоянии.

При таком способе лечения, однако, наблюдались интересные факты. Вместо того, чтобы воспроизводить определенную, сравнительно недавнюю сцену, бывшую, как казалось, причиной заболевания, ассоциации больного уводили далеко в прошедшее и шли к детским переживаниям.

Сами явления привели Freud'a к необходимости искать причин заболевания не в актуальных травмах, а в более отдаленных по времени, детских. В это же время больная Freud'a видит сон, в котором вспомнились ей те забытые, ушедшие из сознания сцены, которые дали возможность понять многое в ее поведении и помогли направить лечение на верный путь.

Такой факт, подтвержденный затем в целом ряде случаев, шел вразрез с предположением, что причину болезни нужно искать в сравнительно недавнем прошлом больного, и указывал на важное значение детских переживаний больного, с одной стороны, и на значение его снов—с другой. Вопрос о значении детской сексуальности, таким образом, встал перед Freud'ом во всей его значительности и направил к дальнейшему изучению детства.

Но как объяснить себе, что у больного существуют переживания, о которых он ничего не знает и которые все-таки при известных условиях могут снова сделаться достоянием его сознания?

Не останавливаясь на попытках физиологических, которые свидетельствуют о невозможности психолога найти психологические основания для выяснения процессов (см. 1 часть лекций Freud'a), Freud, основываясь на явлениях повседневной жизни, приходит к заключению, что здесь имеется особый процесс—«вытеснение», т.-е. устранение из области сознания почему-либо неприятных переживаний, которые после этого уже не в силах вступить в сознание в своих первоначальной форме и виде.

Такие неприятные, непереносимые для субъекта переживания уходят из сознания и лишаются возможности быть сознаваемыми. Этот процесс имеет громадное значение для понимания механизма целого ряда проявлений как болезненных, так и здоровых, и объясняет нам происхождение многих таких наших действований и поступков, о которых мы сами ничего не знаем и причина которых нам неизвестна.

Вытесненное может вернуться в сознание только в искаженном виде, и естественно, что в таком новом виде мы уже не признаем его за первоначальное и не можем связать с ним прежде бывшее. Еще поразительнее тот факт, в котором можно очень легко убедиться, что всякий раз, когда, казалось бы, человек сейчас, вот сию минуту, должен был бы вспомнить то, что было вытеснено, процесс вытеснения снова имеет место и припоминание оказывается невозможным. Чем больше делаешь напряжения, чем больше стараешься, тем меньше это удается.

Это одинаково характерно и для процесса припоминания забытой фамилии и для того процесса, который лежит в основе методики психоанализа, так называемых свободно возникающих в нашем сознании, помимо нашей воли, психических содержаний—мыслей, воспоминаний, образов, ощущений и пр.,—короче, хотя и неправильно, этот процесс называется «свободным ассоциированием»—по-немецки этому соответствует термин «что в голову приходит» (freie Einfälle).

Понимая невроз как активное взаимоотношение психических сил, Freud, естественно, должен был отказаться от гипноза, как от пассивного состояния с измененным сознанием, так как психоанализ ведет человека не к пассивному вос-

приятию внушения, а к активной деятельности психики, ведущей к синтезу, к обогащению ее и воспризнанию того, что человек вытесняет в силу определенной слабости, отсутствия смелости к самому себе.

Однако такая деятельность возвращения в сознание вытесненного возможна только при том условии, если со стороны больного или человека здорового существует определенное отношение к врачу, его анализирующему, которое Freud обозначает термином «перенесение» (Uebertragung). «Перенесение» в психоанализе есть то же, что в гипнозе «раппорт»,—он говорит об особой связи, которая существует между лечащим и больным. Это чувство «перенесение» (как его называет Freud) есть необходимое условие лечения: благодаря этому чувству осуществляется внутренний контакт между больным и врачом и только через врача может осуществиться та связь больного с миром, которая утеряна им вследствие болезни.

Здесь важно отметить, что совершенно то же перенесение играет громадную роль в педагогике, и там также только благодаря раппорту удается ввести ребенка в мир и ознакомить его и обратить его внимание на ценности объективного мира.

Для того, чтобы это перенесение могло дать определенные результаты, для того, чтобы он мог найти сознательное применение, важно не только знание врачом или педагогом явлений перенесения, но еще и требуются некоторые особые психические качества у тех лиц, которые пожелали бы использовать этот перенос для блага больного или ребенка.

Эти особые психические особенности создаются только при условии работы психоаналитическим методом, и, как утверждает Freud, для человека, видящего хорошие сны, совершенно достаточным является анализ таких снов.

Перенесение это, которое в случае болезни может быть как нежным так и враждебным, служит доказательством, как на это указывает Freud, того, что силы, формирующие невроз,—сексуального характера (факт симпатии или антипатии тесно связан с этим инстинктом).

В связи со всем этим Freud был вынужден обратиться к изучению сексуальности у детей. Имея определенный опыт в этом отношении при исследованиях невротиков, Freud затем непосредственными наблюдениями убедился в ее суще-

ствовании у детей. Это открытие, победа в области психоанализа, удивило исследователя прежде всего тем, как это до него никто не обратил внимания на такие исключительно бросающиеся проявления у ребенка. Проявлениям сексуальности у детей в нашей библиотеке будет посвящено несколько работ, и там я выскажусь подробно о том, какое громадное значение имеет этот вопрос в педагогике и в психологии ребенка.

То же относится к вопросу о сновидениях и их толковании—тема, разработанная во второй части лекций Freud'a по психоанализу.

Интересно остановиться на тех применениях, которые нашел психоанализ, сначала как чисто лечебная, терапевтическая система, в области различных наук о духе.

Целый ряд специалистов, воспользовавшись новым методом исследования, применили метод Freud'a к некоторым дисциплинам. Основанием для такого применения послужили работы основателя психоанализа, расширившие поле зрение этого учения и показавшие, что многие процессы у здоровых людей должны быть объяснены теми же взаимоотношениями, какие имеются и у больных; в «психопатологии обыденной жизни» Freud дал нам для этого очень много ценных и неоспоримых фактов и анализов (см. I том его лекций в этом издании).

Психология мифов и мифотворчества, как работа коллективного организма, психология суеверий, тотема и табу, психология острот дали возможность и указали на плодотворность применения этой новой точки зрения к целому ряду продуктов как индивидуального, так и коллективного творчества. Анализ отдельных литературных произведений (например, «Градивы») позволил Freud'y глубже заглянуть в тайники творчества.

Интереснейшие областью для исследования оказалась область детской души, изучение которой пролило много света в педагогику.

Целый ряд работ из этой области, пока еще не переведенных на русский язык, появится впервые в этом издании с соответствующими комментариями.

Если психоанализ как таковой не может быть применяем педагогами в детских домах и школах, если с рас-

пространением того, что Freud назвал «диким психоанализом», следует всемерно бороться, то воспользоваться, приобрести те знания, на которые в ребенке указывает психоанализ,— является совершенно необходимым для каждого педагога.

Такие знания, которых педагог не может получить ни из какого другого источника, кроме психоанализа, заставят его и помогут ему смотреть и оценивать те или другие проявления ребенка, как вполне понятные и, может быть, законные,—знание психики ребенка и особенностей его мышления (бессознательное или символическое мышление) позволит педагогу правильно разбираться и ближе подойти к ребенку.

Наконец, те тяжелые, почти болезненные проявления у детей, которые связаны или с их критическим периодом развития или с определенными половыми проявлениями, будут приводить педагога не к отчаянью или отвращению, но помогут ему и в таких случаях найти контакт и помочь ребенку в этот трудный период - этап в его жизни. Не будучи в состоянии быть психотерапевтом или психоаналитиком, педагог может благодаря своему сознательному отношению, по крайней мере, удержаться от того, чтобы вредить, что, сожалению, обычно и бывает.

Я не буду останавливаться на дальнейшем изложении работы Freud'a, на том его анализе отщепившихся от него учений Jung'a, Adler'a, о которых он сумел так хорошо высказаться, в то же время дав еще более исчерпывающую картину настоящего научного психоанализа.

Вторая работа Freud'a, помещенная в этом томике, дает нам самые общие сведения о бессознательном. Как я уже говорил, учение о бессознательном, выдвигаемое психоанализом, указывает и знакомит нас с очень важной, исключительной по своему значению, областью—системой нашей душевной жизни, куда из сферы сознания вытесняются и где продолжают существовать и действовать целые комплексы наших переживаний, подвергающиеся в этом новом состоянии чрезвычайно существенным изменениям и воздействиям со стороны других уже вытесненных, удаленных из сознания представлений и переживаний.

Представление или мысль или находятся в сознании, или могут не быть в нем, но зато их можно вызвать, когда это понадобится; они могут быть в явном состоянии, когда их сознают и в скрытом, пока о них ничего не знают.

Но и то, что нам неизвестно, чего нет в настоящее время в нашем сознании, все же есть психическое, и то, что мы можем в данный момент вызвать и воспользоваться нашим знанием, вовсе не говорит о том, что оно перестало быть психическим.

Freud старается выяснить, каково состояние этих скрытых, латентных психических процессов и состояний, и предлагает называть их бессознательными.

Не удовлетворяясь этими, чисто словесными определениями, Freud обращается к фактам, которые помогли бы нам лучше разобраться в этих явлениях.

Он пользуется для этого тем давно известным явлением, которое в гипнологии носит название «послегипнотического» внушения. Больной по пробуждении из гипнотического сна должен выполнить некоторые приказания, данные ему во сне гипнотизером. То, что загипнотизированный должен выполнить, остается для него неизвестным до того момента, пока наступит время для выполнения внушенного. Внушенное до выполнения загипнотизированным известного акта находится в его психике в латентном, скрытом состоянии—он о нем ничего не знает, но вот наступает момент действовать, и загипнотизированный начинает действовать согласно внушению, хотя свое действование никаким образом не связывает с кем бы то ни было, делает, исполняет внушенное потому, «что так ему захотелось, так было нужно».

Это действование, внушенное человеку, не только появилось, как таковое, в его сознании, но и выразилось в определенном поступке.

О том, что этот поступок связан с внушением врача, об этом испытуемый все-таки ничего не знает. Таким образом идея, как мы видим, может быть в одно и то же время действенной и бессознательной.

Мало того—при всех попытках осознать такое действование, человек не приходит ни к какому другому результату, как только к тому, что ему вдруг захотелось, и он сам не знает, почему он это сделал, или же, наконец, он приводит ка-

кие-либо объяснения, никакого отношения к внушенной идее не имеющие и не связывающиеся с личностью гипнотизера. Таким образом выясняется, что, во-первых, у человека (это мы знаем уже относительно больных) могут существовать мысли, о которых он сам ничего не знает, во-вторых, эти мысли он не в состоянии связать с тем причинным моментом, который на него подействовал и вызвал их (приказание гипнотизера), и, в-третьих,—и это самое главное,—даже мыслей этих может и не быть в сознании больного, а существует некоторая потребность в определенном поступке или действии, ни с какой мыслью перед этим не связанная (только представление о деятельности, но не о мотивах ее). То, однако, что при известных условиях все-таки возможно ввести в сознание такого действующего человека неизвестные ему мысли, вызвавшие такое действование, является блестящим доказательством того, что техника психоанализа приводит нас к возможности снова воскресить забытое и ввести это забытое в синтез нашего сознания.

Такой опыт чрезвычайно нетрудно провести и повторить любое число раз и убедиться, что это действительно так. Опыт этот нас очень многому научает: он научает нас прежде всего и убеждает в существовании у человека таких психических процессов, которые находятся у нас в скрытом состоянии (латентном); эти процессы, мысли, представления вызывают действования, о причине которых мы ничего не умеем сказать, и в то же время для окружающих то, что для нас не имеет смысла и является «случайным», «взбредшим в голову», приобретает очень важное и несомненное значение.

Freud'y удалось доказать, что такие душевные процессы, о которых ничего не знаешь, свойственны не только больным или загипнотизированным, но что они есть явление, так сказать, нормальное и нередко встречаются у совершенно здоровых людей. Среди целого ряда действований и поступков, которые совершает здоровый человек, найдется немало таких, о причине и о происхождении которых он сам ничего не знает.

Он объясняет их случайностью, какими-либо извиняющими моментами, например, рассеянностью, раздражением или чем-либо подобным.

Психологи, чувствуя невозможность найти психологическое объяснение для таких явлений, ссылались на физиологические или патологические причины такого явления. Freud'y, привыкшему искать ответов в той же области, в которой происходят определенные явления, удалось найти те психологические основания, которыми обусловливаются подобные явления.

Процессы вытеснения и сопротивления привели его к динамическому, процессуальному пониманию области бессознательного, позволили глубже отнестись к явлениям сновидения и найти связь и указать на зависимость между сновидениями и фактами реальной жизни.

Область бессознательного — особой системы психики — не может быть сведена только к качественному признаку определенных процессов; дело вовсе не в том, что известная мысль, желание, действие, может быть, отличается признаком сознания или бессознательности, вопрос этот не в качестве, а в том, в какой системе находится в связи та или иная мысль, желание и т. п.

Таким образом, изучая бессознательное, мы стремимся понять не какой-либо новый признак, отличающий и свойственный психическому содержанию, но единственно ту систему, тот процесс, частью которого делается это содержание.

Такой совершенно иного характера процесс или система имеет и обнаруживает другие законы, царящие в них, чем это происходит в сознании.

Сновидения—via regia в область бессознательного; лучше всего эта область может быть изучена анализом сновидений, которые представляют, как указал Freud, процессы, связывающие новое переживание с одним из существующих с детства бессознательным желанием, но подвергшимся вытеснению, удалению из сознания, мысли, сохранившие известный интерес и во сне.

Подробности этих процессов читатель найдет во II томе лекций Freud'a.

Здесь я хотел бы остановиться еще на том большом значении, которое имеют в педагогике анализы снов детей и понимание тех поступков детей, которых ни сами дети, ни педагоги не в состоянии объяснить.

Я принужден ограничиться, естественно, самыми общими соображениями. Тщательно подобранный в целом ряде детских домов материал позволяет утверждать, что эта область, детские сновидения, только в исключительных случаях привлекает внимание педагога. А между тем при знакомстве со сновидениями ребенка мы приобретаем очень важные данные для суждения о той области бессознательного, которую надлежит педагогу путем педагогических приемов перевести в сознание. Сновидения могут помочь нам разобраться и дать себе отчет, а следовательно, и вызвать определенные мероприятия в тех случаях, когда ребенок, мучающийся теми или иными своими проявлениями, не в состоянии указать нам на причину их и полагает в этом случае, как и взрослый, что с ним «что-то делается, что-то происходит».

То, что действует на человека, как посторонняя сила, то, что принуждает его к иногда непонятным и диким, как ему кажется, поступкам и действиям — это происходит, мотивы таких действий находятся в бессознательном, в вытесненном из сознания.

Явное содержание сновидений позволяет нам понять скрытые мысли их и в связи с этим правильно оценивать и помогать ребенку таким образом, которым он лучше всего и скорее всего мог бы сам осознать действующие в нем желания. Управлять своими желаниями, обнаруживать мужество перед самим собой и к себе — вот чему, между прочим, должен был бы научить ребенка педагог.

Дальнейшие, помещенные в этом томике работы Freud'a являются чрезвычайно существенными для всех, кто хотел бы углубить свои знания в тех вопросах, которых Freud отчасти касается и в своих лекциях, не имея, однако, возможности остановиться на них достаточно времени.

Статьи, собранные в этом томике, соединены здесь не случайно; они, как на это указывает в одном из примечаний Freud, образуют одно целое и пытаются ответить на очень важный и законный вопрос — как смотрит сам психоанализ на психологическую сторону своего учения.

Ответственность и особая серьезность содержания этих статей делает очень нелегкой возможность их усвоения при беглом чтении,—эти работы Freud'a требуют пристального

и долгого изучения и обдумывания. Громадное большинство работ Freud'a, помещенных в сборниках «Kleine Schriften», отличаются большой сжатостью и концентрированностью изложения, до чрезвычайности затрудняющей их понимание. Вопросы, в которых пытается разобраться, а иногда и поставить Freud, принадлежат к самым существенным в психоанализе, поэтому понятна та осторожность и сознание ответственности, которые проходят через все его статьи.

Сколько-нибудь ближе подвести читателя к содержанию этих статей или попытаться вскрыть перед ним то, что скрывается ценного иногда в маленькой заметке, иногда в отдельной фразе, было бы совершенно невыполнимым трудом—концентрация мысли Freud'a в его статьях должна быть раскрыта целыми томами библиотеки. Мы к этому и стремимся, но другим путем, и надеемся, что последующие работы, как самого Freud'a, так и его учеников, которые войдут в следующие тома, помогут многое понять и осмыслить.

Перевод этих психологических статей, конечно, тяжел и не всегда понятен сразу, но и сам Freud не раз упоминает, что область, о которой он говорит в этих работах, пока еще не совсем ясна и не может по существу своему стать когда-нибудь простой для понимания.

Лучше всего оценят значение этих работ Freud'a те, кому приходится заниматься тяжелой работой психоаналитиков, на каждое утверждение Freud'a они смогут вспомнить многие и многие случаи из практики, которые становятся понятными после того, как Freud уточняет основные положения новой науки; но и психолог и педагог найдут в этих и последующих работах многое, что остановит их внимание и если не убедит, то, по крайней мере, заставит задуматься над многими поставленными здесь вопросами.

Было бы совершенно излишним, быть может, дать в этом вступлении подробный разбор того материала, который содержат статьи Freud'a; такое вступление достигло бы своей цели, если бы оно могло указать на все то, что Freud со свойственным ему лаконизмом скрывает в своих работах. Такая трудная и ответственная работа выходит за пределы скромного введения уже потому, что в таком случае введение должно было бы в несколько раз увеличить размеры этого томика.

«Положение о двух принципах психической деятельности» знакомит нас с тем, какими являются в психоанализе, при его точке зрения, основные психологические понятия. Внимание, память, процесс мышления, фантазирование, желания и др. процесссы находят свое освещение в статье Freud'a. Нельзя не пожалеть, что эта в высшей степени интересная статья, говорящая нам о принципах удовольствия и неудовольствия, о воспитании и об искусстве, о бессознательном, так кратка, что скорее носит характер некоторого разработанного плана.

Следующая статья «О вытеснении» значительно более разработана и дает нам много ценных указаний о происхождении аффекта страха, симптомов и о применении вытеснения в области патологии душевной деятельности. Значение влечений (Trieb) и их судеб (Triebschiksale) лежит в основе психоанализа. В этой статье Freud дает ответ на непрестанные требования критики — точнее определить содержание понятия влечения. Стадии развития влечений, различные отклонения их от их целей—все это чрезвычайно существенно для понимания и уточнения самого понятия влечений.

Наиболее проработанной, естественно, является работа в той области, с которой психоанализу приходится иметь дело par excellence—в бессознательном. Freud отличает сознание Bw и Vbw и бессознательное или Ubw. В отдельных коротких параграфах Freud стремится дать наиболее исчерпывающее при современном уровне наших знаний изложение его концепции этих важных систем в нашей психике (статья трудна для понимания и требует подготовки). В «Метапсихологическом дополнении к учению о сновидениях» [1]) Freud указывает на то, что все приведенные в этом томике статьи он хотел объединить под общим заглавием «Подготовительные работы к метапсихологии». Теоретические положения в этих работах можно было бы положить в основу психоаналитической системы. Поскольку эти исследования базируются на изучении патологических случаев, постольку они позволяют нам глубже понять в них психологические процессы. Гораздо доступнее

---

[1]) Метапсихологией Freud называет психологию, развившуюся после психологии, которая описывает психические процессы в динамическом, топическом и экономическом отношениях.

следующая статья Freud'a о «Печали и меланхолии», заключающая в себе удивительно тонкий анализ этих обоих состояний. Концепция меланхолии, очень проникновенно анализируемая Freud'ом, дает психиатрии очень важные для понимания этого состояния указания. Конечно, всякий шаг вперед в таких сложных вопросах, какими являются вопросы психологические, зависит не только от психоанализа и психологии, но и от развития целого ряда других наук, участвующих в поступательном движении человеческой мысли. «Трудности на пути психоанализа» раскрывают нам теорию либидо и тот этап в развитии научной мысли, который знаменует собой психоанализ, утверждающий, опираясь на свои исследования, чрезвычайно неприятное для нашего «*я*» громадное значение сексуального и бессознательного в нашей психической деятельности.

Последняя работа в этом томике одинаково относится как к вопросу о символике, так и к вопросам о влечениях и их превращении. Ее вполне правильно оценит только тот, кому приходилось уже читать, думать и работать над вопросами, связанными с анальной эротикой. Особенно интересна в этом смысле работа Jones'a, которая найдет место в одном из следующих томов библиотеки, посвященном вопросу о характерах на почве той или иной эротики.

В этом введении мне пришлось отступить от того плана, которого я буду придерживаться во всех последующих томах нашей библиотеки, но таково уже содержание этого тома, существо разбираемых в нем в просов, что лучше подождать с объяснениями до тех пор, пока мы не будем располагать более значительным материалом в следующих выпусках нашей библиотеки.

Проф. Ив. Ермаков.

Очерк истории психоанализа.

Prof. Sig. Freud.

Не следует удивляться субъективному характеру предлагаемого «Очерка истории психоаналитического движения» и той роли, которая отведена в нем моей личности. Потому что психоанализ—мое творение. В течение десяти лет им занимался один только я, и все неудовольствия, вызванные у современников этим явлением, всегда обращались против меня одного. Поэтому я считаю себя в праве отстаивать ту точку зрения, что еще и теперь, когда я уже давно перестал быть единственным представителем психоанализа, никто лучше меня не может знать, что такое психоанализ, чем он отличается от других способов исследования душевной жизни, чему можно дать такое имя и чего не следует так называть.

Когда я впервые в 1909 году получил возможность говорить публично о психоанализе с кафедры одного американского университета [1]), взволнованный значением этого момента для распространения моих идей, я объявил, что психоанализ вовсе не мое детище. Я приписал эту заслугу другому, J. Breuer'y, и отнес ее к тому времени, когда я еще студентом был занят государственными экзаменами (с 1880 до 1882 г.).

Однако я должен был согласиться с возражениями моих доброжелательных друзей, что, выражая таким образом мою благодарность, я погрешил против действительного поло-

[1]) О психоанализе. Пять лекций, читанных по случаю двадцатилетнего юбилея Clark University in Worcester Mass., посвященных Stanley Hall. Второе издание. 1912 г. Одновременно по-английски появились в Amer. Journ. of Psychology. Mar. 1910 г. переведены на голландский, венгерский, польский и русский.

жения вещей. Мне следовало бы, как и прежде, указать на значение «Катартического метода» Breuer'a как предварительной стадии психоанализа, а началом самого психоанализа считать тот момент, когда я, отбросив гипнотическую технику, ввел метод свободных ассоциаций.

В сущности совершенно безразлично: начинать ли историю психоанализа с «катартического метода» или с момента, когда я внес в него изменения. Я останавливаюсь на этой неинтересной подробности потому, что некоторые противники психоанализа при случае не прочь напомнить, что ведь все это искусство совсем не мое изобретение, а Breuer'a. Конечно, это случается только в том случае, когда критики считают возможным признать в психоанализе кое-что достойным внимания; в том же случае, если их отрицание не знает никаких пределов, то психоанализ признается моим созданием. Я еще никогда не слыхал, чтобы участие Breuer'a в создании психоанализа навлекло бы по его адресу какую-либо брань и порицание. А так как мне давно уже известно, что психоанализ неизбежно вызывает в людях озлобление и протест, то я и пришел к заключению, что, должно быть, именно я и положил основания всему тому, что является особенностью психоанализа. С удовлетворением могу добавить, что Breuer не сделал ни одной попытки умалить мое значение в таком ославленном психоанализе и не поддерживал таких мнений.

Содержание открытия Breuer'a сводится к положению, что симптомы у истерических больных зависят от потрясающих, но забытых сцен из их жизни. Основанное на этом положении лечение старается заставить больных вспоминать эти переживания в гипнозе и воспроизводить их (Katharsis). Отсюда вытекает частичная теория о том, что эти симптомы соответствуют ненормальной связи определенного количества неразрешенной энергии возбуждения (конверсия).

Breuer при всяком упоминании о конверсии в своем теоретическом очерке «Studien über Hysterie» ставит в скобках мое имя, как будто эта первая попытка теоретического обоснования была исключительно моим научным открытием. Я думаю, что эта ссылка имеет отношение к номенклатуре, тогда как теоретическое понимание конверсии одинаково выяснилось для нас обоих.

Известно также, что Breuer после первого опыта уже не применял больше катартического лечения в течение целого ряда лет и взялся вместе со мной за него снова после моего возвращения от Charcot. Как терапевт Breuer слишком был занят обширной врачебной практикой; я же неохотно сделался врачем, но в то время по некоторым серьезным причинам у меня было сильное желание помочь нервно-больным или хотя бы кое-что понять в их состояниях. Вначале я возлагал надежды на физикальную терапию, но оказался беспомощным благодаря разочарованиям, которые во мне вызвала богатая советами и назначениями книга «Erb'a Electrotherapie». Если я тогда самостоятельно не мог дойти до усвоенного мной позже, благодаря Möbius'y, взгляда, что успехи электрического лечения при нервных растройствах основаны на внушении, то в этом было виновато исключительно отсутствие каких бы то ни было успехов. Удовлетворительной заменой дискредитированной электротерапии казалось тогда лечение внушением в глубоком гипнозе, с которым я познакомился благодаря производившими тогда большое впечатление демонстрациям Liebault и Bernheim'a. Но расспрашивание в гипнозе, с которым я познакомился благодаря Breuer'y, должно было больше привлечь меня, как автоматичностью действия, так и удовлетворением любознательности, чем однообразное и исключающее всякое исследование подавление при помощи внушения.

Недавно мы услышали, что одним из самых последних завоеваний психоанализа является требование выдвигать на первый план анализ ближайшего по времени конфликта и повода к заболеванию. Именно это мы и делали с Breuer'ом в начале наших работ с помощью катартического метода. Мы направляли внимание больного непосредственно на травматизировавшую больного сцену, во время которой возник симптом, старались открыть в ней психический конфликт и освободить подавленный аффект. При этом мы открыли характерное для психических процессов при неврозах явление, которому я дал позже название «регрессии». Ассоциации больного шли от сцены, которую желательно было объяснить, назад к более ранним переживаниям, и принуждали анализ, желавший изменить настоящее

состояние больного, обратиться к его прошлому. Эта регрессия вела все дальше назад, как казалось, сначала до периода первой юности, а потом неуспехи и пробелы в понимании завлекали аналитическую работу в более ранние годы детства, которые были до тех пор недоступны какому бы то ни было исследованию. Это «обратное» направление стало важной характерной чертой анализа. Выяснилось, что психоанализ не может объяснить ничего в настоящем состоянии больного, не сведя его к прошлому, — более того, что всякое патогенное переживание предполагает другое, более раннее переживание, которое, не будучи само патогенным, придает это свойство позднейшему. Но искушение держаться одного только актуального повода было так велико, что я поддавался ему еще и в позднейших моих анализах. В проведенном в 1899 году лечении пациентки, под именем Доры, я знал сцену, вызвавшую вспышку настоящего заболевания. Бесчисленное множество раз старался я проанализировать это переживание и на все мои требования ни разу не добился ничего другого, как всегда одного и того же недостаточного и неполного описания этой сцены. В то время, когда мы дошли до воспоминаний самого раннего детства, пациентка увидела сон, при анализе которого ей удалось вспомнить забытые до того подробности вышеупомянутой сцены, что сделало возможным понимание и разрешение актуального конфликта.

Из этого одного примера видно, как ошибочно требование выдвигать на первый план настоящий конфликт и повод к заболеванию и какая громадная научная реакция выражается в этом совете пренебречь регрессией в аналитической технике.

Первое разногласие между Breuer'ом и мной возникло в вопросе о деталях понимания психического механизма истерии. Он предпочитал еще, так сказать, «физиологическую» теорию, хотел объяснить раздвоение психики у истерических больных разобщением между различными душевными состояниями (или, как мы тогда говорили, состояниями сознания) и создал таким образом теорию «гипноидных состояний», после которых остаются в душе как бы неассимилированные чуждые тела и застревают в бодрствующем сознании. Я объяснял все это менее научно,

предполагая всюду тенденции и наклонности, аналогичные явлениям обыденной жизни, видя в самом психическом раздвоении результат процесса отталкивания, который я тогда назвал отражением, а позже «вытеснением» (Verdrängung). На время я пытался допустить одновременное существование обоих механизмов, но так как опыт обнаруживал всегда одно и то же, т.-е. вытеснение, то вскоре «гипноидной» теории Breuer'a я противопоставил учение об «отражении».

Однако я вполне убежден, что это противоречие не имело ничего общего с последовавшим между нами вскоре после этого разрывом. Разрыв этот имел более глубокие причины, но произошел так, что сначала я и не догадывался о нем и понял только позже, на основании различных косвенных признаков, что разрыв уже произошел. Нужно помнить, что Breuer высказал о своей знаменитой первой пациентке, что сексуальные моменты у нее были удивительно неразвиты и никогда ничего не привносили в богатую картину ее болезни. Я всегда удивлялся, что критика так редко пользовалась этим утверждением Breuer'a как противоположением моему мнению о сексуальной этиологии неврозов, и до сих пор не знаю, следует ли усматривать в этом упущении доказательство их скромности или их невнимательности. Кто перечтет теперь снова историю болезни Breuer'a, тот при свете добытых за последние двадцать лет знаний не сможет не понять символики змей, оцепенения, паралича руки и, учитывая положение у постели больной отца, легко поймет значение каждого симптома. Его оценка роли сексуальности в душевной жизни этой больной резко разойдется с мнением врача. Больная поддавалась при лечении в самой сложной степени внушению со стороны Breuer'a, и ее отношение к нему может нам служить образцом того, что мы называем «перенесением» (Uebertragung). У меня были все основания полагать, что Breuer, по устранении всех проявлений болезни, должен был открыть по новым симптомам у нее сексуальную мотивировку этого «перенесения», но от него ускользнул общий характер этого неожиданного явления, так что он, как пораженный «untoward event», на этом месте оборвал исследование. Я не получил от него по этому вопросу никаких

прямых указаний, но в различное время он дал мне достаточно оснований для вышеизложенных предположений. Когда я впоследствии все решительнее настаивал на значении сексуальности в этиологии неврозов, он первый проявил по отношению ко мне то неприязненное отношение, которое мне впоследствии стало так хорошо знакомо, но которое я тогда еще не понимал как мою роковую судьбу.

Факт грубо сексуально окрашенного, нежного или враждебного перенесения, возникающего при всяком лечении невроза-перенесения, хотя и нежелательного и не вызываемого ни одной из сторон (больным и врачом), казался мне всегда неопровержимым доказательством происхождения творческих сил невроза из области сексуальной жизни. Это доказательство еще до сих пор недостаточно серьезно оценено, так как в этом случае при исследовании не было бы собственно другого выбора. Для меня оно сохраняет свое решающее значение одинаково и даже больше, чем соответствующие результаты аналитической работы.

Утешением за этот дурной прием, который гипотеза сексуальной этиологии неврозов встретила даже в тесном кругу моих друзей (вокруг меня очень скоро образовалось пустое пространство), служила мне мысль, что я выступил на борьбу за новую и оригинальную идею. Однако в один прекрасный день всплыли у меня воспоминания, которые лишили меня этого удовлетворения, но зато раскрыли предо мной прекрасную картину процессов нашего познания. Идея, ответственность за которую легла на меня, никоим образом не является моим детищем. Она была дана мне тремя лицами, мнение которых должно было встретить с моей стороны глубочайшее уважение: самим Breuer'ом, Charcot и гинекологом нашего университета Chrobak'ом, может быть, самым выдающимся из наших венских врачей. Все эти три человека передали мне мнение, которого, строго говоря, сами они не разделяли. Двое из них отказались от своих слов, когда я позднее напоминал им о них, третий, Charcot, вероятно, сделал бы то же самое, если бы только суждено мне было снова встретиться с ним. Во мне же эти, конгениальные мысли, которые мне запомнились, хотя я их не понимал, дремали в течение многих лет, пока, наконец, не проявились как мое собственное оригинальное познание.

Когда я, ещё молодой госпитальный врач, однажды гулял с Breuer'ом по городу, к нему подошел какой-то человек и хотел сейчас же поговорить с ним. Я отстал немного, а когда Breuer освободился, он рассказал мне со своей дружелюбно наставнической манерой, что это муж одной пациентки дал ему о ней сведение. Женщина эта, прибавил он, держит себя на людях столь вызывающе, что ее направили к нему для лечения, как нервно-больную. Это всегда «тайны алькова»,—прибавил он в заключение. Я с удивлением спросил, что он этим собственно хочет сказать, и он объяснил мне значение слова («брачное ложе)», так как не мог понять, почему его мысль показалась мне такой странной.

Несколько лет спустя я сидел на одном из приемных вечеров у Charcot недалеко от уважаемого учителя, который как раз рассказывал Brouardel'ю, повидимому, об очень интересном случае из практики. Я не расслышал начала, но постепенно рассказ приковал к себе мое внимание. Молодая супружеская пара с далекого востока: жена—тяжелобольная, муж—импотент или очень неловкий. «Tâchez-donc», слышал я, как повторял Charcot, «je vous assure, vous y arriverez». Brouardel, который говорил тише, должно быть выразил свое удивление, что такие обстоятельства могут вызывать подобные симптомы, потому что Charcot вдруг с большой живостью воскликнул: «Mais dans les cas pareils c'est toujours la chose, genitale toujours, toujours».

При этом он скрестил руки на нижней части живота и со свойственной ему живостью подпрыгнул несколько раз на месте. Я помню, что в это мгновение я был поражен от удивления и сказал себе: если ему это известно, то почему же он никогда не упоминает об этом? Но впечатление скоро забылось. Анатомия мозга и экспериментальное воспроизведение истерических параличей поглотили весь мой интерес.

Спустя год я начал свою врачебную практику в Вене в качестве приват-доцента по нервным болезням и оставался в области этиологии неврозов, таким невинным и невежественным, как этого только и можно ожидать от подающего надежды академического ученого. Тут я получил однажды любезное приглашение Chrobak'a принять от него пациентку, которой он благодаря своему новому положению универси-

тетского преподавателя не мог посвящать достаточно времени. Придя раньше него к больной, я узнал, что она страдает непонятными припадками страха, которые ослабевают только при условии точной осведомленности больной в том, где именно во всякое время дня находится ее врач. Когда явился Chrobak, он отвел меня в сторону и открыл мне, что страх пациентки происходит вследствие того, что она, несмотря на 18-тилетнее замужество, осталась до сих пор virgo intacta. Муж абсолютно импотентен. В таких случаях врачу не остается другого выхода, как покрывать своей репутацией домашнее несчастие и согласиться с тем, чтобы о нем, пожимая плечами, говорили: да ведь он ничего не понимает, если не вылечил ее за столько лет. «Единственный рецепт для таких страданий,—прибавил он,—нам слишком хорошо известен, но, к сожалению, мы не можем его прописать. Он гласит: Rp. Penis normalis

dosim

Repetatur!»

О таком рецепте я ничего не слыхивал и мог бы только покачать головой на циническое замечание моего доброжелателя.

Разумеется, я теперь указываю на происхождение столь ославленной идеи совсем не для того, чтобы свалить с себя ответственность за нее на других. Я слишком хорошо знаю, что совсем не одно и то же—высказать один или несколько раз какую-нибудь мысль в виде беглого замечания или отнестись к ней серьезно, понять ее буквально, устранить все противоречащие подробности и завоевать для нее место среди других признанных уже истин. Это, приблизительно, так же отличается одно от другого, как легкий флирт от законного брака со всеми его обязанностями и трудностями. «Epouser les idées de»... это, по крайней мере, по-французски употребительный оборот речи.

Из других моментов, присоединившихся затем к катартическому методу благодаря моим исследованиям, преобразовавших его в психианализ, я упомяну следующие:

Учение о вытеснении и сопротивлении, значение детской сексуальности и применение толкования сновидений для познания области бессознательного.

В создании учения о вытеснении я был безусловно самостоятелен, мне неизвестно никакое влияние, которое сколько-

нибудь приблизило меня к этому пониманию. Я долгое время считал эту идею совершенно оригинальной, пока O. Rank не показал нам место в «Welt als Wille und Vorstellung» Schopenhauer'a, где философ старается объяснить, что такое безумие. То, что этот мыслитель говорит о сопротивлении (противодействии) какому-либо мучительному явлению действительности, настолько совпадает с содержанием моего понятия о вытеснении, что только благодаря моей неначитанности я имел возможность сделать это оригинальное открытие.

Однако многие читали это место и проглядели его, не сделав такого открытия, и вероятно, и со мной произошло бы то же самое, если бы я в более ранние годы находил больше интереса в чтении философа. Позже я вполне сознательно отказался от громадного наслаждения, которое дает чтение произведений Nietzsche, благодаря тому убеждению, что никакие предвзятые идеи не должны служить мне помехой в переработке моих психоаналитических впечатлений. Зато я должен был быть готовым и готов и теперь отказаться от всех притязаний на первенство в тех частных случаях, когда кропотливое психоаналитическое исследование может только свестись к подтверждению интуитивных суждений философов.

Учение о вытеснении—фундамент, на котором зиждется все здание психонализа,—составляет существеннейшую часть его и представляет из себя не что иное, как теоретическое выражение наблюдения, которое можно повторять сколько угодно раз, если только, не применяя гипноза, приступить к анализу невротика. Тогда чувствуется сопротивление, которое противодействует аналитической работе и под предлогом пробела в воспоминаниях старается сделать эту работу невозможной. Применение гипноза должно было скрыть это сопротивление; поэтому история настоящего психоанализа начинается только с момента определенного технического нововведения—отказа от гипноза. Теоретическая оценка того, что это сопротивление совпадает с амнезией, ведет затем неизбежно к психоаналитическому пониманию бессознательной душевной деятельности, к пониманию, которое очень заметно отличается от философских умозрений. Поэтому можно сказать, что психоаналитическая теория является по-

пыткой объяснить два рода наблюдений, которые поразительным образом повторяются при всякой попытке открыть в жизни невротика причины проявления его страданий, т.-е. факты «перенесения» и «сопротивления». Всякое исследование, которое признает оба эти факта, как исходное положение работы, может называться психоанализом, если даже оно приходит к каким-либо другим результатам, отличным от моих. Кто же берется за другие стороны проблемы и отступает от этих обеих предпосылок, того вряд ли можно не упрекнуть в покушении на чужую собственность при помощи мимикрии, особенно, если он будет упорно называть себя психоаналитиком.

Я бы самым решительным образом протестовал против того, чтобы считать учение о вытеснении и о сопротивлении предпосылками психоанализа, а не выводами. Такие предпосылки общепсихологической и биологической природы действительно существуют, и было бы целесообразно поговорить о них в другом месте, но учение о вытеснении, результат психоаналитических исследований, законным образом добыт из бесчисленных наблюдений. Такое же приобретение, только гораздо более позднего времени, составляет разработка вопроса о детской сексуальности, о которой в первые годы нащупывания пути аналитического исследования еще не было и речи. Можно было только заметить, что причину влияния актуальных впечатлений у больного приходится видеть в прошлом. Но «ищущий находит часто больше, чем хотел найти». Приходилось все дальше и дальше углубляться в прошлое, и, наконец, как будто бы являлась надежда, что можно будет остановиться на периоде возмужалости, на эпохе традиционного пробуждения сексуального чувства. Напрасно: следы вели еще дальше назад в детство и даже далее, в ранние его годы. На этом пути пришлось преодолеть заблуждение, которое чуть не стало роковым для молодой науки. Под влиянием связанной с Charcot травматической теории истерии приходилось считать реальными и имеющими этиологическое значение рассказы больных, которые приписывали пассивным сексуальным переживаниям в раннем детстве, то-есть, грубо выражаясь, половому соблазну, значение причины симптомов болезни. Когда эта этиология рухнула вследствие ее неправдоподобия и противоречия с несомненно устано-

вленными фактами, то непосредственным следствием этого явился период полнейшей растерянности. Анализ приводил вполне правильным путем к этого рода инфантильным сексуальным травмам и тем не менее они оказывались ложью. Почва действительности была таким образом утеряна. В это время я охотно бросил бы всю работу подобно моему почтенному предшественнику Breuer'y после сделанного им неприятного открытия. Может быть, я устоял только потому, что у меня не было выбора начинать что-либо другое. В конце концов, я стал понимать, что никто не имеет права отчаиваться только потому, что обманулся в своих ожиданиях, но что следует проверить, не ошибся ли он в своих предположениях. Если истеричные указывают на вымышленные трамвы как на причину симптомов болезни, то сущность этого нового факта сводится к тому, что они фантазируют о таких сценах, и поэтому необходимо считаться с этой психической реальностью так же, как и с практической. Вскоре я имел возможность убедиться, что назначение этих фантазий прикрыть и прикрасить аутоэротические проявления детских лет и поднять их на более высокую ступень (сублимировать). И вот тут-то за этими фантазиями и открылась во всем ее объеме половая жизнь ребенка.

В этой сексуальной деятельности раннего детства могла проявиться и прирожденная конституция. Предрасположение и переживание связывались здесь в одно этиологическое целое благодаря тому, что вследствие предрасположения получали значение возбуждающих и фиксирующихся травм такие впечатления, которые иначе по своей обычности не имели бы никакого влияния: эти переживания пробуждали в больном такие факторы предрасположения, которые без них долго бы дремали и, может быть, остались бы в зародышевом состоянии. Последнее слово в вопросе о травматической этиологии было сказано затем Abraham'ом, указавшим, какая именно особенность сексуальной конституции ребенка умеет провоцировать своеобразные сексуальные переживания, то-есть травмы.

Мои положения о сексуальности детей были вначале основаны почти исключительно на результатах анализа у взрослых, углубляющихся в прошлое. Для прямых наблюдений над ребенком у меня еще не было случая.

Поэтому необычайным триумфом оказалась возможность несколькими годами позже подтвердить прямым наблюдением и анализом детей в очень ранние годы жизни большую часть этих заключений. Но триумф этот постепенно бледнел при мысли, что открытиями такого рода следует, пожалуй, стыдиться: чем больше углублялись в наблюдение над ребенком, тем более естественным становился самый факт сексуальности, и в то же время тем более удивительным казалось, что столько труда положено было другими на то, чтобы его не замечать.

Такое твердое убеждение в существовании и значении детской сексуальности можно, однако, себе составить только путем анализа, идя от симптомов и особенностей невротиков к их первоисточникам, вскрытие которых объясняет то, что в них вообще объяснимо, и дает нам возможность изменить то, что поддается изменению. Я прекрасно понимаю, что приходят к другим результатам, когда (как это недавно сделал Jung) сперва создают себе определенное теоретическое представление о природе полового влечения и, исходя уже из него, хотят понять жизнь ребенка.

На таком представлении можно остановиться только произвольно или вследствие посторонних соображений, и рискуешь тем, что оно будет не соответствовать той области, к которой его хотят применить. Разумеется, и аналитический путь ведет к известным конечным трудностям и непонятным местам в области сексуальности и ее отношений во всей жизни индивидуума; но их не следует устранять путем различных соображений, а нужно оставлять неразрешенными до тех пор, пока они не будут объяснены другими наблюдениями или наблюдениями в иных областях.

О толковании сновидений я скажу очень немного. Оно далось мне само как первый плод технического нововведения, после того как я, следуя смутному предположению, решился заменить гипноз свободными ассоциациями. Моя любознательность не была с самого начала направлена на понимание сновидений. Мне неизвестны никакие влияния, которые привлекли бы мой интерес к сновидениям или вызывали бы во мне ожидания определенных результатов работы. Я едва успел до разрыва моего с Breuer'ом как-то сказать ему одну только фразу, что умею теперь разгады-

вать сны. Благодаря такому историческому ходу этого открытия символика сновидений оказалась почти последним достижением в моем понимании сновидения, так как ассоциации мало что дают для объяснения символов. Так как я придерживался привычки всегда изучать сначала самые явления, прежде всяких справок о них в книгах, то я мог установить символику сновидения гораздо раньше, чем нашел указания на этот счет в сочинениях Scherner'a. Я оценил в полном объеме это средство выражения сновидения лишь позже, отчасти под влиянием исследований Stekel'я, сначала заслуженного в психоанализе работника, а затем проявившего небрежность. Тесная связь между психоаналитическим толкованием сновидений и некогда столь высоко ценимым в античном мире искусством снотолкования стала мне ясна только много лет спустя. Самую оригинальную и значительную часть моей теории сновидений, объяснение видоизменения сновидения внутренним конфликтом, своего рода внутренней неискренностью, я позже встретил у одного автора, которому была чужда медицина, а не философия, у инженера Popper'a, опубликовавшего под именем Линкеуза «Фантазии одного реалиста».

Толкование сновидений стало для меня утешением и поддержкой в те тяжелые первые годы анализа, когда я должен был осилить в одно и то же время технику, клинику и терапию неврозов. Я был совершенно одинок и часто боялся утратить способность ориентироваться и уверенность в себе среди путаницы возникающих и нагромождающихся трудностей. Проверка моего предположения, что невроз должен быть объяснен посредством анализа, заставляла часто до того долго себя ждать, что это обстоятельство могло сбить с пути; в сновидениях же, в которых можно видеть аналогию симптомам, это предположение находило почти полное подтверждение. Только эти успехи дали мне силу, уверенность и выдержку. Поэтому я привык измерять степень понимания работающего в области психологии его отношением к проблемам толкования сновидений и с удовлетворением заметил, что большая часть противников психоанализа избегала вообще вступать на эту почву или вела себя в высшей степени неловко, когда пыталась это сделать. Мой самоана-

лиз, необходимость которого стала для меня очевидной, я провел с помощью ряда своих сновидений, которые ввели меня во все события моих детских лет. Я еще и до сих пор остаюсь при том мнении, что у человека, имеющего хорошие сны и в достаточной степени нормального, такого рода анализ может быть вполне достаточен.

Развернув эту картину истории возникновения психоанализа, я думаю, показал лучше, в чем он заключается, чем систематическим его изложением. Я сначала не понял особенного характера моих открытий. Не задумываясь, я принес в жертву начинавшуюся мою популярность врача и наплыв нервно-больных на мой прием, последовательно доискиваясь сексуальных причин их неврозов; при этом я наткнулся на такие факты, которые окончательно укрепили мое убеждение в практическом значении сексуального момента. Ничего не подозревая, я выступил докладчиком в венском обществе специалистов, председателем которого был Kraft Ebbing, в ожидании, что интерес и признание товарищей вознаградят меня за добровольно взятый на себя материальный ущерб. Я относился к моим открытиям, как к более или менее безразличному научному материалу, и рассчитывал встретить такое же отношение и со стороны других. Только тишина, воцарившаяся после моих докладов, пустота, образовавшаяся вокруг меня, намеки по моему адресу заставили меня мало-по-малу понять, что если утверждаешь, что сексуальность играет определенную роль в этиологии неврозов, то не рассчитывай на такое же отношение к себе, как при других научных докладах. Я понял, что с этого времени я принадлежал к тому сорту людей, которые, по выражению Hebbel'я, «нарушили покой мира», и что я не могу рассчитывать на объективное отношение к себе и на то, чтобы со мной считались. Но так как мое убеждение в том, что мои наблюдения и выводы в общем правильны, постоянно росло, а мое доверие к собственному суждению и мое нравственное мужество были достаточны, то выход из этого положения несомненно мог быть для меня только один,—я решился поверить, что на мою долю выпало счастье открыть соотношения особенно важного значения, и нашел в себе готовность подвергнуться участи, которая иногда связана с подобным открытием.

Эту участь я себе представлял приблизительно таким образом: мне, пожалуй, кое-как удастся просуществовать благодаря терапевтическим успехам нового метода, но наука не обратит во время моей жизни на меня никакого внимания. Может быть, только несколько десятилетий спустя кто-нибудь другой неизбежно натолкнется на те же самые, пока несвоевременные, явления, добьется их признания и таким образом воздаст мне честь, как предшественнику, по необходимости потерпевшему неудачу. Между тем я устраивался, как Робинзон на необитаемом острове, насколько возможно удобнее. Когда я, среди смут и тяжести настоящего, взираю на те одинокие годы, мне кажется, что это было прекрасное героическое время: «Splendid isolation» не было лишено своих преимуществ и прелестей. Мне не нужно было читать никакой литературы, выслушивать плохо осведомленных противников, я был свободен от какого-либо влияния, ничем не стеснен. Я научился не поддаваться склонности к отвлеченным размышлениям и, следуя незабвенному совету моего учителя, Charcot, часто все снова и снова пересматривал те же самые явления, пока они не заговорят сами. Мои статьи, для которых я тоже с некоторым трудом нашел приют, должны были содержать гораздо меньше того, что я знал, опубликование их могло быть отложено на сколько угодно, потому что не приходилось защищать свой сомнительный приоритет. Толкование сновидений, например, было готово во всем существенном в начале 1896, а напечатано было только летом 1899 года. Лечение Доры было закончено к концу 1899 года, ее история болезни записана в течение ближайших двух недель, а опубликована только в 1905. Между тем мои труды не реферировались в специальной литературе или, если это случалось в виде исключения, то отношение к ним было отрицательным, проникнутым чувством презрения, сострадания или превосходства. Иной раз какой-нибудь коллега посвящал мне в той или другой статье очень короткое и не очень-то лестное замечание, вроде: «слишком мудрит, впадает в крайности, очень странно». Однажды случилось, что ассистент клиники в Вене, в которой я читал каждый семестр курс, попросил у меня разрешения присутствовать на этих лекциях. Он слушал с большим вниманием, не возражал, но после последней лекции

вызвался проводить меня. Во время прогулки он признался мне, что по совету своего шефа он написал книгу против моего учения и очень сожалеет, что познакомился с ним ближе только теперь, благодаря моим лекциям. В противном случае он о многом написал бы по другому. На его вопрос шефу, не следует ли ему сначала прочесть «Толкование сновидений», он получил ответ, что не стоит труда. В то время сам он сравнил мою научную систему, как он ее понял по крепости ее внутреннего остова, с католической церковью. В интересах его душевного благополучия мне хотелось бы думать, что в этом замечании содержалась некоторая доля признания. Но затем, в заключение, он прибавил, что теперь слишком поздно менять что-нибудь в его книге, так как она уже напечатана. Этот самый врач не счел также нужным и позже сообщить свету о том, что он изменил свое мнение о психоанализе, а предпочел следить за развитием психоанализа в качестве постоянного референта одного медицинского журнала, в своих мало серьезных комментариях к нему.

К счастью, в те годы моя личная чувствительность притупилась окончательно. Но от озлобления меня избавило одно обстоятельство, которое приходит на помощь далеко не всем одиноким изобретателям. Обыкновенно они мучительно доискиваются причины безучастия или отрицательного отношения к ним современников и ощущают это как заставляющее страдать возражение против правильности их собственного убеждения. Мне этого и не нужно было, потому что психоаналитическое учение дало мне возможность понимать поведение окружающего мира, оценивать его как необходимое следствие основных аналитических положений. Если действительно верно, что вскрытые мною совокупности психических процессов не допускаются в сознание больного внутренними аффективными сопротивлениями, то эти же сопротивления должны возникнуть также и у здоровых, как только до них доходит со стороны это вытесненное. Не было ничего удивительного и в том, что здоровые люди умели логически мотивировать свое обусловленное аффектами отрицание; это случалось у больных так же часто, и они приводили те же самые доказательства («аргументы так же банальны, как ежевика», как говорит Фальстаф), и нельзя

сказать, чтобы уж очень остроумные. Различие заключалось в том, что по отношению к больным можно было прибегать к мерам воздействия, чтобы убедить их в наличии сопротивления и преодолеть его, но это было невозможно по отношению к здоровым. Неразрешенным остался вопрос о том, каким образом можно было бы заставить этих здоровых заняться научно-объективной проверкой учения, и разрешение этого вопроса поневоле пришлось предоставить времени. В истории наук нередко можно убедиться в том, что тот самый метод лечения, который сначала вызывал только возражения, спустя некоторое время встречал общее признание, хотя не было приведено никаких новых доказательств в его пользу.

Но, конечно, странно было бы ожидать, чтобы в эти годы, когда я был единственным представителем психоанализа, во мне развилось особенное почтение к суждениям света или склонность к интеллектуальной уступчивости.

2.

С 1902 года вокруг меня собралось несколько молодых врачей с определенным намерением изучать психоанализ, применять его на практике и распространять его. Толчек к этому дал один коллега, испытавший на самом себе действие аналитической терапии. У меня собирались в определенные вечера, вели в установленном порядке дискуссии, старались разобраться в казавшейся странной новой области исследования и разбудить интерес к ней. Однажды к нам явился молодой человек, окончивший ремесленное училище, с рукописью, изобличавшей необыкновенное понимание психоанализа. Мы побудили его пройти гимназический курс, поступить в университет и посвятить себя неврачебному применению психоанализа. Маленький ферейн приобрел таким образом усердного и надежного секретаря, я нашел в лице Rank'а верного помощника и сотрудника.

Маленький кружок скоро разросся, неоднократно меняясь в своем составе в течение ближайших лет. В общем могу сознаться, что по богатству и многообразию дарований людей, он едва ли уступал штабу любого клинического преподавателя. С самого начала в его состав входили люди,

которым суждено было сыграть позже в истории психоаналитического движения такую значительную, хотя и не всегда завидную, роль. Но тогда еще нельзя было предвидеть, что будет дальше. Я имел основание быть довольным и, думаю, сделал все, чтобы передать другим то, что знал и чему научил меня опыт. Дурным предзнаменованием были только два факта, благодаря которым кружок в конце концов стал мне внутренно чужд. Мне не удалось водворить между сочленами его того дружеского согласия, которое должно царить между людьми, выполняющими одну и ту же тяжелую работу: и так же мало удалось мне искоренить споры о приоритете, для которых в условиях совместной работы всегда достаточно повода. Уже в частном венском психоаналитическом ферейне давали себя знать громадные трудности обучения практическому применению психоанализа, вызывающие у многих разногласия. Я сам не осмеливался преподавать еще неготовую технику и не установившуюся теорию с тем авторитетом, который, вероятно, избавил бы от многих ошибок и окончательных заблуждений. Если самостоятельность научных работников, их ранняя независимость от учителя с психологической точки зрения всегда желательны, то в научном отношении выигрыш получается от этого только тогда, если они обладают известными личными качествами, к сожалению, не очень часто встречающимися. Как раз психоанализ требовал долгой и строгой выдержки и выработки самообладания. Ценя мужество, которое проявили члены ферейна, отдавшись непопулярному и так мало обещающему в будущем делу, я готов был не обращать внимания на многое, что в ином случае оттолкнуло бы меня. К тому же кружок объединил не только врачей, но и других образованных людей, понявших значение психоанализа,— писателей, художников и т. п. «Толкование сновидений», книга об «Остроте» и другие показали с самого начала, что учение психоанализа не ограничится областью медицины, но может найти себе применение в разнообразных областях науки о духе.

С 1907 года положение против всяких ожиданий сразу изменилось. Оказалось, что психоанализ постепенно пробудил к себе интерес и нашел друзей, что имеются научные работники, готовые признать его. Bleuler письмом изве-

стил меня, что мои труды изучаются и применяются в Burghölzli. В январе 1907 года прибыл в Вену первый из представителей цюрихской клиники, д-р Eitingon; скоро затем последовали и другие посещения, которые проложили путь для оживленного обмена мнений; наконец, по приглашению Jung'a, тогда еще адъюнкта в Burghölzli, весною 1908 года состоялся первый съезд в Зальцбурге, на котором обединились друзья психоанализа из Вены, Цюриха и других мест. Результатом этого первого психоаналитического конгресса было основание журнала, который начал выходить в 1909 году под названием «Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen», издаваемый Bleuler'ом и Freud'ом под редакцией Jung'a. В этом журнале проявилось тесное объединение на почве с вместной работы школ Вены и Цюриха. Я неоднократно с благодарностью признавал заслуги Цюрихской психиатрической школы, в особенности Bleuler'a и Jung'a, в деле распространения психоанализа и не задумаюсь сделать это и теперь, при изменившихся наших отношениях. Конечно, участие Цюрихской школы обратило тогда впервые внимание научного мира на психоанализ. Латентный период уже прошел, и психоанализ сделался повсюду предметом возрастающего интереса. Следствием появившегося повсюду интереса в большинстве случаев было сперва страстное отрицание, в Цюрихе же, напротив, основным тоном взаимоотношений было принципиальное согласие. Нигде в другом месте я не нашел такой тесной группы сторонников, нигде не была предоставлена официальная клиника к услугам психоаналитического исследования и не приходилось видеть клинического преподавателя, который включил бы психоанализ в курс психиатрии. Цюрихцы образовали, таким образом, центральное ядро маленькой группы, борющейся за правильную оценку психоанализа. Только здесь, в Цюрихе, можно было изучить новое искусство и работать в его области. Бо́льшая часть моих нынешних сторонников и сотрудников пришла ко мне через Цюрих, даже такие, которым географически Вена была гораздо ближе Швейцарии. Вена лежит эксцентрически для Запада Европы, который вмещает крупные центры нашей культуры. Ее значение сильно умаляется благодаря венским

предрассудкам. В деятельную в духовном отношении Швейцарию стекаются представители самых дальних национальностей; очаг заразы в этом месте должен был сделаться особенно важным для распространения психической эпидемии, как назвал ее Hoche в Фрейбурге.

По свидетельству одного коллеги, который принимал участие в развитии психоаналитического движения в Burghölzli, можно установить, что психоанализ там уже очень рано пробудил к себе интерес. В опубликованной в 1902 г. Jung'ом статье об оккультных феноменах находится первая ссылка на толкование сновидений. С 1903 или 1904 г., сообщает свидетель, на которого я ссылаюсь, психоанализ стоял на первом плане. После того как завязались личные отношения между Веной и Цюрихом, и в Burghölzli образовался свободный ферейн, в котором в периодических собраниях обсуждались психоаналитические вопросы. В объединении, которое образовалось между венской и цюрихской школой, швейцарцы никоим образом не были только воспринимающей стороной. Они сами уже выполнили почтенную научную работу, результаты которой послужили на пользу психоанализу. Указанному школой Wundt'a ассоциативному эксперименту было ими дано объяснение в психоаналитическом смысле, и найдена для него возможность нового неожиданного применения. Таким образом, появилась возможность доказать несложным экспериментом психоаналитические положения и демонстрировать учащемуся отдельные факты, которые аналитик до тех пор мог бы только описать. Таким образом, впервые был проложен путь от экспериментальной психологии к психоанализу.

Ассоциативный эксперимент дает возможность при психоаналитическом лечении сделать предварительный качественный анализ случая, но не представляет никакого существенного улучшения техники и при проведении анализов от него можно, собственно, отказаться. Цюрихской школой или лучше сказать ее обоими вождями, Bleuler'ом и Jung'ом, было совершено еще и другое, более значительное дело. Первый доказал, что целый ряд чисто психиатрических случаев можно объяснить такими же процессами, какие с помощью психоанализа открыты в сновидениях и в неврозах (Фрейдовские механизмы). Jung с успехом применил анали-

тический способ толкования к самым странным и темным явлениям Dementia praecox, генетическая связь которых с событиями из жизни и интересами больного стала тогда ясна. С тех пор психиатрам стало уже невозможно игнорировать психоанализ. Солидный труд Bleuler'a о Schizophrenie (1911), в котором психоаналитические методы и взгляды занимают такое же место, как и клинически-систематические, завершил этот успех. Я не хочу здесь упустить случая указать на различие, намечавшееся уже тогда в направлении работ обеих школ. Уже в 1897 г. я опубликовал анализ случая шизофрении, который носил параноидный характер, так что данное ему объяснение не могло уменьшить впечатления от анализов Jung'a. Но для меня было самым важным не толкование симптомов, а психический механизм заболевания и прежде всего совпадение этого механизма с уже известным механизмом истерии. Различие между обеими болезнями тогда еще не было ясно. Уже в то время моей целью было установление либидинозной теории неврозов, сводящей все невротические и психотические явления к следствию анормального развития либидо, т.-е. отклонению его от нормального применения. У швейцарских исследователей этой точки зрения не было. Bleuler, насколько я знаю, еще и до настоящего времени крепко держится взгляда об органическом происхождении Dementia praecox, и Jung, книга которого об этом заболевании появилась в 1907 г., защищал в 1908 г. на Зальцбургском конгрессе токсическую теорию, которая, хотя и не исключает теории либидо, однако игнорирует ее. В этом именно пункте он позднее (1912) споткнулся, взяв на этот раз слишком много из той материи (либидо), от которой прежде отказывался.

Третье дополнение швейцарской школы, которое, может быть, нужно поставить целиком в счет Jung'y, я не могу так высоко оценить, как это делают люди, стоящие в стороне от вопроса. Я подразумеваю учение о комплексах, которое выросло из «Diagnostische Associationsstudien» (1906—1910). Из него не создалось психологической теории, оно не может непосредственно войти в общую систему психоаналитических учений. Но зато слово «комплекс» как удобный, часто незаменимый термин для опи-

сательной формулировки психологических фактов приобрело право гражданства в психоанализе. Ни один из других, созданных потребностями психоанализа терминов и обозначений не приобрел такой широкой популярности и не был так часто неправильно применяем во вред образованию точных понятий, как этот. Психоаналитики стали говорить между собой о возвращении комплекса, когда подразумевали «возвращение вытесненного», или привыкали к выражению: «У меня комплекс против него» там, где правильнее сказать: сопротивление. Начиная с 1907 г., в течение ряда лет после слияния венской и цюрихской школ, психоанализ обнаруживает тот необыкновенный подъем, под знаком которого он находится еще и теперь и о котором с одинаковой убедительностью говорят как распространение обслуживающих его повременных изданий и увеличение числа врачей, которые применяют его на практике или желают изучить его, так и учащение нападков на него на конгрессах и в ученых обществах. Психоанализ проник до отдаленнейших стран и не только повсюду напугал психиатров, но заставил призадуматься и образованных неспециалистов и работников в других областях науки. Havelock Ellis [1]), следивший за его развитем, однако, никогда не причисляя себя к его приверженцам, написал в 1911 г. в отчете для австралийско-азиатского медицинского конгресса: «Freud's psychoanalysis is now championed and carried out not only in Austria and in Switzerland, but in the United States, in England, in India, in Canada and I doubt not, in Australasia».

Один, вероятно, немецкий, врач из Чили выступил на интернациональном конгрессе в Буэнос-Айресе [2]) в 1910 г. в защиту существования инфантильной сексуальности и отмечал успешность психоаналитической терапии при симптомах навязчивости; один английский невролог в центральной Индии сообщил мне через одного коллегу, отправившегося в Европу, что в этиологии неврозов между магометанскими индусами, к которым он применяет психоанализ, и нашими

---

[1]) Havelock Ellis. The doctrines of the Freud School.

[2]) C. Creve. Sobre Psicologia y Psicoterapia deciertos Est. ados angustiosos. См. Zentielblatt. Psychanalyse Bd. I, S. 594.

европейскими пациентами не наблюдается никакого различия.

Распространение психоанализа в Северной Америке произошло при особенно почетных обстоятельствах. Осенью 1909 г. Jung и я были приглашены Stanly Holl'ем, президентом Clark University в Worcester'e (близ Бостона), принять участие в празднествах по случаю двадцатилетия со дня основания этого учреждения и прочесть там лекции на немецком языке. Мы нашли, к нашему большому удивлению, что свободные от предрассудков представители этого маленького, но уважаемого педагогически-философского университета были знакомы со всеми психоаналитическими трудами и знакомили с ними на своих лекциях слушателей. В такой чопорной Америке можно было, по крайней мере, в академических кругах свободно говорить и обсуждать то, что в жизни считается предосудительным. Пять лекций, которые я съимпровизировал в Worcester'e, появились потом в American journal of Psychology в английском переводе и вскоре затем по-немецки под заглавием «Ueber Psychoanalyse». Jung читал о диагностических исследованиях ассоциации и о «Konflikte der kindlichen Seele». Мы были за это вознаграждены почетным титулом Z. Z. D. (Докторов обоих прав). Психоанализ был предоставлен на этой праздничной неделе пятью лицами: кроме Jung'a и меня, были Ferenczi, сопровождающий меня Ernst Jones, бывший тогда при университете в Торонто (Канада), теперь в Лондоне, и A. Brill, занимавшийся в Нью-Йорке аналитической практикой. Все они ознакомились с психоанализом в Цюрихе. В Worcester'e завязались и очень ценные личные отношения с James I. Patnem, преподавателем невропатологии в Harvard University, который за несколько лет до того относился отрицательно к психоанализу, теперь же быстро освоился с ним и рекомендовал его своим соотечественникам и коллегам по специальности в многочисленных лекциях, очень содержательных и красивых по форме. Уважение, которым он пользуется в Америке вследствие своей высокой нравственности и смелой любви к истине, послужило в пользу психоанализу и защитило его от клеветы, которая при других условиях, вероятно, сразила бы его с самого начала. Позднее Patnem, слиш-

ком подчиняясь высоким этическим и философским запросам своей натуры, предъявил к психоанализу, как я думаю, невыполнимое требование—именно, чтобы он служил определенному нравственно-философскому миросозерцанию; но все-таки на своей родине он остался главной опорой психоаналитического движения.

В деле распространения этого движения самые большие заслуги выпали далее на долю Brill'я и Jones'а. В своих трудах с полным самоотречением, трудолюбием они настойчиво указывали своим соотечественникам на легко наблюдающиеся основные факты обыденной жизни, сновидения и невроза. Brill усилил это воздействие благодаря своей врачебной деятельности и переводом моих трудов, Jones—благодаря поучительным докладам и остроумным дискуссиям на американских конгрессах. Отсутствие глубоко укоренившихся научных традиций и меньшая официальная строгость были безусловно благоприятны толчку, данному Stanly Holl'ом в Америке. Характерным для тамошних условий было то, что с самого начала профессора и руководители психиатрических больниц приобщились к анализу в той же мере, как и отдельные врачи-практики. Но именно поэтому ясно, что борьба за психоанализ должна в будущем решиться там, где было оказано нам наибольшее сопротивление,—в области старых центров культуры.

Из европейских стран до сих пор Франция оказывалась страной, наиболее невосприимчивой к психоанализу, хотя заслуживающие полной похвалы работы цюрихца A. Meder'а сделали его легко доступным французскому читателю. Первые выражения сочувствия дошли до нас из французской провинции. Moricheau Bauchant был первым французом, открыто признавшим психоанализ. Regis и Resnard (Бордо) совсем недавно (1913) попытались рассеять предубеждения своих соотечественников против нового учения, дав подробное и точное изложение его и только высказав некоторое сомнение в вопросе о символике.

В самом Париже, кажется, еще господствует убеждение, которое так красноречиво излагал Janet на лондонском конгрессе 1913 г., что все, что в психоанализе верного, повторяет с небольшими изменениями взгляды Janet, все же остальное никуда не годится. Janet пришлось уже

на самом конгрессе выслушать ряд замечаний и поправок со стороны Jones'a, который указал ему на недостаточное знакомство его с предметом. Несмотря на это, мы не можем забыть заслуг Janet в области психологии неврозов, хотя и не согласны с его притязаниями.

В Италии после нескольких многообещающих начинаний не последовало дальнейшего участия итальянских ученых в психоаналитическом движении. В Голландию анализ благодаря личным связям проник довольно рано: van Emden, van Opuysen, van Rentergem (Freuden zijn School) и оба Steirke работают там с успехом теоретически и практически. Интерес научных кругов Англии к анализу развился очень медленно, но все говорит за то, что именно там предстоит ему блестящий расцвет благодаря склонности англичан ко всему фактическому и страстности, с которой они становятся на защиту справедливости.

В Швеции Bierre, преемник Wetterstrand'a в области врачебной практики, по крайней мере временно, отказался от внушения в гипнозе в пользу психоналитического учения. R. Vogt (Христиания) с уважением отзывается о психоанализе в своих «Psykiatriens Qrundtrack», так что первый учебник психиатрии, с упоминанием о психоанализе, был написан на норвежском языке. В России психоанализ известен и распространен; почти все мои книги, как и других приверженцев анализа, переведены на русский язык. Но более глубокое понимание психоаналитических учений еще не установилось. Научные вклады русских врачей и психиатров в области психоанализа можно до настоящего времени считать незначительными. Только Одесса имеет в лице М. Вульфа представителя аналитической школы. Введение психоанализа в польскую науку и литературу есть, главным образом, заслуга Jekels'a. Так близко связанная с Австрией географически и столь чуждая ей в научном отношении Венгрия подарила психоанализу только одного сотрудника, S. Ferenczi, но такого, который стоит целого ферейна.

Относительно положения психоанализа в Германии можно сказать, что он стоит в центре научной дискуссии и вызывает у врачей, как и у неспециалистов, выражения самого решительного отпора, который до сих пор не прекратился и,

временами усиливаясь, все снова и снова подымается. Ни одно официальное учебное заведение до сих пор не допустило в свои стены психоанализа; врачи, успешно применяющие его на практике, малочисленны; только немногие лечебницы, напр., Binswanger'a в Крейцлингене и Марциновского в Гольштинии, открыли ему двери. На критической почве Берлина подвизается один из самых выдающихся представителей анализа, Carl Abraham, бывший ассистент Bleuler'a. Можно было бы удивляться, что это положение вещей остается неизменным вот уже в течение ряда лет, если бы не было известно, что оно соответствует только внешней видимости. Не следует преувеличивать значение официальных представителей науки и руководителей лечебных заведений, так же как и находящейся в зависимости от них ученой молодежи. Понятно, что противники громко подымают голос, в то время как запуганные приверженцы воздерживаются от шумных выступлений. Многие из последних, первые вклады которых в психоанализ вызывали надежды, потом, под давлением обстоятельств, отстранились от этого движения.

Но само движение потихоньку, неудержимо развивается, вербует постоянно новых приверженцев среди психиатров и неспециалистов, доставляет психоаналитической литературе все возрастающее число читателей и именно этим побуждает противников к все более сильным попыткам противодействия. Уже десятки раз пришлось мне в течение этих лет читать в отчетах о работах некоторых конгрессов и научных заседаний, ферейнов или в рефератах после некоторых обнародованных трудов: «ну, теперь психоанализ умер, окончательно побежден и уничтожен». Ответ можно было бы составить в духе телеграммы Марка Твэна в газету, поместившую ложное известие о его смерти: известие о моей смерти сильно преувеличено. После каждого из этих известий о смерти психоанализ приобретал новых приверженцев и сотрудников или создавал себе новые органы. Объявление о смерти было все-таки шагом вперед по сравнению с полным замалчиванием его.

Одновременно с описанным пространственным распространением психоанализа произошло обогащение его содержания благодаря перенесению его из невропатологии (учения о

неврозах) и психиатрии в другие области знания. Эту часть истории развития нашей дисциплины я не стану подробно излагать, так как превосходный труд Rank'a и Sachs'a (в Grenzfragen Loewenfeld'a) излагает именно эти результаты аналитической работы.

Впрочем, все это только еще в зародыше, мало разработано, большею частью только начинания, а иногда даже одни лишь намерения. Правильно говоря, здесь нет никаких оснований для упреков. Перед громадной массой заданий стоит только небольшое число работников, бо́льшая часть которых работает, главным образом, в какой-нибудь другой области и вынуждена браться за специальные проблемы с неподготовленностью диллетантов. Эти исследователи, работающие в области психоанализа, нисколько не скрывают того, что они диллетанты в других областях; они хотят только указать пути и наметить вехи для специалистов и рекомендовать им аналитическую технику и предпосылки для применения в их работах. Если достигнутые результаты уже и теперь значительны, то это, с одной стороны, вследствие продуктивности аналитической методики, с другой стороны, это происходит благодаря тому обстоятельству, что уже и теперь имеются исследователи, которые, не будучи сами врачами, поставили задачей своей жизни применение психоанализа к наукам о духе. Большая часть этих трудов основана, понятно, на указаниях, данных в моих первых аналитических работах. Аналитическое исследование нервнобольных и невротических симптомов нормальных людей дало основание предполагать такие психологические соотношения, которые никак не исчерпываются только той областью, в которой они были открыты. Таким образом, анализ не только дал нам объяснение патологических процессов, но указал также и на связь их с нормальной душевной жизнью; он открыл непредполагавшиеся отношения между психиатрией и различными другими науками, содержанием которых была душевная деятельность.

Благодаря аналитическому объяснению типических сновидений, стало возможным понимание многих мифов и сказок. Riklin и Abraham последовали этому указанию и начали те исследования мифов, которые впоследствии нашли завершение в трудах Rank'a по мифологии, отве-

чающих всем требованиям специалистов. Дальнейшая разработка символики сновидений привела к важнейшим проблемам мифологии — фольклора (Jones, Storfer) и религиозных созерцаний. Глубокое впечатление на слушателей произвел на одном из психоаналитических конгрессов один ученик Jung'a, доказавший сходство шизофренических фантазий с космогониями эпох первобытных племен. Не совсем убедительную, но все же очень интересную обработку нашел позднее мифологический материал в работах Jung'a, который хотел установить связи между невротикой, религиозными и мифологическими фантазиями.

Другой путь вел от исследования сновидений к анализу поэтических произведений и, наконец, самих поэтов и художников. На первом этапе такого исследования выяснилось, что вымышленные поэтами сны часто поддаются такому же анализу, как и настоящие (Gradiva). Понимание бессознательной душевной деятельности впервые дало возможность получить представление о сущности творческой деятельности поэта. Настоящее понимание значения инстинктивных влечений, которое необходимо вытекало из исследований невроза, позволило уяснить источники художественного творчества и выдвинуло проблему о том, каким образом художник реагирует на эти импульсы и какими средствами маскирует он свои реакции. (Rank «Der Künstler» анализы поэтов Sadger'a, Reik'a и других, моя маленькая книжка об одном воспоминании детства Леонардо-да-Винчи, Abraham'a — анализ Сегантини). Бо́льшая часть аналитиков, не чуждых широким интересам, участвовали своими трудами в разработке этой одной из привлекательнейших проблем, к которым был применен психоанализ, и здесь, естественно, не обошлось без возражений со стороны лиц, незнакомых с психоанализом; они проявлялись в таком же непонимании и страстном отрицании, как это происходило и на родной почве психоанализа. Следовало ожидать с самого начала, что всюду, куда бы не проникал психоанализ, ему придется выдержать ту же самую борьбу с признанными специалистами. Только эти попытки вторжения в чужие области не возбуждали еще того внимания, какое им стали уделять в будущем. Среди строго научных применений анализа к литературе на первом месте стоит солидный труд Rank'a об

инцесте, содержание которого, несомненно, должно вызвать в высшей степени враждебное отношение. Лингвистические и исторические работы на почве психоанализа пока еще немногочисленны. Я сам осмелился в 1910 г. впервые коснуться религиозно-психологической проблемы, проведя параллель между церемониалом религиозным и невротическим. Священник Dr. Pfister в Цюрихе в своей работе о набожности графа von Zinzendorf'a, так же, как и в других работах, доказал, что религиозная мечтательность сводится к проявлениям извращенной эротики, в последних же работах цюрихской школы наблюдается как раз, наоборот, намеренное введение в анализ религиозных представлений.

В четырех статьях о Totem и Tabu я сделал попытку разработать с помощью психоанализа проблему психологии народов, которая вела непосредственно к происхождению важнейших культурных установлений, государственных порядков, нравственности, религии, а также и к запретам кровосмесительства и велениям совести. В настоящее время еще неизвестно, насколько выяснившиеся при этом взаимоотношения способны будут в дальнейшем выдержать критику.

Первый пример применения аналитической мысли к эстетическим темам дала моя книга об «Остроте».

Будущее еще ждет работников, которые как раз в этой области могут рассчитывать на богатую жатву. Однако в соответствующих научных областях замечается недостаток в рабочих силах; для привлечения их Hans Sachs основал в 1912 году редактируемый им и Rank'ом журнал Imago. В том же органе Hitschmann и von Winterstein положили добрый почин психоаналитическому освещению философских систем и личностей, которому остается только пожелать продолжения и углубления.

Открытия психоанализа в области душевной жизни ребенка, производящие впечатление целого переворота, значение полового влечения у ребенка (Hug-Helmuth) и дальнейшая судьба тех составных частей сексуальности, которые уже не служат целям продолжения рода, должны были очень рано привлечь внимание педагогики и вызвать попытку и в этой области выдвинуть на первый план аналитическую точку зрения. Заслуга пастора Pfister'a состоит в том, что он первый с энтузиазмом применил анализ

и познакомил с ним воспитателей и духовных пастырей. (Die psychoanalytische Metode, 1913. Erster Band des Pedagogium von Meumann und Messmer). Ему удалось привлечь к участию в своих научных изысканиях многих швейцарских педагогов. Иные из представителей его сословия как будто разделяют эти убеждения, но из предосторожности предпочитают держаться в тени. Отколовшаяся часть венских аналитиков, отправляясь от психоанализа, повидимому, остановилась на совершенно своеобразной врачебной педагогике. (Adler и Furtmüller. Heilen und Bilden, 1913).

В этих неполных набросках я попытался указать на неподдающиеся еще ближайшему рассмотрению различные отношения, установившиеся между врачебным психоанализом и другими научными областями. Здесь достаточно материала для работы целого поколения научных исследователей, и я не сомневаюсь, что эта работа будет сделана, как только удастся преодолеть сопротивление против анализа на его родной почве [1]).

Писать историю этих сопротивлений я считаю в настоящее вр мя делом бесцельным и несвоевременным. Она не делает большой чести современным мужам науки. Заодно уже добавлю, что мне никогда не приходило в голову с презрением ругать без разбора всех противников психоанализа только потому, что они противники. Исключение составляют несколько недостойных личностей авантюристов и карьеристов, которые во время борьбы обыкновенно встречаются в обоих лагерях. Мне уже удалось выяснить по опыту, что психоанализ обнаруживает в каждом человеке все то худшее, что в нем есть. Но я решил не отвечать, и, насколько хватало моего влияния, я и других удерживал от полемики. Польза публичной или литературной дискуссии при особых условиях борьбы за психоанализ казалась мне весьма сомнительной: большинство на конгрессах и в заседаниях ферейнов было заранее обеспечено, а мое доверие к справедливости и благородству господ-противников никогда не было очень велико.

---

[1]) Ср. еще обе мои статьи в «Scientia» (vol. XIV, 1913). «Das Interesse an der Psychoanalyse».

Слишком хорошо известно, что только немногим удается в научном споре держаться в пределах приличия и, еще менее, не отклоняться от сути вопроса, у меня же всегда было отвращение к научной перебранке. Возможно, что такой образ действий с моей стороны послужил причиной для недоразумений: меня стали считать таким добродушным или даже запуганным, что не приходилось уже более уделять мне сколько-нибудь внимания. И это совершенно неправильно: я так же хорошо умею браниться, как и всякий другой, но я не обладаю умением облекать в литературную форму лежащие в основе всего этого аффекты и поэтому предпочитаю полное воздержание от брани.

В некоторых отношениях, пожалуй, было бы лучше, если бы я дал волю страстям, бурлившим и во мне и вокруг меня. Всем нам пришлось выслушать интересную попытку отыскать в венском быте объяснение возникновения психоанализа; еще в 1913 году Janet не преминул воспользоваться этим утверждением для своих целей, хотя наверно гордится тем, что он парижанин. В заметке этой утверждается, что психоанализ, respective положение, что неврозы происходят от аномалий половой жизни, могло возникнуть только в таком городе, как Вена, в атмосфере чувственности и безнравственности, чуждой другим городам, и представляет собою просто отражение, так сказать, теоретическую проекцию специфических условий венской жизни. Мне-то, наверное, чужд патриотизм моего квартала, но эта теория казалась мне всегда особенно бессмысленной, настолько бессмысленной, что я не раз приходил к мысли, что упрек в моем венском происхождении заменяет, только в более приличной форме, что-то другое, о чем не так охотно говорят вслух. Если бы вместо предполагаемых условий имелись совершенно противоположные, то тогда можно было бы еще о чем-то говорить. Предположим, что существует город, жители которого подвергают себя особенным ограничениям в области удовлетворения полового влечения и в то же время проявляют особенную склонность к тяжелым нервным заболеваниям, тогда, разумеется, такой город явился бы подходящей почвой, на которой наблюдателю могло бы прийти в голову связать эти два факта и объяснить один другим. Но ни одно, ни другое предположение не подходят

к городу Вена. Жители Вены не отличаются ни бо́льшим воздержанием, ни более повышенной нервностью, чем жители других крупных центров. Отношения между полами несколько свободнее, чопорности меньше, чем в кичащихся своим целомудрием городах Запада и Севера. Эти особенности венской жизни должны были бы скорее ввести в заблуждение предполагаемого наблюдателя, чем выяснить ему этиологию неврозов.

Но город Вена сделал все возможное для того, чтобы отклонить свое участие в возникновении психоанализа.

Нигде враждебная индиферентность ученых и образованных кругов не дает так сильно чувствовать аналитику, как именно в Вене.

Быть может, отчасти я и сам в этом виноват, благодаря моей политики избегать широкой гласности. Если бы я сам дал повод и согласился бы на то, чтобы психоанализ стал предметом обсуждения на шумных заседаниях венских медицинских обществ, при чем бы разразились все страсти, были бы высказаны все упреки и ругательства, готовые сорваться с языка и таившиеся в уме, то гонение на психоанализ было бы преодолено, и он не был бы чужим в своем родном городе. Ну, а теперь, видно, прав поэт, когда влагает в уста Валленштейну:

«Никак мне венцы не простят,
Что я лишил спектакля их».

Задачу, до которой я не дорос,—указать противникам психоанализа в более мягкой форме их неправоту и произвольность их заключений,—взял на себя потом Bleuler в 1911 году в своем труде (Die Psychoanalyse Freuds. Verteidigung und kritische Bemerkungen) и выполнил ее самым достойным образом. То, что я расхваливаю этот направленный против обеих сторон критический труд, настолько понятно, что я спешу заявить, какие я в нем нахожу недостатки. Он кажется мне все-таки пристрастным, слишком снисходительным к недостаткам противников, слишком строгим к промахам сторонников. Этой характерной чертой можно затем объяснить также и то, что суждение столь высоко авторитетного психиатра, компетентность и независимость мнений которого не подлежит никакому сомнению, не произвело сильного влияния на его товарищей по специальности. Для автора «Affektivität» (1906) нет

ничего удивительного в том утверждении, что влияние научного труда зависит не от ценности его аргументации, а от основного аффективного тона. Другую часть своего влияния — влияния на сторонников психоанализа — Bleuler позднее потерял, проявив в своей «Kritik der Freudschen Theorie» (1913) отрицательную сторону своего отношения к психоанализу. Он в нем так много разрушает в психоаналитическом учении, что противники, конечно, могут быть вполне довольны помощью такого защитника психоанализа. Основанием для такого осуждения психоанализа Bleuler'у служат не какие-либо новые аргументы или более точные наблюдения, но единственно ссылка на уровень его собственных познаний, в недостаточности которых автор, однако, не признается, как он это делал в более ранних работах. Здесь, таким образом, казалось психоанализу грозила трудно переносимая потеря. Но в высказанном в последнем труде мнении (Die Kritiken der Schizophrenie 1914), Bleuler ввиду нападков, которым он подвергся за введение психоанализа в свою книгу о шизофрении, доходит до признания в себе, как он сам называет «заносчивости»: «Теперь я позволю себе кое-какую заносчивость (Überhebung). Я полагаю, что различные психологические теории до сих пор слишком мало сделали для выяснения соотношений психогенетических симптомов и заболеваний, но что «психология глубин» открывает часть той психологии, которую только предстоит создать и которая необходима врачу для правильного понимания и рационального лечения его больных, и думаю даже, что в своей шизофрении я сделал, хотя и очень незначительный, шаг вперед к этому пониманию. Первые два утверждения, несомненно, правильны, последнее может быть и ошибочно». Так как под «психологией глубин» разумеется не что иное, как психоанализ, то мы удовлетворимся пока этим признанием.

3.

Mach's Kurz!
Am jungsten Tag ist's nur ein' Furz.
Goethe.

Спустя два года после первого, состоялся второй частный конгресс психоаналитиков, на этот раз в Нюрнберге

(март 1910 г.). За этот промежуток времени под впечатлением того приема, который оказан был психоанализу в Америке, все возрастающего враждебного отношения в немецких странах и неожиданного усиления психоанализа вследствие присоединения цюрихской школы у меня возникло намерение, которое при содействии моего друга S. Ferenczi я и привел в исполнение на этом втором конгрессе. Я решил организовать психоаналитическое движение, перенести центр его в Цюрих и поставить во главе его человека, который позаботился бы о его будущем. Так как учреждение это вызвало среди сторонников анализа много разногласий, я хочу подробнее изложить мои мотивы. И я надеюсь тогда на оправдание, если бы даже оказалось, что я, действительно, не сделал ничего разумного. Я считал, что связь с Веной молодому движению не в пользу, а во вред. Центр в роде Цюриха, сердца Европы, где академический преподаватель дал психоанализу доступ в свой институт, сулил мне куда больше надежд. Далее, я полагал, что второй помехой является моя личность, оценка которой слишком спуталась из-за партийной ненависти и пристрастия; то меня сравнивали с Дарвином, Кеплером, то ругали паралитиком. Я хотел поэтому отодвинуть себя на второй план, так же, как и тот город, где возник психоанализ. К тому же я уже не был молодым, видел перед собой долгий путь, и мне было тяжело, что на мою долю в таком возрасте выпала обязанность быть вождем. Но ведь должен же быть кто-нибудь вождем, думал я. Я слишком хорошо узнал, какие заблуждения подстерегают каждого, кто стал бы заниматься анализом, и надеялся, что можно избегнуть многих заблуждений, если установить какой-нибудь авторитет, готовый давать советы и наставления. Такого рода авторитетом прежде всего обладал я, вследствие незаменимых преимуществ почти пятнадцатилетнего опыта. Мне было поэтому важно передать эту авторитетную роль более молодому человеку, который после моей смерти, разумеется, стал бы моим заместителем. Таковым мог быть только K. G. Jung, так как Bleuler приходился мне ровесником, в пользу же Jung'a говорили его выдающееся дарование и уже внесенные им вклады в анализ, его независимое положение и впечатление уверенной в себе силы, которая производила его личность. К тому же

он готов был вступить со мной в дружеские отношения и отказался ради меня от расовых предрассудков, которыми раньше он был заражен. Я и не подозревал тогда, как неудачен был этот выбор при всех его выгодах, что он упал на человека, который, не будучи способен подчиняться чьему бы то ни было авторитету, меньше всего мог сам стать авторитетом и энергия которого ушла на беспощадное преследование своих же собственных интересов.

Я считал необходимой форму официального общества, так как опасался, что психоанализом, как только он станет популярным, станут злоупотреблять. Должна же быть инстанция, правомочная объявить: со всей этой бессмыслицей анализ не имеет ничего общего, это не психоанализ. В заседаниях местных групп, из которых образовалось интернациональное общество, должны были учить, как вести анализ, врачи должны были совершенствоваться, и за деятельность их могла быть дана своего рода гарантия. Мне казалось также желательным, чтобы сторонники психоанализа сходились для дружеского общения и взаимной поддержки, после того как официальная наука предала анафеме и объявила бойкот врачам и учреждениям, применявшим его.

Основанием «Интернационального психоаналитического общества» я хотел достичь именно этого и ничего другого. Но это, должно быть, оказалось больше того, что было возможно. Подобно тому, как моим противникам пришлось убедиться, что невозможно остановить новое движение, так и мне предстояло убедиться в том, что его не удастся вести по тому пути, который я для него нарисовал. Сделанное Ferenczi предложение было принято. Jung, избранный председателем, сделал Riklin'a своим секретарем; решено было также издание журнала, который связал бы центральный орган с местными группами. Цель общества была следующая: разработка и поощрение основанной Freud'ом психоаналитической науки как в чистой психологии, так и в приложении к медицине и к гуманитарным наукам; взаимная поддержка членов в стремлениях приобретать и распространять психоаналитические знания. Проект встретил со стороны венцев сильное возражение. Adler в страстном возбуждении высказал опасение, что тут имеется в виду цензура

и ограничение научной свободы. Затем венцы уступили после того, как провели постановление, что центральный орган общества будет не в Цюрихе, а там, где будет жить избранный на два года председатель.

На самом конгрессе сконструировались три местных группы: берлинская, под председательством Abraham'a, цюрихская, которой пришлось уступить своего руководителя центральному управлению общества, и венская, ведение которой я предоставил Adler'y.

Четвертую группу, в Будапеште, можно было создать лишь позднее. Bleuler'y помешала болезнь, он не был на конгрессе, высказал затем позднее принципиальное соображение против вступления в Общество и хотя, после личного объяснения со мной, и согласился на это, но, спустя короткое время, вследствие недоразумений в Цюрихе снова вышел из него. Тем самым была порвана связь между цюрихской местной группой и лечебным заведением Burghölzli.

Следствием Нюрнбергского конгресса было также основание журнала «Zentralblatt für Psychoanalyse», для которого объединились Adler и Stekel. Первоначально этот журнал был создан для оппозиции и с тем, чтобы вернуть Вене гегемонию, находившуюся в опасности вследствие избрания Jung'a. Но когда оба лица, предпринявшие издание журнала, затрудняясь найти издателя, убедили меня в своих мирных намерениях и, как доказательство своего образа мыслей, предоставили мне право veto, я взял издательство на себя и стал ревностно сотрудничать в новом органе, первый номер которого появился в сентябре 1910 года.

Продолжаю историю психоаналитических конгрессов. Третий конгресс состоялся в сентябре 1911 г. в Веймаре и превзошел предыдущие по настроению и научному интересу. J. Patnem, присутствовавший на этом собрании, выразил затем в Америке свое удовлетворение и уважение к «the mental attitude» участников его и цитировал мои слова относительно них: «Вы научились терпеть известную долю истины» [1]). В самом деле, у каждого, кто по-

[1]) On Freuds Psycho-Analytic Method and its evolution. Boston medical and Surgical Journal. 21 Jan. 1912.

сещал эти научные конгрессы, должно было остаться впечатление, самое благоприятное для психоаналитического общества. Я сам вел заседания на первых двух конгрессах, представлял каждому докладчику достаточно времени для его сообщений; дискуссий же в собственном смысле не было, — они были заменены частным обменом мнений. Jung же, который в Веймаре в качестве председателя взял ведение конгресса на себя, открывал дискуссии после каждого доклада, что тогда еще не так сильно мешало.

Совсем другую картину представил спустя два года четвертый конгресс в Мюнхене, в сентябре 1913 г., воспоминание о котором свежо еще у всех участников. Jung вел его недостойным и некорректным образом, докладчики были ограничены во времени, прения превзошли по времени самые доклады. Злой дух Hoche свил себе по иронии судьбы гнездо в том же самом доме, где аналитики вели свои заседания. Hoche мог бы без особенного труда убедиться, как они доводят до абсурда данную им характеристику фанатической секты, слепо следующей за своим вождем. Утомительные и неприятные заседания привели к повторному избранию Jung'a в председатели интернационального общества, которое Jung принял, хотя две пятых из числа присутствовавших отказали ему в своем доверии. Мы расстались с ним без всякой потребности встретиться снова.

Состояние интернационального психоаналитического общества ко времени этого конгресса было следующее: местные группы Вены, Берлина, Цюриха создались уже на конгрессе в Нюренберге в 1910 году. В мае 1911 г. прибавилась еще группа в Мюнхене под председательством д-ра Seif'a. В том же году образовалась первая американская местная группа под названием: «The New York Psychoanalytic Society» под председательством A. Brill'я. На Веймарском конгрессе было решено основание второй американской местной группы, которая в течение ближайшего года вступила в жизнь как «American Psychoanalytic Association», объединила членов из Канады и всей Америки и выбрала Patnem'a своим президентом и E. Jones'a секретарем. Незадолго до Мюнхенского конгресса (1913) начала действовать Будапештская местная группа под председательством S. Ferenczi. Вскоре после того, перес-

лившись в Лондон, E. Jones основал там первую английскую группу. Число членов существующих ныне восьми местных групп не дает, конечно, никакого критерия для суждения о количестве не вошедших в организацию последователей и сторонников психоанализа. Краткого упоминания заслуживает также и развитие психоаналитической периодической прессы. Первое периодическое издание по психоанализу были «Schriften für angewandten Seelenkunde", которые появлялись в неопределенные сроки с 1907 года и в настоящее время достигли пятнадцатого выпуска. (Издатель сначала H. Heller в Вене, затем F. Deutike.) Здесь изданы Freud (1 и 7), Riklin, Abraham, Jung (4 и 11), Rank (5 и 13), Sadger, Pfister, M. Groß, Jones (10 и 14) Storfer и v. Hug-Helmuth. Основание «Imago», о котором придется упомянуть позднее, несколько уменьшило значение этого рода издания. После Зальцбургского съезда (1908) был вызван к жизни «Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen», который под редакцией Jung'a выдержал пять лет издания и теперь под новой редакцией и с несколько измененным названием, «Jahrbuch für Psychoanalyse» вновь выходит в свет. Он также не стремится, подобно прежнему Jahrbuch'y, в последние годы быть архивом, для однородных работ, но желает в своей редакционной деятельности поставить себе задачей оценку всех процессов и всех приобретений в области психоанализа. «Zentralblatt für Psychoanalyse», как упомянуто выше, задуманный Adler'ом и Stekel'ем, после основания интернационального ферейна (Nürenberg, 1910) в короткое время пережил много перемен. Уже десятый выпуск первого тома выходит с извещением на первой странице, что д-р Alfred Adler решил добровольно выступить из редакции, вследствие научных разногласий с издателем. Доктор Stekel остался с тех пор единственным редактором журнала (лето 1911 г.). На Веймарском конгрессе Zentralblatt сделался официальным органом интернационального ферейна и стал высылаться всем членам за повышенный годичный членский взнос. С третьего номера второго издания (зимой 1916 г.) Stekel стал единственным лицом, ответственным за содержание работ журнала.

Его с трудом поддающееся описанию поведение заставило меня сложить с себя издательство и поспешно создать для психоанализа новый орган «Internationale Zeitschrift für Ärztliche Psychoanalyse» при содействии почти всех прежних сотрудников и нового издателя H. Heller'a. Первый выпуск этого журнала мог появиться в январе 1913 г. и стать вместо Zentralblatt'a официальным органом интернационального психоаналитического общества.

Между тем с начала 1912 г. д-р Hans Sachs и д-р Otto Rank создали новый журанал «Imago» (издание H. Heller'a), предназначавшийся исключительно для применения психоанализа к гуманитарным наукам. Imago переживает теперь середину третьего года издания и все больше заинтересовывает читателей, далеких от врачебного анализа.

Кроме этих четырех периодических изданий (Schriften für angew. Seelenkunde Jahrbuch, Intern. Zeitschrift, Imago) и другие немецкие и иностранные журналы помещают работы, которые могут занять место в психоаналитической литературе. Издаваемый Morton Prince'ом «Journal of abnormal psychology» содержит обычно так много хороших аналитических статей, что его можно считать главным представителем аналитической литературы в Америке. Зимой 1913 г. E. Eliffe в Нью-Йорке выпустил в свет новый, посвященный исключительно психоанализу, журнал (The Psychoanalytic Review), который, конечно, считается с тем, что для большинства интересующихся анализом американских врачей немецкий язык может послужить препятствием к ознакомлению.

Мне приходится теперь упомянуть о двух отделившихся от психоанализа течениях среди сторонников психоанализа — первое из них появилось между основанием ферейна (1910) и Веймарским конгрессом (1911), второе после этого в Мюнхене (1913). Можно было бы избегнуть многих разочарований, которые они мне принесли, если больше обращать внимания на то, что происходит с лицами, подвергающимися психоаналитическому лечению. А именно, я очень хорошо понимал, что при первом знакомстве с горькими истинами психоанализа можно обратиться в бегство, и сам всегда

утверждал, что каждому мешают понимать его вытеснения (respective—сохраняющие их сопротивления), так что в своем отношении к анализу возможно дойти только до определенного пункта. Но я не ожидал, чтобы при определенном глубоком понимании анализа можно было вновь отказаться от своего понимания и утерять его. И все-таки повседневный опыт на больных показал мне, что абсолютное отклонение аналитических истин может исходить из тех глубоких слоев, в которых имеется особенно сильное сопротивление; если тяжелым путем добиться у такого больного, чтобы он усвоил некоторую часть психоаналитического знания и научился бы пользоваться им, как собственным своим достоянием, то на нем же можно убедиться, что, очутившись во власти следующего сопротивления, он не находит поддержки во всей своей науке и начинает сопротивляться так же, как в те дни, когда он еще был совсем новичком. Мне пришлось убедиться, что с психоаналитиками дело обстоит так же, как и с больными при анализе.

Совсем нелегкая и незавидная задача — писать историю этих двух отколовшихся движений, потому что, с одной стороны, у меня нет на то достаточно сильных личных побуждений—я не жду благодарности и не в достаточной степени мстителен,—с другой стороны я знаю, что тем самым навлекаю на себя позор в глазах не очень-то достойных противников и доставляю врагам страстно желанное зрелище, как психоаналитики терзают друг друга. Мне стоило много борьбы с собой, чтобы не иметь с противниками дел вне анализа, теперь же я вижу себя вынужденным начать борьбу с прежними сторонниками или с теми, которые и теперь желают ими именоваться. Но у меня нет другого выбора, молчать было бы ленью или трусостью и более повредило бы делу, чем открытое разоблачение существующих недостатков. Кто следил за другими научными движениями, тот знает, что вполне аналогичные разногласия и недоразумения, как правило, имеют место и там. Разве только в других местах их старательнее скрывают; психоанализ, отрицающий многие условности, и в этом отношении откровеннее.

Другое сильное неудобство заключается в том, что я не могу вполне избегнуть аналитического освещения обеих противных сторон. Анализ же не годится для полемических

приемов. Он предполагает согласие анализируемого и подчинение его авторитету аналитика. Поэтому тот, кто прибегает к анализу в целях полемических, должен быть готов к тому, что и анализируемый обратит против него анализ, и эта дискуссия примет такую форму, что всякая возможность составить себе убеждение для беспристрастного третьего лица будет совершенно исключена. Я доведу поэтому до минимума анализ, и тем самым нескромность и агрессивность по отношению к своим противникам, и прибавлю к тому же, что научную критику я не обосновываю такими средствами. Я не касаюсь того, что, может быть, и истинно в отвергнутых мною учениях, не пытаюсь их и опровергать. Пусть это будет предоставлено другим работникам в области психоанализа; отчасти это уже и сделано. Я хочу только показать, что́ именно, и в каких пунктах эти учения отрицают основные положения анализа и поэтому не должны называться этим именем. Итак, я пользуюсь анализом только для того, чтобы объяснить, как могли возникнуть у аналитиков эти уклонения от анализа. Во всяком случае, в пунктах расхождения я должен и критическими замечаниями защищать права психоанализа.

Психоанализ поставил своей ближайшей задачей объяснение неврозов и взял за исходные пункты оба факта—сопротивления и перенесения и, принимая во внимание третий факт—амнезии, дал им объяснение в теориях о вытеснении, сексуальных двигательных силах невроза и о бессознательном. Он никогда не предъявлял претензий на то, чтобы вообще дать исчерпывающую теорию душевной жизни человека, но требовал только, чтобы применяли его положения для дополнения и корректуры нашего знания, приобретенного любым иным путем. Теория Alfred'a Adler'a идет гораздо дальше этой цели; она хочет поведение и характер людей объяснить тем же приемом, что и невротические и психотические заболевания их; она, действительно, более соответствует всякой другой области, чем области невроза, которую она все-таки выставляет на первый план, вследствие истории своего возникновения. Я в течение многих лет имел возможность изучать д-ра Adler'a и всегда отзывался о нем, как о крупном уме, особенно склонном к абстрактному мышленью. Как пример «преследований»,

которым, как он утверждал, он подвергался с моей стороны, я могу сослаться на то, что после основания ферейна я передал ему ведение венской группы. Только настоятельные требования всех членов ферейна побудили меня взять на себя снова председательсто в научных заседаниях. Когда я убедился в его малоспособности к оценке именно бессознательного материала, я стал ожидать, что он сумеет открыть связь психоанализа с психологией и биологическими основами процессов влечений (Triebvorgänge), на что давали мне право, до известной степени, его ценные труды по малоценности органов. Он, действительно, создал нечто подобное, но его труд вышел таким, как будто бы (als ob), говоря на его жаргоне, он был предназначен для доказательства того, что психоанализ во всех отношениях неправ и отстаивает значение сексуальных факторов только благодаря легковерному отношению к рассказам невротиков. О чисто личных мотивах его деятельности также приходится говорить публично, так как он сам раскрыл их в небольшом кругу членов венской группы заявлением: «Не думаете ли вы, что для меня большое удовольствие всю жизнь стоять в вашей тени?». Я еще не вижу ничего недостойного, когда молодой человек открыто сознается в своем честолюбии, которое и без того можно предполагать как один из рычагов его работы. Но и находясь во власти такого мотива, надо избегать сделаться тем, что англичане, при их деликатном общественном такте, называют «unfair»—понятие, для которого у немцев куда более грубое выражение. Как мало это удалось Adler'y, показывает масса мелочной злобы, которая искажает его труды, и черты необузданной страсти в претензиях на первенство, которые скрываются в них. В венском психоаналитическом обществе нам пришлось однажды прямо услышать, что он претендует на первенство в деле выяснения взгляда об «единстве неврозов» и о «динамическом» понимании их. Это было для меня большим сюрпризом, так как я всегда полагал, что я отстаивал оба эти принципа еще до моего знакомства с Adler'ом.

Это стремление Adler'a к «месту под солнцем» имело еще одно следствие, которое психоанализ должен ощущать как благодетельное. Когда я, по выяснении непримири-

мых научных противоречий, заставил Adler'a выйти из состава редакции Zentralblatt'a, он оставил и общество и основал новый ферейн, которому дал красивое название «Ферейн для свободного психоанализа». Но люди, стоящие в стороне от анализа, очевидно, так же мало способны разобраться в различии в воззрениях двух психоаналитиков, как и мы, европейцы, способны разобраться в нюансах, которыми лицо одного китайца отличается от другого. «Свободный» психоанализ продолжал оставаться в тени «официального», «ортодоксального» психоанализа и считаться только придатком последнего. Тогда Adler сделал заслуживающий благодарности шаг, порвавши всякую связь с психоанализом, отграничив от него свое учение как «индивидуальную психологию». В Божьем мире так много места, и всякий, кто только может, имеет право без стеснений шататься по белу свету, но нежелательно жить под одной кровлей, когда уже более не понимают и не переносят друг друга. «Индивидуальная психология» Adler'a в настоящее время составляет одно из многочисленных психологических течений, враждебных психоанализу, дальнейшее развитие которых лежит вне круга его интересов.

Теория Adler'a с самого начала была «системой», чего психоанализ старательно избегал. Она также превосходный пример «вторичной обработки», которую проделывает над материалом сновидений наше бодрствующее мышление. Материал сновидений в этом случае заменяется вновь приобретенным материалом психоаналитических исследований, но принимается обычно с точки зрения собственного «*я*», подводится под обычные для этого «*я*» категории, подвергается изменениям и точно так же ложно и неправильно истолковывается, как это имеет место и при образовании сновидений. Теория Adler'a характеризуется не столько тем, что она утверждает, сколько тем, что отрицает; она состоит из трех неравноценных элементов: довольно приличных вкладов в психологию «*я*», излишних, но приемлемых переводов установленных психоанализом фактов на новый жаргон и из искажения и запутывания последних, поскольку они не соответствуют предпосылкам «*я*». Психоанализ всегда признавал элементы первого рода,

хотя и не обязан был уделять им особого внимания. Гораздо интереснее было показать, что ко всем стремлениям «*я*» примешиваются либидинозные компоненты. В противоположность этому, учение Adler'a подчеркивает эгоистические добавления к либидинозным влечениям. Это было бы значительным выигрышем, если бы Adler не пользовался этим, чтобы отрицать из-за компонентов влечений «*я*» либидинозные душевные движения. В данном случае его теория проделывает то же самое, что делают все больные и что происходит и с нашим сознательным мышлением вообще, а именно—рационализацию, как называет ее Jones для прикрытия бессознательного мотива. При этом Adler настолько последователен, что даже считает самым сильным мотивом полового акта желание указать женщине свое превосходство, быть сверху. Я не знаю, защищает ли он эту нелепость и в своих трудах.

Психоанализ давно открыл, что невротический симптом обязан своим существованием компромиссу. Поэтому он должен так или иначе пойти навстречу требованиям «*я*», от которого исходит вытеснение; он должен давать некоторые преимущества, допускать полезное применение, иначе он подвергся бы той участи, что и первоначально отклоненное влечение. Термин «достижение благодаря болезни» считался с этим фактом; правильно было бы различать первичное достижение «*я*» действительное уже при возникновении симптома, от «вторичных» достижений, которые присоединяются к остальным намерениям «*я*» в случае, если симптом оказывается длительно-стойким. Также давно уже известно анализу, что лишение этого достижения благодаря болезни или совершенное прекращение его вследствие изменения реальной жизни, является одним из моментов освобождения от симптома. В учении Adler'a поддчеркиваются, главным образом, именно вполне понятные отношения, которые всегда нетрудно установить. При этом совершенно упускается из виду, что «*я*» бесчисленное множество раз просто по неволе мирится с нежелательным, навязанным ему симптомом из-за связанных с ним преимуществ, напр., пользуясь страхом, как защитительным средством. «*Я*» играет при этом смешную роль глупого «рыжего» в цирке, который своими жестами думает внушить зрителям, что все

перемены на арене совершаются только по его команде. Но этому верят только юнцы.

Вторую составную часть учения Adler'а психоанализу приходится отстаивать, как свою собственность. Это психоаналитическое знание автор почерпал из всевозможных доступных ему источников за время десятилетней совместной работы и затем, только изменив номенклатуру, объявил своей собственностью. Я сам, напр., считаю слово «Sicherung» (обеспечение) более подходящим, чем употребленное мною «Schutzmassregel» (мера предосторожности), но я не нахожу в нем никакого нового содержания. Точно также в положениях Adler'а многое окажется давно известным, если, напр., вместо «выдуманный, фиктивный, фикция» воспользоваться первоначальным термином «фантастический, фантазия». На тожественности этих понятий психоанализ настаивал бы даже и в том случае, если бы автор и не участвовал в течение многих лет в общей работе.

Третья часть учения Adler'а — перетолковывание и искажение неудобных аналитических фактов — содержит то, что окончательно отмежевывает от анализа нынешнюю «индивидуальную психологию». Основная мысль системы Adler'а, как известно, гласит: цель самоутверждения индивидуума, его «воля ко власти», проявляется доминирующим образом в форме «мужского протеста», в образе его жизни, в образовании характера и в неврозе. Этот мужской протест — главный двигатель у Adler'а — есть, однако, не что иное, как отделенное от своего психологического механизма вытеснение, которое к тому же еще сексуализируется, что плохо согласуется с знаменитым отрицанием за сексуальностью ее роли в психической жизни. Мужской протест, наверное, существует, но когда понадобилось образовать из него основной двигатель психических процессов, тогда это наблюдение сыграло только роль трамплина, от которого нужно отделиться, чтобы подняться выше. Возьмем одну из основных ситуаций секуального инфантильного желания, наблюдение ребенком полового акта между взрослыми. Анализ в таких случаях показывает у тех лиц, историей жизни которых впоследствии приходится заниматься врачу, что в этот момент малолетними зрителями

владеют два побуждения: одно, если это мальчик, стать на место активного мужчины и другое, противоположное стремление, отожествить себя со страдающей женщиной. Оба эти стремления в совокупности исчерпывают возможности наслаждения, которые дает эта ситуация. Только первое стремление можно подвести под мужской протест, если за этим понятием вообще следует сохранить какой-нибудь смысл. А второе стремление, о судьбе которого Adler не беспокоится или которого он даже и не знает, и есть то, которое имеет куда бо́льшее значение для позднее наступающего невроза. Adler настолько целиком ушел в ревнивую ограниченность «*я*», что считается только с теми влечениями, которые приемлемы для «*я*» и поддерживаются им. Но как раз случай невроза, где эти побуждения сопротивляются «*я*», лежит вне его поля зрения.

При, ставшей благодаря психоанализу неизбежной, попытке установить связь между основным принципом его учения и душевной жизнью ребенка у Adler'а имели место самые резкие, величайшие уклонения от действительных наблюдений и самая глубокая спутанность понятий. Биологический социальный и психологический смысл «мужского» и «женского» смешались самым безнадежным образом. Кажется совершенно невозможным и противоречит прямым наблюдениям, чтобы ребенок-мальчик или девочка начертал план своей жизни, основываясь на первоначальном презрении к женскому полу, и руководящей жизненной линией своего поведения сделали бы желание: хочу стать настоящим мужчиной. Ребенок первоначально и не подозревает значения различия полов и исходит скорее из предположения, что у обоих полов одинаковые (мужские) гениталии; он начинает свои сексуальные исследования совсем не с проблемы различия полов и очень далек от социальной низкой оценки женщины. Существуют женщины, в неврозе которых желание быть мужчиной не играет никакой роли. Все то, что можно констатировать в мужском протесте, нетрудно свести к нарушению первоначального нарцизма угрозой кастрацией, respective к первым запретам половой деятельности. Всякий спор о психогенезе неврозов должен разрешиться на почве детских неврозов. Тщательный анализ невроза в раннем детстве кладет конец всем ошибкам в смысле этиологии

неврозов и сомнениям о роли сексуальных влечений. Поэтому Adler в своей критике работы Jung'a «Konflikte der Kindlichen Seele» должен был прибегнуть к подтасовке, доказывая, что материал этого случая, вероятно, был односторонне подобран отцом [1]).

Я не буду дальше останавливаться на биологической стороне теории Adler'a и не стану исследовать, действительно ли конкретная недостаточность органов или субъективное ощущение последней — неизвестно, что из двух,— в состоянии служить основой системы Adler'a. Уместно будет сделать замечание, что в таком случае невроз был бы только побочным результатом всеобщего вырождения, между тем как наблюдение нас учит, что огромное большинство безобразных, уродов, калек и убогих вовсе не реагирует на свои недостатки развитием невроза. Я не буду касаться интересной новости о перемещении чувства малоценности в детство. Она показывает нам, под какой маской подчеркнутый момент инфантилизма вновь всплывает в индивидуальной психологии. Но зато я обязан показать, как все психологические приобретения психоанализа бесцельно теряются у Adler'a. Бессознательное еще является в «Nervose Charakter» как психологическая особенность, но без всякого отношения к системе. Позже он вполне последовательно объявил, что ему безразлично, сознательно ли представление или бессознательно. У Adler'a с самого начала не было никакого понятия для вытеснения. В реферате об одном докладе в венском ферейне (февраль 1911) значится: «На примере одного случая указывается на то, что пациент не вытеснил своего libido, от которого он ведь постоянно старался защищаться» [2]). В одной венской дискуссии он вскоре после того высказал следующее: «Когда вы спрашиваете, откуда являлось вытеснение?—то получаете ответ: «от культуры». Когда же вы затем спрашиваете: «откуда явилась культура?»—то вам отвечают: «от вытеснения». Вы видите, таким образом, что дело тут в игре слов». Маленькая искра остроумия, с которой Adler раскрыл искусство защиты своего «нервного характера», была бы вполне достаточна, чтобы

---

[1]) Zentralblatt f. Psychoanalyse, Bd. I. S. 122.

[2]) Korrespondenzblatt № 5. Zürich, April, 94. 85.

указать ему выход из этого предательского аргумента. Тут скрывается только тот смысл, что культура покоится на результатах вытеснений прежних поколений и что каждому новому поколению приходится оберегать культуру, совершая те же самые вытеснения. Я слышал о ребенке, который считал себя одураченным и стал кричать только потому, что на вопрос: откуда берутся яйца?—получил в ответ: от кур; на дальнейший вопрос: откуда берутся куры?—получил ответ: из яиц. И все же тут не было игры словами, а ребенку говорили правду.

Также жалко и бессодержательно все, что Adler высказал о сновидении, этом пробном камне психоанализа. Сновидение было для него сначала поворотом с мужской на женскую линию, что означает не что иное, как переложение учения об осуществлении желаний в сновидении на язык «мужского протеста». Позднее он находит сущность сновидения в том, что посредством сновидения человек в бессознательном состоянии делает для себя возможным то, что сознательно запрещается. Также приоритет смешивания сновидения со скрытыми мыслями его, на котором покоится его понимание «проспективной тенденции» (предвидения) надо приписать Adler'y. Meder в этом отношении последовал за ним. При этом стараются не замечать того, что всякое толкование сновидения, явное содержание которого вообще недоступно пониманию, основывается на применении того самого толкования сновидений, предпосылки и выводы которого оспаривают. Сопротивление, по Adler'y, служит больному для того, чтобы он мог упорствовать на своем перед врачем. Конечно, это верно; но ведь это совершенно то же, что сказать: оно служит сопротивлению. Но откуда это сопротивление возникает, и каким образом так выходит, что больной может пользоваться его проявлениями в своих целях, об этом, как о безразличном для «я» явлении, не дают никаких пояснений. Не принимаются во внимание ни детали механизма симптомов и феноменов, ни вообще обоснование разнообразия картин болезни и болезненных проявлений, так как ведь все служит одинаково мужскому протесту, самоутверждению личности. Система готова, она получилась благодаря своеобразному перетолковыванию; но зато и не дала ни одного нового наблюдения. Я думаю,

мне удалось показать, что система Adler'a не имеет ничего общего с психоанализом.

Картина жизни, которая вырисовывается из системы Adler'a, основана целиком на агрессивном влечении; она не оставляет места для любви. Приходится удивляться, что столь безотрадное мировоззрение обратило на себя внимание; но не следует забывать, что стонущее под игом половой потребности человечество готово воспринять что угодно, если только в качестве приманки выставить «преодоление сексуальности».

Отпадение Adler'a произошло до веймарского конгресса 1911 года, после этого года началось отпадение швейцарцев. Первыми признаками его были некоторые выражения Riklin'a в популярных статьях швейцарской литературы, из которых окружающий мир узнал раньше, чем единомышленники специалисты, что психоанализ преодолел некоторые печальные дискредитировавшие его заблуждения. В 1912 г. Jung в письме из Америки хвастался тем, будто его видоизменения психоанализа преодолели сопротивления у многих лиц, которые до того не хотели о нем и слышать. Я ответил, что хвалиться собственно нечем и что чем больше он будет приносить в жертву добытые с таким трудом истины психоанализа, тем скорее убедится, как сопротивление будет исчезать. Видоизменение, введением которого швейцарцы так сильно гордились, было опять-таки не что иное, как теоретическое затушевывание сексуального момента. Сознаюсь, с самого начала я понимал этот «успех», как слишком далеко идущее приспособление к требованиям момента.

Оба регрессирующие, уходящие от психоанализа движения, которые мне теперь приходится сравнивать, обнаруживают сходство и в том, что с помощью возвышенных принципов, словно с точки зрения предвечного, они отстаивают выгодные для них предрассудки. У Adler'a эту роль играет относительность всякого познания и право личности индивидуально при помощи художественных средств распоряжаться научным материалом. Jung вопит о культурно-историческом праве молодежи сбросить с себя оковы, которые пожелала наложить на нее тираническая старость, оцепеневшая в своих воззрениях.

Нельзя оставить без возражения эти аргументы. Относительность нашего познания—соображение, которое может быть противопоставлено любой научной дисциплине в такой же мере, как психоанализу. Оно исходит от известных реакционных, враждебных науке течений современной мысли и претендует на превосходство, которое в отношении к нам не имеет оправдания. Никто из нас не может предугадать, каково будет окончательное суждение человечества о наших теоретических исканиях. Имеются примеры того, что отрицание трех ближайших поколений исправлялось следующим непосредственно за ними и сменялось признанием. Каждому в отдельности исследователю остается только всеми силами отстаивать основанное на опыте убеждение после старательного прислушивания к голосу собственной критики и некоторой доли внимания к возражениям противников. Можно быть довольным, если честно ведешь свое дело и не берешь на себя роль судьи, которая должна быть предоставлена отдаленному будущему. Подчеркивание личного произвола в научных вопросах неуместно. Оно, очевидно, желает оспаривать научную ценность психоанализа, и без того уменьшенную предыдущим замечанием. Кто высоко ценит научное мышление, тот скорее будет искать средств и методов, чтобы по возможности ограничить фактор чисто личного художественного произвола в тех областях, где он играет еще слишком большую роль. Впрочем, следует своевременно вспомнить, что всякая ревностная защита здесь совершенно излишня. Эти аргументы Adler'a несерьезны: они применяются только по отношению к противникам, но щадят его собственные теории. Они не помешали сторонникам Adler'a чествовать в его лице Мессию, к появлению которого чающее его человечество подготовлялось длинным рядом предтеч. О! Мессия, конечно, не представляет из себя ничего относительного.

Аргумент Jung'a ad captandam benevolentiam [1]) основывается на слишком оптимистическом предположении, что прогресс человечества, культуры, знания словно всегда совершался только по прямой линии. Как будто никогда не бывало эпигонов, реакций и реставраций после каждой рево-

---

[1]) Рассчитанный на снискание расположения.

люции, поколений, которые в своем регрессе отказывались от завоеваний прежних поколений. Приближение к точке зрения толпы, отказ от неприятного нововведения делают наперед невероятным, чтобы исправление психоанализа Jung'ом могло протендовать на роль освободительного юношеского подвига. В конце концов решающим является не возраст героя, а характер его подвига.

Из двух рассмотренных здесь движений, несомненно, более значительно учение Adler'a. Абсолютно ложное, оно все же отличается последовательностью и стройностью. Оно все еще основано на учении о влечениях. Видоизменение же Jung'a, напротив, ослабило связь видимых явлений с влечениями. К тому же, как указали его критики Abraham, Ferenczi, Jones), оно настолько неясно, запутанно и туманно, что нелегко установить к нему отношение. С какой бы стороны ни подойти к нему, надо быть готовым выслушать, что неправильно понял его, и в конце концов не знаешь, как же добиться верного понимания. Оно само представляется в странном неустойчивом виде, то выдавая себя за самое невинное уклонение, которое не стоит шума, поднятого вокруг него, то за новое откровение, которое открывает в психоанализе новую эру и даже новое миросозерцание для всех.

Под впечатлением противоречий между отдельными частными и публичными заявлениями последователей направления Jung'a возникает вопрос, какая доля в этом приходится собственно на неясность и какая на неискренность. Но нужно сознаться, что представители нового учения находятся в тяжелом положении. Они оспаривают теперь такие вещи, которые раньше сами защищали, и не на почве наблюдений, которые открыли бы им что-нибудь новое, а вследствие перетолковываний, благодаря которым те же самые вещи кажутся им теперь совсем не такими, какими они их видели раньше. Поэтому они не желают разорвать связь с психоанализом, так как они стали известны как его представители, но предпочитают заявить об изменениях в самом психоанализе. На мюнхенском конгрессе я был вынужден рассеять этот полумрак и объявил, что не считаю новшества швейцарцев законным продолжением и дальнейшим развитием созданного мной психоанализа. Другие критики (как Furtmüller) уже раньше обратили внимание на этот факт,

и Abraham совершенно верно заметил, что Jung уходит сам от психоанализа. Я, конечно, готов согласиться, что всякий имеет право думать и писать, что хочет, но он не имеет никакого права выдавать это за что либо-другое.

Подобно тому, как исследование Adler'a дало нечто новое психоанализу (часть психологии «*я*») и хотело заплатить за этот дар слишком дорогой ценой, забросив все основы аналитического учения, так и Jung и его приверженцы связали свою борьбу с психоанализом, с новыми приобретениями для него. Они проследили в деталях (в чем их опередил Pfister), как материал сексуальных представлений из семейного комплекса и инцестуозного выбора объекта обращается на образование высших этических и религиозных интересов человечества, т.-е. разъяснили важный процесс сублимирования эротических влечений и превращение их в стремления, которые уже нельзя называть эротическими. Это как нельзя лучше согласовалось с ожиданиями психоанализа и отличие могло ужиться с воззрением, что во сне и в неврозе можно видеть регрессивное разрешение как этих, так и всех прочих сублимирований. Но в таком случае мир в возмущении поднял бы шум, что сексуализировали этику и религию. Я не могу избежать того, чтоб не «доводить мысли до конца» и не думать, что люди, сделавшие это открытие, не чувствовали себя способными устоять перед этой бурей негодования. Возможно, она начала бушевать и в их собственной груди. Предшествующее теологическое направление многих швейцарцев оказалось не безразличным, как и социалистическое прошлое Adler'a, для развития его психологии. Вспоминается известный рассказ Марка Твена о судьбе его часов и удивление, которым он заканчивается: «And he used to wonder what became of all the unsuccestul tinkers and gunsmiths, and shoemakers, and blacksmiths; but nobody could ever tell him».

Я хочу вступить на путь сравнения и допустить, что в некоем обществе живет выскочка, который хвастает своим происхождением от аристократического, но чужеземного рода. И вот ему доказывают, что его родители живут где нибудь поблизости и очень простые люди. Тогда в его распоряжении имеется еще один выход, и за него он хватается. Не имея возможности отрекаться от своих родителей, он

начинает утверждать, что они и сами высокого происхождения, но впали в нужду и он добывает для них в угодливом ведомстве документ об их благородном происхождении. Думаю, что поведение швейцарцев было в этом же роде. Если нельзя было сексуализировать этику и религию и с самого начала они были чем то высшим, тогда как происхождение этих представлений из семейного и Эдиповского комплекса казалось неопровержимым, то оставался только один выход: эти комплексы уже с самого начала не должны были иметь того значения, которое, казалось, в них заключается, а должны были иметь тот высший «анагогический», по номенклатуре Silberer'a, смысл, при котором их можно было бы применить к абстрактным рассуждениям этики и религиозной мистики.

Теперь я боюсь услышать, что я неверно понял содержание и цели неоцюрихского учения, но я заранее протестую, чтобы возражения против моего понимания, которое вытекает из сообщений этой школы, выдвигалось, как обвинение против меня, а не против них. Я не могу понять никоим образом нововведений Jung'a в целом и уловить между ними связь. Все изменения, которые Jung предпринял в психоанализе, обнаруживают стремление устранить все предосудительное в семейном комплексе, дабы не обрести его вновь в религии и в этике. Либидо было заменено абстрактным понятием, о котором можно утверждать, что оно осталось одинаково таинственным и непонятным, как для мудрецов, так и для глупцов. Эдиповский комплекс понимался только «символически», мать в нем означала недостижимое, от которого надо отказаться в интересах культурного развития; отец, которого убивают в мифе об Эдипе, это «внутренний» отец, от которого надо освободиться, чтобы стать самостоятельным. Остальные части материала сексуальных представлений подверглись с течением времени такому же перетолковыванию. На место конфликта между противными «я» сексуальными стремлениями и самоутверждением «я» выступил конфликт между «жизненной задачей» и «психической инертностью»,—невротическое сознание вины соответствует упреку в невыполнении своей жизненной задачи. Так создана была новая религиозно-этическая система, которая совершенно так же, как и система Adler'a, должна

была перетолковывать фактические данные психоанализа, исказить или устранить их. На самом же деле из симфонии мироздания выхватили несколько культурных обертонов и вновь прошли мимо первобытно мощной мелодии влечений.

Чтобы держаться этой системы, необходимо было совершенно уклониться от наблюдений и от техники психоанализа. В некоторых случаях воодушевление святым делом допускало даже пренебрежение к научной логике, напр., когда Jung находит Эдиповский комплекс достаточно «специфическим» для этиологии неврозов и признает эту специфичность за инертностью, т.-е. за самым обычным свойством как одушевленных, так о неодушевленных предметов. При этом следует заметить, что «Эдиповский комплекс» представляет из себя только некоторое определенное содержание, которым измеряются душевные силы индивидуума, сам же он не является силой, какой является психическая инертность. Исследование каждого отдельного человека установило и всегда снова установит, что в нем живы сексуальные комплексы в их первичном смысле. Поэтому исследование индивидуума отошло на задний план и было заменено обсуждением по указаниям из области народоведения. Прежде всего грозила опасность натолкнуться в раннем детстве каждого отдельного человека на первоначальный и неприкрытый смысл перетолкованных комплексов; отсюда и возникло предписание для терапии по возможности меньше останавливаться на этом прошлом и главное внимание обратить на возвращение к актуальному конфликту, в котором, однако, самое существенное заключается не в случайном и личном, а в общем,— именно, в невыполнении жизненной задачи. Мы слышали, что актуальный конфликт невротика становится понятным— и разрешенным только тогда, когда его сводят к прошлой истории больного, идут тем путем, который проделало его либидо при заболевании. Какой вид приняла неоцюрихская терапия при таких тенденциях, я могу сообщить со слов одного больного, который вынужден был испытать ее на самом себе. «На этот раз и помину не было о том, чтобы обратить внимание на прошлое и перенесение (Uebertragung).

Там, где я полагал найти его, его выдавали за чистый символ libido. Моральные поучения были очень хороши

и я жил согласно им, но не подвинулся ни на шаг вперед. Мне это было еще неприятнее, чем ему, но что же мне было делать?.. Вместо того, чтобы путем психоанализа освобождать, каждый сеанс приносил новые огромные требования, с выполнением которых было связано преодоление невроза, например, внутренней концентрации посредством интроверсии, религиозного самоуглубления, совместной жизни с моей женой в полной любви и преданности. Это было почти свыше сил, но ведь имелось в виду радикальное преображение всего внутреннего человека. Я уходил с аналитического сеанса с чувством сокрушенности и с лучшими намерениями, но в то же время и в состоянии глубокой безнадежности. То, что он рекомендовал мне, посоветовал бы любой священник, но откуда взять сил?..» Правда, пациент сообщает, что он слышал, что нужен предварительный анализ прошлого и перенесения. Ему было сказано, что такого анализа с него достаточно. Так как он, однако, не помог, то мне кажется правильным заключение, что пациент недостаточно подвергся анализу первого рода. Ни в коем случае не помогла больше последовавшая затем часть лечения, которая не имеет уже никаких прав на название психоанализа. Приходится удивляться, что понадобился цюрихцам долгий обходный путь через Вену, чтобы, наконец, попасть в столь близкий им Берн, где Дюбуа лечит неврозы этическим ободрением в мягкой форме.

Полное расхождение этого нового направления с психоанализом сказывается, конечно, также и в трактовании вытеснения, которое едва упоминается в трудах Jung'a, в недостаточной оценке сновидений, которые он, подобно Adler'y, отказавшись от психологии сновидений, смешивает с скрытыми мыслями сновидения, в отсутствии понимания бессознательного, короче говоря, во всех тех пунктах, с которыми связана сущность психоанализа. Когда слышишь от Jung'a, что «инцесткомплекс» надо понимать только символически, что ведь реально он не существует, ведь дикарь не чувствует никакого влечения к старухе, но предпочитает молодую и красивую женщину, то хочется допустить, что слова «символически» и «отсутствие реального существования» означают именно то, что в психоанализе называется «бессознательно существующим», если

принять во внимание его проявления в виде патогенного действия; таким образом, то-есть прибегая к слову «символически», хотят разрешить кажущееся противоречие между бессознательно существующим комплексом и отсутствием его «реального существования» в сознании.

Если иметь в виду, что сновидение есть не что иное, как скрытые мысли сновидения, которые оно перерабатывает, то не придется удивляться, что больные видят во сне то, чем заполнили их мысли во время лечения, будь то «жизненные задачи» или «положение сверху или снизу». Конечно, можно направлять сновидения анализируемых подобно тому, как можно влиять на сновидения экспериментально вызываемыми раздражениями. Можно заранее определить часть материала, который имеется в сновидении, сущность и механизм сновидения от этого не меняются. Не верю я также и тому, что так называемые «биографические» сны развиваются вне анализа. Напротив, если анализировать сновидения, которые имели место до лечения, или если обратить внимание на то, что видящий сны привносит к побуждениям, получаемым им во время лечения, или если, наконец, избегать ставить ему какие бы то ни было задачи, то можно убедиться, что сновидение далеко не делает попыток разрешить жизненную задачу. Ведь сновидение есть только форма мышления. Понимания этой формы никогда нельзя вывести из содержания его мыслей, к этому ведет только оценка работы сновидения.

Фактическое опровержение недоразумений Jung'a и его уклонений от психоанализа нетрудно. Каждый правильно проведенный анализ, особенно же анализ ребенка, укрепляет в убеждениях, на которых основывается теория психоанализа, и опровергает системы перетолковывания как Adler'a, так и Jung'a. Jung сам до своего «просветления» провел и опубликовал такой анализ ребенка, и остается выждать, не предпримет ли он нового толкования его с помощью «однородного направления фактов» (как гласит относящееся сюда выражение Adler'a).

Тот взгляд, что сексуальное изображение «высших» мыслей в сновидении и в неврозе есть не что иное, как архаическая форма выражения мыслей, конечно, несовместим

с тем фактом, что эти сексуальные комплексы в неврозе являются носителями частей либидо, отнятых от реальной жизни. Если бы дело шло только о сексуальном жаргоне, то от этого в экономии либидо ничто не могло бы измениться. Jung сам признает еще в своей «Darstellung der psychoanalytischen Theorie» и формулирует в качестве терапевтической задачи требование, чтобы от этих комплексов либидо было отторгнуто. Но этого никогда не удастся достигнуть затушевыванием их и требованием сублимирования, а только подробнейшим разбором их и приведением их в сознание в полном объеме. Первая частица реальности, с которой больному приходится считаться, это имнно его болезнь. Старания отвлечь его от этой задачи указывают на неспособность врача помочь ему в преодолении сопротивлений или на страх врача перед результатами этой работы.

В заключение я хотел бы сказать, что Jung своей «модификацией» психоанализа дал нечто вроде знаменитого ножа Лихтенберга. Он переменил рукоятку и всадил в нее новый клинок; но должны ли мы считать этот инструмент прежним только потому, что на нем вырезано то же клеймо?

Я полагаю, что мне удалось доказать, что новое учение, которое претендует занять место психоанализа, означает отречение от анализа и отпадение от него. Может быть, явится опасение, что это отпадение будет более роковым для судьбы психоанализа, чем какое-либо другое, так как оно исходит от лиц, которые играли такую большую роль в движении и в столь значительной степени способствовали его развитию. Я не разделяю этого опасения.

Люди сильны, пока защищают великую идею; они становятся бессильными, когда идут против нее. Психоанализ перенесет эту потерю и взамен этих сторонников приобретет других. Закончу пожеланием, чтобы судьба даровала легкий подъем всем тем, кому стало неуютно пребывание в преисподней психоанализа, остальным же пусть будет свободно предоставлено довести работу до конца в его глубинах.

Февраль 1914 года.

Несколько замечаний по поводу понятия „бессознательное".

Я хотел бы в нескольких словах и по возможности яснее определить, какой смысл придается слову «бессознательный» в психоанализе, и только в одном психоанализе.

Какое-нибудь представление—или всякий другой психический элемент—может в настоящую минуту присутствовать в моем сознании, а в следующую исчезнуть из него; по истечении определенного промежутка времени оно может снова возникнуть, как мы говорим, благодаря воспоминанию, а не вследствие нового восприятия. Считаясь с этим фактом, мы должны предполагать, что и в течение всего промежуточного периода времени представление это оставалось в нашей душе, хотя оно и было в латентном состоянии сознания.

Но у нас не может возникнуть никаких предположений относительно того, в какой форме оно могло бы существовать в душевной нашей жизни, оставаясь в то же время латентным в сознании. В этом вопросе мы должны быть готовы услышать возражение со стороны философов, что латентное представление существовало не как психологический объект, а только как физическое предрасположение к возобновлению того же психического явления,—а именно, этого самого представления. Но на это мы можем ответить, что такая теория собственно далеко переходит границы психологии, что она просто обходит проблему, держась того взгляда, что «сознательное» и «психическое» тождественные понятия и что теория эта, очевидно, не-

права, отрицая за психологией право объяснить своими собственными средствами такое обычное явление в ее области, как память.

Мы хотим назвать «сознательным» представление, присутствующее в нашем сознании и воспринимаемое нами и только в этом смысле понимать выражение «сознательное»; в противоположность этому должны быть обозначены термином «бессознательными» латентные представления, когда у нас есть основание предполагать, что они существуют в душевной жизни, как, например, в случае памяти.

Бессознательным представлением в таком случае будет такое, которое хотя мы и не замечаем, но существование которого мы все-таки готовы допустить на основании других признаков и доказательств.

В этом можно было бы видеть совершенно неинтересную описательную или классификаторскую работу, если бы у нас не было других данных для суждения, кроме факта памяти или ассоциаций через посредство бессознательных их звеньев. Но общеизвестный опыт послегипнотического внушения учит нас тому, как важно отличать «сознательное» от «бессознательного» и насколько существенно такое различие.

При этом эксперименте, как его производил Bernheim, испытуемый приводится в гипнотическое состояние, а затем его будят. В то время, как этот человек находится под влиянием врача в гипнотическом состоянии, врач ему внушает совершить какой-нибудь поступок в точно определенный срок, например, через полчаса. По пробуждении кажется, что гипнотизированный снова пришел в полное и обычное состояние сознания—у него нет воспоминания о гипнотическом состоянии; несмотря на это в определенный момент в нем вдруг возникает импульс к тому, чтобы совершить то или другое действие—что он и совершает в полном сознании, хотя и сам не знает почему. Едва ли можно описать это явление иначе, чем такими словами: намерение это существовало у данного лица в латентной форме или бессознательно, до наступления ранее внушенного момента,—когда оно было осознано. Однако это намерение возникло в сознании не со всеми подробностями, а в виде одного только представления о действии, которое

предстоит выполнить. Все другое—идеи, ассоциативно связанные с этим представлением: как-то внушение, психическое воздействие врача, воспоминание о гипнотическом состоянии,—так и остается при этом неосознанным.

Но этот опыт может научить нас еще бо́льшему. От чисто описательного он приводит нас к динамическому пониманию явления. Идея внушенного в гипнозе действия в определенную минуту не только стала объектом сознания, но она сделалась также действенной, а это и есть самая замечательная сторона такого факта: она перешла в действие, как только была замечена в сознании. Так как настоящим побуждением к действию является внушение врача, то нет возможности допустить что-либо иное, как только то, что внушенная идея стала действенной.

Однако сама эта идея не проникла в сознание, так как это произошло с ее дериватом—идеей действия; она осталась бессознательной и оказалась одновременно и действенной и бессознательной.

Послегипнотическое внушение представляет из себя продукт лаборатории, искусственно созданное явление. Но если мы примем теорию истерических явлений, предложенную впервые P. Janet и разработанную Breuer'ом и мною, то в нашем распоряжении окажется множество фактов, отличающихся психологическими признаками послегипнотического внушения в еще более ясной и очевидной форме.

Душевная жизнь истеричного больного полна действенных, но бессознательных мыслей; от них происходят все симптомы. Действительно, самую замечательную особенность истерического состояния психики составляет то, что она вся во власти бессознательных представлений. Если у истерической женщины наблюдается рвота, то это может произойти под влиянием мысли о беременности. И тем не менее такая женщина ничего не знает об этой идее, хотя посредством одного из технических приемов психоанализа мысль эта легко может быть открыта в ее душевной жизни и сделана доступной ее сознанию. Если она проделывает все судороги и жесты, составляющие «припадок», то она вовсе не представляет себе в своем сознании тех действий, которые она намеревается выполнить, и наблюдает их, быть может, с чувством безучастного зрителя. Тем не менее анализ может

доказать, что она разыгрывает свою роль, воспроизводя в драматической форме сцену из своей жизни, воспоминание о которой было бессознательно, но действенно во время припадка. То же преобладание действенных бессознательных идей открывается психоанализом как сущность психологии всех других форм невроза.

Итак, из анализа невротических явлений мы узнаем, что латентная или бессознательная мысль не должна быть непременно слабой; далее, присутствие такой мысли в душевной жизни может быть доказано не прямым путем, но почти так же убедительно, как если бы это прямо доказывалось нашим сознанием. Мы считаем себя в праве привести нашу классификацию в согласие с этим расширением наших знаний, основываясь на различии между этими двумя видами латентных и бессознательных мыслей. Мы привыкли думать, что всякая латентная мысль была такою вследствие своей слабости и становилась сознательной, как только приобретала силу. Теперь же мы убедились, что существуют такие латентные мысли, которые не проникают в сознание, как бы сильны они ни были. Поэтому мы считаем уместным назвать латентные мысли первой группы предсознательными, сохраняя выражение бессознательные (в настоящем смысле слова) для второй группы, наблюдаемой нами при неврозах. Выражение бессознательный, употребляемое нами до сих пор только в описательном смысле, получает теперь более расширенное значение. Оно обозначает теперь не только латентные мысли, а особенные, отличающиеся определенным динамическим признаком, а именно такие, которые остаются вдали от сознания, несмотря на свою интенсивность и действенность.

Прежде, чем продолжать свое изложение, я хочу коснуться двух возражений, которые считаю весьма вероятными в этом пункте. Первое может быть формулировано следующим образом: вместо того, чтобы допустить гипотезу о бессознательных мыслях, о которых мы ничего не знаем, не лучше ли нам предположить, что сознание может быть разделено, так что отдельные мысли или другие душевные процессы могут образовать особое сознание, отделенное от главного ядра сознательной психической деятельности и чуждого ей. Общеизвестные патологические случаи, как,

например, случай д-ра Azam, очень убедительно доказывают, что идея разделения сознания не представляет из себя пустой фантазии.

Я позволю себе упрекнуть эту теорию в том, что она базируется на злоупотреблении словом «сознательный». Мы не имеем права так расширить смысл слова «сознательный», чтобы обозначать им и такое сознание, о котором обладатель его ничего не знает. Если философы видят затруднение в том, чтобы допустить существование бессознательной мысли, то существование бессознательного сознания кажется мне еще более спорным. Случаи, приводимые, как пример разделения сознания, вроде случая д-ра Azam могли бы скорее рассматриваться как передвижение сознания, состоящее в том, что эта функция—или что-то в этом роде—колеблется между двумя психическими комплексами, которые становятся поочередно сознательными и бессознательными.

Второе предполагаемое мною возражение может заключаться в том, что мы применяем к психологии нормальных людей те следствия, к которым привело нас изучение патологических состояний. На это мы можем возразить указанием на факт, ставший известным для нас благодаря психоанализу. Известные нарушения функций, случающиеся очень часто у здоровых людей, например, Lapsus linguae, ошибки памяти и речи, забывание имен и т. д., могут быть легко объяснены влиянием сильных бессознательных мыслей точно так, как невротические симптомы. А в дальнейшем изложении мы еще встретимся со вторым, более убедительным доказательством.

Придерживаясь разделения на предсознательные и бессознательные мысли, мы можем оставить область классификаций и составить себе определенное представление о функциональном и динамическом отношениях в душевной деятельности. Мы нашли действенное предсознательное, которое переходит без всяких затруднений в сознание и действенное бессознательное, остающееся бессознательным, как бы отрезанным от сознания.

Мы не знаем, идентичны ли эти два вида психической деятельности с самого начала, или же они по существу своему противоположны; но мы можем поставить вопрос, почему они становятся различными в течение того времени, когда протекают психические процессы. На этот вопрос

психоанализ немедленно дает нам ясный ответ. Продукты действенного бессознательного никоим образом не могут проникнуть в сознание, и для того, чтобы они смогли это сделать, необходимо известное усилие. Если мы пробуем сделать это на самих себе, то получаем ясное чувство отпора, который нужно преодолеть, а когда мы вызываем у наших больных такое стремление продуктов бессознательного проникнуть в сознание, то получаем вполне ясные признаки того, что называется сопротивлением. Таким образом мы узнаем, что бессознательная мысль исключается из сознания живыми силами, сопротивляющимися тому, чтобы она проникла туда, между тем как другим мыслям, предсознательным, эти силы не стоят на пути. Психоанализ не оставляет места никакому сомнению в том, что это недопущение бессознательных мыслей в сознание обусловлено исключительно заключающимися в содержании их тенденциями. Самая естественная и вероятная теория, которую мы при настоящем состоянии наших знаний можем построить, такова: бессознательное составляет регулярную неизбежную фазу в процессах, лежащих в основе нашей психической деятельности; каждый психический акт начинается как бессознательный и может таким и остаться или же, развиваясь дальше, проникнуть в сознание, в зависимости от того, наталкивается ли он на сопротивление или нет. Различие между предсознательной и бессознательной деятельностью не первичное, а образуется лишь после того, как начинает свою деятельность «отпор». Лишь тогда получает теоретическое и практическое значение различие между предсознательными мыслями, которые появляются в сознании и каждую минуту могут туда вернуться, и бессознательными мыслями, для которых это остается недоступным. Грубую, но довольно подходящую аналогию этого предполагаемого отношения сознательной деятельности к бессознательному представляет область обыкновенной фотографии. Первой стадией фотографии является негатив; каждый портрет должен непременно проделать этот «негативный процесс», и некоторые из этих негативов, выдержавшие испытание, допускаются до «позитивного» процесса, кончающегося портретом.

Но различение предсознательной и бессознательной деятельности и познание разделяющей их грани вовсе не есть еще

последний и самый значительный результат психоаналитического исследования душевной жизни. Существует психический продукт, который встречается у самых нормальных людей и тем не менее представляет собой разительную аналогию с самыми дикими продуктами бреда безумия, и был для философов так же непонятен, как и само безумие. Я подразумеваю сновидения. Психоанализ основывается на анализе сновидений; толкование сновидений является самой совершенной работой, сделанной до настоящего времени этой молодой наукой. Типичный случай образования сновидения может быть описан следующим образом: душевная деятельность в течение дня вызвала ход мыслей, сохранивших известную способность действия, благодаря чему на них не распространяется то общее понижение интереса, которое вызывает сон и составляет психическую подготовку к нему. В течение ночи этому ходу мыслей удается найти связь с каким-либо одним из бессознательных желаний, которые уже с самого детства всегда существовали в нашей душевной жизни, но обычно были вытеснены и исключены из сознания. Эти мысли, эти остатки дневной работы психики, усилившись благодаря такой бессознательной поддержке, становятся опять действенными и всплывают в сознание в виде сна. Таким образом все сводится к трояко рода процессам:

1. Мысли претерпели те превращения, искажения и замаскирования, посредством которых проявляется участие бессознательного в образовании сновидений.

2. Мыслям удалось завладеть сознанием в такое время, когда оно не должно было бы быть им доступным.

3. Частица бессознательного проникла в сознание, что ему при обычных условиях не удалось бы.

Мы научились искусству находить «остаточные впечатления дня» (Tagesreste) и «скрытые мысли сновидения», сравнивая их с «явным содержанием сновидения» мы получаем возможность составить себе представление о всех изменениях, которые с ними произошли, и выяснить те способы, посредством которых это произошло.

Латентные мысли сновидения таким образом не отличаются ничем от нашей обычной сознательной душевной деятельности. Они заслуживают названия предсознательных мыслей и, действительно, в известные моменты в состоянии

бодрствования они могут быть осознаны. Но благодаря связи с бессознательными стремлениями, возникшей в течение ночи, они ассимилировались с последними и низведены в известном смысле до состояния бессознательных мыслей, а потому подвержены законам, управляющим бессознательной деятельностью. Здесь мы имеем случай узнать то, до чего никогда не могли дойти путем теоретических соображений или из какого-нибудь другого источника эмпирических знаний, а именно, что законы бессознательной душевной деятельности в очень многих отношениях отличаются от законов, которым подчинена деятельность сознания. Углубляясь в подробности, мы приобретаем знание особенностей бессознательного, и можем надеяться, что основательное исследование процессов образования сновидений откроет нам еще больше.

Это исследование едва ли наполовину уже закончено, и невозможно изложить достигнутых до настоящего времени результатов, не углубляясь в чрезвычайно сложные проблемы толкования сновидений. Но я не хотел окончить свое изложение, не указав на те изменения и успехи в нашем понимании бессознательного, которым мы обязаны психоаналитическому изучению сновидений.

Бессознательное казалось нам сначала только загадочной особенностью известного психического процесса; теперь оно имеет для нас бо́льшее значение, являясь признаком того, что данный процесс принимает участие в природе определенной психической категории, знакомой нам по другим, еще более значительным характерным особенностям, и что он принадлежит системе психической деятельности, заслуживающей нашего самого серьезного внимания. Ценность бессознательного, как показателя особой системы психики, гораздо бо́льшая, чем его значение, как качественной категории. Всей системе, которая дает нам о себе знать благодаря тому своему отличительному признаку, вследствие которого отдельные процессы, ее составляющие, бессознательны, мы даем имя «бессознательное»—за недостатком другого лучшего, менее двусмысленного выражения. Я предлагаю обозначать эту систему буквами Ubw, представляющими из себя сокращение слова «Unbewusst»

Это и есть третье и самое важное значение, которое приобрело в психоанализе название «бессо знательное».

Положения о двух принципах психической деятельности [1]).

Перевод М. Э. Г.

Нам приходилось давно уже отмечать, что следствием каждого невроза, а следовательно, и его тенденцией—является отдаление больного от реальной жизни, отчуждение его от действительности. Подобный факт не мог ускользнуть от наблюдений P. Janet, он указывал на потерю «de la fonction du réel», как на особое свойство невротиков, не вскрыв, однако, связи этого расстройства с основными условиями всякого невроза [2]).

Введение понятия о процессе вытеснения в генезис невроза дает нам возможность войти в рассмотрение этой зависимости. Невротик отвращается от действительности потому, что он находит ее невыносимой для себя, в целом или в части. Крайним типом подобного отвращения от действительности являются особые случаи галлюцинаторного психоза, в которых подвергается отрицанию событие, вызвавшее безумие (Griesinger). Собственно говоря, именно так поступает каждый невротик по отношению к какой-либо части действительности [3]). Пред нами встает теперь задача—исследовать развитие отношения к реальности невротика и человека вообще и таким образом включить психологическое значение реального внешнего мира в состав нашего учения.

---

[1]) Jahrbuch für psychoanalyt. und psychopathologische Forschungen, Bd. III. 1911.

[2]) P. Janet. Les Nevroses. 1909 Bibliothéque de philosophie scientifique.

[3]) Изумительно ясное предчувствие этой причинной связи недавно указано O. Rank'ом в одном месте у Schopenhauer'a («Мир, как воля и представление», 2-й том. См. Zentralblatt für Psychoanalyse, выпуск 1—2, 1910).

В психологии, основанной на психоанализе, мы привыкли считать исходным моментом бессознательные душевные процессы, особенные свойства которых вскрываются перед нами при помощи анализа. Мы рассматриваем их как более старые, первичные, как остатки такой стадии развития, в которой они являлись единственной формой душевных переживаний. Высшую тенденцию, которой подчиняются эти первичные процессы, легко заметить. Она называется принципом удовольствия - неудовольствия (или короче—принципом удовольствия). Эти душевные процессы имеют стремление доставить себе удовольствие. От переживаний, могущих вызвать неудовольствие, психическая деятельность отвращается (вытеснение). Наши ночные сновидения, наше стремление наяву оторваться от гнетущих впечатлений—остатки господства этого принципа—доказывают его могущество.

Я повторю положение, подробно развитое мною уже в другом месте (в общей части «Толкования сновидений»), если укажу, что психическое состояние покоя первоначально было нарушено властными запросами внутренних потребностей,—в этом случае желанное выдвигалось просто в виде галлюцинации, как это и теперь еще еженощно происходит в наших сновидениях [1]). И только отсутствие ожидаемого удовлетворения—разочарование—привело к отказу от такой попытки удовлетворения путем галлюцинации. Вместо этого психический аппарат должен был решиться представить себе реальные соотношения внешнего мира и стремиться к их реальному изменению. Таким образом был введен новый принцип душевной деятельности. Представлялось уже не то, что приятно, а то, что действительно, даже если оно и неприятно [2]). Это введение принципа реальности повлекло за собой большие последствия.

---

[1]) Состояние сна может вернуть нам подобие душевной жизни до признания реальности, так как в основе сна лежит намеренное отрицание ее (желание спать).

[2]) Я попробую дополнить это схематическое изложение несколько более подробным развитием темы. Мне с полным правом могут сделать возражение, что подобная организация, покорная принципу удовольствия и пренебрегающая реальностью внешнего мира, не могла бы сохраниться в течение даже самого короткого срока и вообще не могла бы возникнуть. Применение подобной фикции оправдывается, однако, тем наблюдением, что грудной ребенок, пользующийся материнским уходом, приблизительно осуществляет именно такую психическую систему. Вероятно, он переживает галлюцинацию исполнения его внутренних потребностей;

1. Прежде всего новые требования сделали неизбежным ряд приспособлений психического аппарата, на которые мы, вследствие недостаточных или не вполне проверенных знаний, можем указать только мимоходом.

Возросшее значение внешней реальности повысило роль обращенных к внешнему миру органов чувств и связанного с ними сознания, которое, помимо до тех пор исключительно интересовавших психику качеств — удовольствия и неудовольствия, научилось воспринимать и качества, определяемые органами чувств. Была выработана особая функция — внимание, в задачу которой входило периодически обследовать внешний мир для того, чтобы данные его наперед были известны, если появится неотвратимая внутренняя потребность. Эта деятельность идет навстречу впечатлениям чувств, вместо того, чтобы ожидать их появления.

Весьма вероятно, что одновременно с этим была введена система отметок, которая должна была сохранять продукты этой периодически осуществляемой деятельности сознания,— часть того, что мы называем памятью.

Вместо вытеснения, исключавшего из нагрузки часть всплывающих представлений, как вызывающих неудовольствие возникло, беспристрастное суждение, которое должно было решить, верно или неверно определенное представление, т.-е. созвучно ли оно с реальностью, и решало это

при возрастающем раздражении и отсутствии удовлетворения потребностей он выражает свое неудовольствие в моторном проявлении — в виде крика и барахтанья—и вслед затем получает галлюцинаторное удовлетворение. Впоследствии, уже выйдя из грудного возраста, он научается намеренно употреблять эти же моторные проявления в качестве выразительных жестов. Так как уход за грудным ребенком служит образцом для последующего воспитания детей, то господство принципа удовольствия может окончиться, собственно говоря, только с полным отделением от родителей.

Прекрасный пример психической системы, отделенной от раздражений внешнего мира и удовлетворяющей даже потребностям питания аутически (то термину Bleuler'a), дает нам птичье яйцо, заключенное в скорлупу вместе с запасом питания, так что материнский уход ограничивается притоком тепла.

Я считу это не поправкой, а расширением приведенной схемы, если относительно системы, действующей по принципу удовольствия, спросят о приспособлениях, при помощи которых она может отдалить от себя раздражения реального мира. Эти приспособления—только коррелят «вытеснения», которое само обращается с внутренними неприятными раздражениями так, как будто они были внешними, т.-е. относит их к внешнему миру.

при помощи сравнения со следами воспоминаний о той же реальности.

Моторное проявление, служившее во время господства принципа удовольствия к разгрузке душевного аппарата от добавочного раздражения, осуществляя эту задачу через направляемые внутрь тела иннервации (мимика, выявления аффекта), приобрело теперь новую функцию обращением к целесообразному изменению действительности. Оно превратилось в действие.

Ставшая необходимой задержка моторного проявления (действия) осуществлялась процессом мышления, постепенно возникшего из представления. Мышление было снабжено свойствами, благодаря которым душевный аппарат мог перенести повышенное возбуждение, усилившееся от задержки проявления. По существу это есть пробное действие, оперирующее с перемещением меньших количеств нагрузки при меньшей затрате (проявлении) последней.

Для этого стал необходимым перевод свободно перемещаемой нагрузки в связанную— и это последнее достигалось через поднятие общего уровня всего процесса нагрузки.

Первоначальное мышление было, вероятно, бессознательным, отличаясь от простого представления тем, что оно поднималось над ним и обращалось к отношениям между впечатлениями от объектов; оно получило дальнейшие для сознания ощутимые свойства только через связь с остатками слов.

2. Повидимому, существует общая тенденция нашего душевного аппарата, которую можно отнести к экономическому принципу сбережения: она выявляется в упрямом цеплянии за имеющиеся в ее распоряжении источники удовольствия и в трудности отказа от последних. С введением принципа реальности откололся вид мыслительной деятельности, свободной от критерия реальности и подчиненной исключительно принципу удовольствия [1]),—это фантазирование, которое начинается еще с детских игр и, продолжаясь в виде сна наяву, совершенно отказывается от всякой опоры в реальных объектах.

---

[1]) Подобно тому, как нация, богатство которой основано на эксплоатации земли, тем не менее отгораживает определенную область, которая оставляется в первобытном состоянии для того, чтобы сохранить ее от культурных изменений (парк Иеллоустон в Соедин. Штатах).

3. Замена принципа удовольствия принципом реальности со всеми вытекающими отсюда психическими последствиями, схематически представленная нами в едином предложении,— в действительности осуществляется не сразу и не одновременно по всей линии. В то время как стремления, связанные с личным «*я*», проходят этот путь развития — сексуальные стремления в значительной степени уклоняются от них. В ранней стадии развития половые влечения аутоэротичны. Они находят удовлетворение в собственном теле и поэтому не встречают отказа, который потребовал бы введения принципа реальности. Возникающий же у них впоследствии процесс отыскания объекта испытывает вскоре длительный перерыв благодаря возникновению скрытого периода, задерживающего половое развитие до наступления половой зрелости. Эти оба момента—аутоэротизм и скрытый период—влекут за собой задержку в психическом развитии полового влечения и этим самым сохраняют последнее на более продолжительное время под господством принципа удовольствия, от которого половое влечение у многих лиц уже никогда не может избавиться.

В результате устанавливается более тесная связь, с одной стороны, между половым влечением и фантазией, с другой, между влечениями личного «*я*» и деятельностью сознания. Эта связь оказывается, как у здоровых, так и у невротиков, очень тесной, несмотря на то, что вследствие высказанных соображений из генетической психологии она должна быть отнесена ко вторичным явлениям.

Именно продолжающееся влияние автоэротизма и создает условия для того, чтобы более легкое, мгновенное и фантастическое удовлетворение сексуальным объектом так долго предпочиталось реальному, требующему зато труда и отсрочки. Вытеснение остается всемогущим в царстве фантазии; оно в состоянии приостановить представления in statu nascendi, не доводя их до сознания, если включение их может дать повод к возникновению неудовольствия. Это и есть то слабое место нашей психической организации, при помощи которого мыслительные процессы, даже ставшие уже рациональными, могут вновь подводиться под господство принципа удовольствия. Значительная часть психических предрасположений к неврозу вызывается, таким образом,

более поздним приспособлением полового влечения к соблюдению условия реальности и теми обстоятельствами, которые вызывают запоздание.

4. Как стремящееся к удовольствию «*я*» может только желать, искать удовольствия и избегать неудовольствия, так стремящееся к реальности «*я*» должно только искать пользы и застраховать себя от вреда [1]).

В действительности замена принципа удовольствия принципом реальности не означает вовсе устранения приципа удовольствия, а только подкрепление этого последнего. Мгновенное, но сомнительное по своим последствиям удовольствие устраняется только для того, чтобы на новом пути обеспечить себе более надежное, хотя и отсроченное. Однако внутреннее психическое впечатление этой замены было до того велико, что оно отразилось в религиозном мире. Учение о награде на том свете за добровольный или вынужденный отказ от земных наслаждений — не что иное, как мифическая проекция этого психического переворота. Религия смогла, последовательно руководствуясь этим примером, провести абсолютный отказ от земных радостей, суля возмещения в будущей жизни. Но этим путем не было достигнуто преодоления принципа удовольствия. Скорее всего удается это преодоление науке; впрочем, и она доставляет во время работы интеллектуальное удовольствие и обещает конечный практический выигрыш.

5. Воспитание может быть определено, без дальнейших оговорок, как побуждение к преодолению принципа удовольствия и к замещению его принципом реальности. Оно пытается помочь изложенному процессу развития «*я*», пользуясь при этом любовью воспитателей в виде награды, и поэтому не достигает цели, если избалованное дитя убеждено, что оно обладает этой любовью и без того и не может ни при каких обстоятельствах потерять ее.

6. Искусство своеобразным путем достигает примирения этих двух принципов. Художник—это первоначально человек, отвращающийся от действительности, потому что

---

[1]) Преимущества второго «*я*» перед первым Б. Шоу метко выразил словами. «Быть в состоянии выбрать линию наибольшей выгоды, вместо того, чтобы отступать по линии наименьшего сопротивления» (Человек и сверхчеловек. Комедия и философия).

он не в состоянии примириться с требуемым ею отказом от удовлетворения влечений; он открывает простор своим эгоистическим и честолюбивым замыслам в области фантазии. Однако из этого мира фантазий он находит обратный путь в реальность, преображая, благодаря своим особым дарованиям, свои фантазии в новый вид действительности, который принимается человечеством как ценное отображение реальности. Таким образом, он становится действительно героем, королем, творцом, любимцем, каким он хотел стать, избавляясь от необходимости действительного изменения внешнего мира.

Это ему удается только потому, что другие люди, как и он сам, испытывают то же самое недовольство от требуемого в реальности отказа, и потому еще, что это недовольство само есть часть реальности [1]).

7. В то время, как «*я*» проделывает превращение из «*я*», стремящегося к удовольствию, в «*я*», стремящееся к реальности, сексуальные влечения претерпевают ряд изменений — от первоначального аутоэротизма через различные промежуточные фазы к направленной на объект любви, служащей функции размножения.

Если верно предположение, что каждая ступень этих обоих путей развития может стать базой какого-нибудь предрасположения к невротическому заболеванию, то напрашивается мысль поставить выбор формы позднейшего заболевания (выбор невроза) в связь с тем, в какой фазе развития «*я*» и либидо наступила предрасполагающая задержка. Таким образом приобретает неожиданное значение — еще не расследованное — течение обоих процессов развития во времени и возможное передвижение их по отношению друг к другу.

8. Самое поразительное свойство бессознательных (вытесненных) процессов, к которому каждый исследователь привыкает только путем большого преодоления себя самого, заключается в том, что для них критерий реальности не имеет никакого значения — мыслимая реальность приравнивается к внешней действительности, желание — к осуществлению, к событию, как это непосредственно вытекало из

---

[1]) См. подобные мысли у О. Ранка «Художник» Вена. 1907.

господства старого принципа удовольствия. Потому-то так трудно отличить бессознательную фантазию от ставших бессознательными воспоминаний.

Потому-то надо остерегаться ошибки, как бы не внести в вытесненные психические образования оценку из реального мира или недостаточно высоко оценить значение фантазий только потому, что они нереальны, или же пытаться вывести невротическое чувство вины из чего-нибудь другого на том основании, что нет налицо действительно совершонного преступления. Каждому вменяется в обязанность пользоваться той валютой, которая в исследуемой стране является господствующей. В нашем случае это невротическая валюта. Попробуем для примера истолковать такой сон. Человек, когда-то ухаживавший за своим отцом во время его длительной смертельной болезни сообщает, что в последующие после кончины отца месяцы он не раз видел сон: «отец снова жив и беседует с ним, как обычно; при этом он сам, однако, очень болезненно переживает ощущение, что отец все-таки умер, и об этом сам не знает». Нет другого пути к распознанию противоречивого на первый взгляд сна, как прибавление «по его желанию» «или вследствие его желания» после слов «что отец все-таки умер», и приставка: «что он этого желал» к последним словам. Мысль сна тогда означает: ему неприятно вспоминать, что он должен был желать отцу смерти (как освобождения от страданий) еще при его жизни и «как было бы ужасно, если бы отец об этом мог догадаться».

Здесь, таким образом, налицо известный случай самоупреков после потери любимого человека. Здесь этот упрек связан с инфантильным значением желания смерти отцу.

Недостатки этого маленького очерка, скорее подготовительного, чем исчерпывающего, извинительны только в малой степени, если я назову их неизбежными. В коротких положениях о психических последствиях приспособления к принципу реальности я вынужден был высказать суждения, от которых я предпочел бы еще воздержаться и обоснование которых еще потребует немало усилий. Но я буду надеяться, что благосклонно настроенный читатель заметит, где именно в настоящей работе начинается господство реальности.

Вытеснение.

Какому-нибудь стремлению может быть суждено наткнуться на сопротивления, которые стремятся к тому, чтобы лишить его активности. При некоторых условиях, подробное исследование которых теперь нам предстоит, это влечение приходит в состояние «вытеснения». В случае внешнего вытеснения самым действительным средством избавления было бы бегство от него. Но в случае раздражения, исходящего от внутреннего влечения, помочь бегством нельзя, потому что «*я*» не может убежать от самого себя. В дальнейшем найдется верное средство против импульсов влечения в виде рассудочного отказа от удовлетворения (осуждения). Но предварительной ступенью такого осуждения, чем-то средним между бегством и осуждением, является вытеснение—понятие, которого не существовало до психоаналитических исследований.

Теоретически не легко доказать возможность вытеснения. Почему какое-либо влечение постигает такая участь? Очевидно, необходимым условием вытеснения является то, что достижение цели влечения вызывает вместо наслаждения неприятное чувство. Но такой случай трудно себе представить. Таких влечений не бывает, так как удовлетворение влечения всегда сопровождается чувством наслаждения. Приходится допустить, что существует какое-то особое обстоятельство, какой-то такой процесс, благодаря которому наслаждение от удовлетворения превращается в неприятное чувство.

Для того, чтобы лучше выявить сущность вытеснения, для сравнения возьмем какие-либо другие состояния влечений. Может случиться, что какое-нибудь внешнее раздра-

жение становится внутренним и вместе с тем источником постоянного раздражения и возрастающего напряжения благодаря тому, что растравляет и разрушает какую-нибудь часть тела. Таким образом вследствие такого постоянства и возрастающего напряжения такое раздражение приобретает большое сходство с влечением. Мы знаем, что ощущаем в таком случае б о л ь. Однако цель вышеописанного псевдовлечения — прекратить изменения органа и связанное с этим изменением неприятное ощущение. Прямого же наслаждения прекращение боли дать не может. Боль неумолима, ее можно преодолеть только токсическим мероприятием или повлиять на нее психическим отвлечением.

Мой пример боли слишком темен и потому не годится для наших целей. Предположим, что какое-нибудь раздражение, исходящее из влечения, например, голода, остается неудовлетворенным. Оно становится неумолимо требовательным, его ничем другим нельзя успокоить, как только соответственно удовлетворив его, а до этого потребность, вызванная влечением, находится в постоянном напряжении. В этом случае не может быть и речи о чем-либо, подобном вытеснению.

Итак, понятно, что вытеснения не может быть, если напряжение вследствие неудовлетворения влечения становится невыносимо большим. В другом месте я рассмотрю, какими средствами защиты располагает организм в подобном положении.

Будем лучше держаться клинического опыта, какой нам дает психоаналитическая практика. Опыт показывает нам, что удовлетворение влечения, подлежащего вытеснению, вполне возможно и вызвало бы всегда наслаждение, но оно несовместимо с другими требованиями и планом личности: оно было бы связано, с одной стороны, с наслаждением, с другой, с неприятным чувством. В таком случае необходимой предпосылкой вытеснения является то обстоятельство, что мотив неудовольствия приобретает бо́льшую силу, чем наслаждение от удовлетворения. Далее психоаналитический опыт наш над «неврозами перенесения» приводит нас к заключению, что вытеснение не представляет из себя механизма, существующего уже с самого начала, что он не может произойти прежде, чем образовалось резкое разделение между

сознательной и бессознательной душевной деятельностью и что сущность вытеснения состоит в удалении и отстранении какого-либо содержания из сознания. Такое понимание вытеснения могло бы быть еще дополнено предположением, что на предшествующих ступенях организации душевной деятельности задачу отражения недопустимых побуждений, исходящих от влечений, берут на себя видоизмененные формы влечений, как-то: превращение в противоположное, обращение против собственной личности.

Мы и теперь придерживаемся того мнения, что вытеснение и бессознательное находятся в таком взаимоотношении, что мы до тех пор не в состоянии углубиться в сущность вытеснения, пока не узнаем больше о строении (и направлении) психических инстанций и дифференцировании бессознательного от сознательного. Мы можем пока ограничиться только описанием некоторых клинически установленных признаков вытеснения, рискуя при этом без изменения повторить многое, уже высказанное в другом месте.

Итак у нас есть основание предполагать первичное вытеснение, первую фазу вытеснения, состоящую в том, что в сознание не допускается психическое представительство (представление) влечения. С этим связана фиксация; соответствующее представление с этого момента остается без изменений, а влечение связано с ним. Это происходит вследствие некоторых свойств бессознательных процессов, о которых речь будет ниже.

Вторая ступень вытеснения, вытеснение в собственном смысле, касается психических дериватов указанного вытесненного представления, связанного с влечением, или мыслей, происходящих из других источников, но вступивших в ассоциативную связь с этими представлениями. Благодаря такой связи эти представления подвергаются той же участи, что и первично вытесненное. Вытеснение в собственном смысле слова является таким образом проталкиванием вслед за вытесненным уже раньше. Впрочем, было бы ошибкой подчеркивать только процесс отталкивания, действующий из области сознательного в той его части, которая подлежит вытеснению. В этом процессе вытеснения нужно принимать во внимание также и такие притяжения, которые производит первично вытесненное на все, с чем только может всту-

пить в ассоциативную связь. Весьма вероятно, что вытесняющая тенденция не достигла бы своей цели, если бы в психике не существовало уже ранее вытесненное, готовое всегда подхватить все то, что отвергается сознанием.

Под влиянием изучения психоневрозов, раскрывающего нам значение действия вытеснения, мы придаем слишком большое значение психологическому содержанию его и легко забываем, что вытеснение вовсе не препятствует сохраняться в бессознательном представлениям, связанным с влечением, продолжать им дальше организовываться, давать новые психические дериваты и завязывать новые ассоциативные связи. В действительности вытеснение нарушает только связь вытесненного с определенной психической системой, с сознанием

ОПЕЧАТКА.

На стр. 92 4-я строка сверху.

Напечатано:	*Надо читать:*
вытеснения	раздражения

гии вследствие невозможности удовлетворения ее. И то обстоятельство, что этот результат связан с вытеснением, указывает нам, в чем собственно мы должны видеть настоящее значение этого вытеснения.

Возвращаясь еще раз к противоположному взгляду, мы можем констатировать, что неверно и то, что вытеснение отстраняет от сознания все дериваты первично вытесненного (Urverdrängte). Доступ в сознание оказывается для них совершенно свободным, если они, благодаря искажению или вследствие большого числа заключенных между ними соединяющих звеньев, достаточно отдалились от основного психического представления, первично связанного с влечением. Дело происходит так, как будто сопротивление, оказываемое

сознательной и бессознательной душевной деятельностью и что сущность вытеснения состоит в удалении и отстранении какого-либо содержания из сознания. Такое понимание вытеснения могло бы быть еще дополнено предположением, что на предшествующих ступенях организации душевной деятельности задачу отражения недопустимых побуждений, исходящих от влечений, берут на себя видоизмененные формы влечений, как-то: превращение в противоположное, обращение против собственной личности.

Мы и теперь придерживаемся того мнения, что вытеснение и бессознательное находятся в таком взаимоотношении, что мы до тех пор не в состоянии углубиться в сущность вытеснения, пока не узнаем больше о строении (и направлении) психических инстанций и дифференцировании [illegible]

[illegible] ном смысле, касается психических дериватов указанного вытесненного представления, связанного с влечением, или мыслей, происходящих из других источников, но вступивших в ассоциативную связь с этими представлениями. Благодаря такой связи эти представления подвергаются той же участи, что и первично вытесненное. Вытеснение в собственном смысле слова является таким образом проталкиванием вслед за вытесненным уже раньше. Впрочем, было бы ошибкой подчеркивать только процесс отталкивания, действующий из области сознательного в той его части, которая подлежит вытеснению. В этом процессе вытеснения нужно принимать во внимание также и такие притяжения, которые производит первично вытесненное на все, с чем только может всту-

пить в ассоциативную связь. Весьма вероятно, что вытесняющая тенденция не достигла бы своей цели, если бы в психике не существовало уже ранее вытесненное, готовое всегда подхватить все то, что отвергается сознанием.

Под влиянием изучения психоневрозов, раскрывающего нам значение действия вытеснения, мы придаем слишком большое значение психологическому содержанию его и легко забываем, что вытеснение вовсе не препятствует сохраняться в бессознательном представлениям, связанным с влечением, продолжать им дальше организовываться, давать новые психические дериваты и завязывать новые ассоциативные связи. В действительности вытеснение нарушает только связь вытесненного с определенной психической системой, с сознанием.

Но психоанализ может открыть нам и кое-что другое, что имеет определенное значение для правильного понимания действия вытеснения. Так, например, при психоневрозах он показывает нам, что представление, связанное с влечением, может приобрести более богатое содержание и беспрепятственно развиться, если оно благодаря вытеснению недоступно влиянию сознания. Оно разрастается, так сказать, во тьме бессознательного и приобретает самые крайние формы выражения, которые, будучи раскрытыми и показанными невротику, не только кажутся ему чуждыми, но даже пугают его кажущейся страшной по своей необычайности силой влечений. Эта обманчивая сила влечений является результатом безудержного развития в фантазии и накопления энергии вследствие невозможности удовлетворения ее. И то обстоятельство, что этот результат связан с вытеснением, указывает нам, в чем собственно мы должны видеть настоящее значение этого вытеснения.

Возвращаясь еще раз к противоположному взгляду, мы можем констатировать, что неверно и то, что вытеснение отстраняет от сознания все дериваты первично вытесненного (Urverdrängte). Доступ в сознание оказывается для них совершенно свободным, если они, благодаря искажению или вследствие большого числа заключенных между ними соединяющих звеньев, достаточно отдалились от основного психического представления, первично связанного с влечением. Дело происходит так, как будто сопротивление, оказываемое

им сознанием, представляет из себя функцию их удаленности от первично вытесненного. Пользуясь психоаналитической техникой, мы постоянно вызываем у больного такие производные продукты вытесненного, которые могут пройти через цензуру его сознания или благодаря своей искаженности, или удаленности от первично вытесненного представления. Такие дериваты представляют свободно возникающие в сознании мысли, которые больной должен высказывать по нашему требованию, отказавшись от всякой сознательной цели и от всякой критики, и из которых мы восстанавливаем в его сознании смысл вытесненного первичного представления, связанного с влечением. При этом мы наблюдаем, что пациент может воспроизводить длинную нить такого рода свободных мыслей, пока не наткнется на комплекс мыслей, в котором связь с вытесненным проявляется так интенсивно, что он вынужден снова прибегнуть к вытеснению. И невротические симптомы, вероятно, тоже отвечали указанному условию, потому что и они являются продуктами вытесненного, которое помощью этих новообразований завоевало себе, наконец, закрытый ему доступ в сознание.

В общем невозможно указать, как далеко должно итти это искажение и удаление от вытесненного для того, чтобы прекратилось сопротивление сознания. Этот процесс состоит в детальном, тонком взвешивании за и против, игра которого остается для нас скрытой, но результаты которого дают нам возможность догадаться, что суть дела сводится к тому, чтобы удержаться в тех же границах, переступив которые бессознательное, благодаря определенной интенсивности своей активности, могло бы добиться удовлетворения. Следовательно, вытеснение работает крайне индивидуально: у каждого деривата вытесненного представления в дальнейшем может оказаться иная участь в зависимости от бо́льшей или меньшей степени искажения, которое может подвергнуться даже опасности успешного вытеснения. В связи с этим понятен и тот факт, что происхождение ценных для людей объектов, их идеалов связано с теми же восприятиями и переживаниями, как и внушающие самое большое отвращение, и что первоначально идеалы отличаются от отвратительных объектов только незначительными оттенками. Возможен даже и такой случай, когда, как мы это обнаружили

при образовании фетиша, первоначальное представление, связанное с влечением, распадается на две части, из которых одна подпала вытеснению, а оставшаяся часть, благодаря такой тесной связи, идеализируется.

Тот же самый результат, к которому приводит бо́льшая или меньшая степень искажения, может быть достигнут, так сказать, на другом конце аппарата изменением тех условий, благодаря которым испытывают наслаждение или неприятное чувство. В душевном аппарате выработались особые технические приемы, цель которых вызвать такие изменения в игре психических сил, чтобы то, что обычно доставляет неприятное чувство, иной раз могло дать наслаждение; и всякий раз, когда вступает в действие подобного рода технический прием, устраняется вытеснение какого-нибудь связанного с влечением представления, обычно отстраняемого от сознания. Эти технические приемы до настоящего времени были точно исследованы только в случаях о с т р о т ы. Обычно такое устранение вытеснения—явление преходящее, временное; оно вскоре снова восстанавливается.

Однако такого рода опыт достаточен для того, чтобы обратить наше внимание на новые признаки вытеснения. Оно не только, как сказано и н д и в и д у а л ь н о, но и в высокой степени п о д в и ж н о. Процесс вытеснения не следует представлять себе, как однажды совершившийся процесс, имеющий длительные последствия, как например, убийство живого существа, которое после этого навсегда делается мертвым; вытеснение, напротив, требует длительного напряжения сил, с исчезновением которого успех его становится сомнительным, так что возникает необходимость в новом акте вытеснения. Мы можем себе представить, что вытесненное производит беспрерывное давление в направлении сознания, в противовес которому необходимо создать такое же постоянное давление в противоположном направлении. Сохранение вытеснения предполагает поэтому постоянное напряжение сил; и прекращение с экономической точки зрения означает экономию сил. Подвижность вытеснения выражается и в психических признаках состояния сна, которое только и делает возможным образование сновидений. Вместе с пробуждением снова восстанавливается вытеснение.

Нельзя забывать, что, констатируя, что какое-нибудь влечение вытеснено, мы, в сущности, этим еще ничего не сказали о нем. Несмотря на вытеснение, влечение может находиться в самых различных состояниях, быть бездеятельным, т.-е. располагать очень небольшим количеством психической энергии, или обладать ею в различной степени и благодаря этому быть способным на активность. Хотя его переход в активное состояние и не будет имет следствием прямое прекращение вытеснения, но может привести в движение те процессы, которые кончаются проникновением в сознание этого влечения обходным путем. Если продукты бессознательного не вытеснены, то участь составляющих их отдельных представлений зависит от степени активности (Besetzung). На каждом шагу случается, что такой продукт остается неизмененным, пока воплощает небольшое количество энергии, хотя содержание его могло бы привести к конфликту с тем, что господствует в сознании. Решающее значение [1]) для возникновения конфликта имеет, однако, количественный момент: как только неприемлемое по существу представление усиливается сверх определенной меры, то конфликт становится действенным, и то именно обстоятельство, что он стал активным, и влечет за собой вытеснение. Увеличение количества энергии в деле вытеснения имеет такое же значение, как приближение к бессознательному; уменьшение энергии равносильно удалению от бессознательного или искажению. Мы понимаем, что вытесняющие тенденции могут удовлетвориться ослаблением неприятного вместо вытеснения его.

В вышеизложенном речь шла о вытеснении представления, связанного с влечением, при чем под последним мы понимали представление или группу представлений, которые влечение наделило известной суммой психической энергии (либидо, интереса). Однако клиническое наблюдение заставляет нас разложить то, что мы до сих пор понимали, как нечто единое, ибо оно показывает нам, что на-ряду с представлением необходимо иметь ввиду еще и нечто другое, что воплощает влечение, и это другое тоже подвержено участи вытеснения, но совершенно отличного от вытеснения предста-

---

[1]) Т.-е. в сознании. Примеч. перевод.

вления. За этим другим элементом психического коррелата влечения утвердилось название аффекта; последний соответствует влечению, поскольку оно отделилось от представления и в зависимости от своего количества нашло себе выражение в процессах, воспринимаемых как аффекты. Описывая случай вытеснения, мы впредь должны будем в отдельности проследить, что стало вследствие вытеснения с представлением и что произошло со связанной с ней энергией влечения.

Нам приятно было бы иметь возможность сказать что-либо общее об участи этих двух элементов. Но это станет для нас возможным только после того, как мы несколько ориентируемся в вопросе. Общая участь представления, воплощающего влечение, может состоять только в том, что представление это исчезает из сознания, если оно раньше было сознаваемо, и удерживается вдали от сознания, если готово было сделаться осознанным. Различие уже не имеет значения, оно сводится к тому, что я могу выпроводить неприятного гостя из моей гостиной или из моей передней или, узнав его, вообще не впустить его через порог моей квартиры [1]). Количественный фактор коррелата влечения может постигнуть троякая участь, как это показывает короткий обзор психоаналитического опыта: влечение может быть совершенно подавлено, так что нельзя найти никаких его признаков, или оно проявляется как качественно особенно окрашенный аффект или же оно превращается в страх. Две последние возможности заставляют нас обратить внимание на превращение психических энергий влечений в аффекты и особенно в страх, как на новую возможную участь влечения. Мы вспоминаем, что мотивом и целью вытеснения было только стремление избежать неприятного. Из этого следует, что участь аффекта психического коррелата влечения гораздо важнее, чем участь его представления, и что этот именно момент является решающим в оценке процесса вытеснения. Если вытеснению не удается предупредить появления неприятного ощущения или страха, то мы можем сказать, что

[1]) Это сравнение, которое вполне подходит к процессу вытеснения, может быть распространено также и на выше упомянутый признак вытеснения. Нужно только прибавить, что я должен поставить у дверей сторожа, чтобы он беспрерывно охранял закрытую для гостя дверь, потому что в противном случае выгнанный мог бы ее отпереть.

оно потерпело неудачу, хотя бы оно и достигло своей цели в части, касающейся представления. Разумеется, неудавшееся вытеснение будет иметь больше права на наш интерес, чем удавшееся, которое большей частью окажется недоступным нашему исследованию.

Мы постараемся понять механизм процесса вытеснения и прежде всего узнать, существует ли только один механизм вытеснения или несколько, или, быть может, каждый психоневроз отличается свойственным ему одному механизмом вытеснения. Но с самого начала этого исследования мы наталкиваемся на осложнения. Механизм вытеснения делается доступным нашему пониманию только тогда, когда мы делаем о нем заключение, исходя из результатов вытеснения. Если мы ограничимся в нашем наблюдении только последствием вытеснения в части психического коррелата влечения, состоящей из представления, то узнаем, что обычно вытеснение ведет к возникновению заменяющего образования. Каков же механизм такого заменяющего образования, или и тут приходится различать несколько механизмов? Мы знаем также, что вытеснение оставляет после себя симптомы. Можем ли мы допустим, что замещающие образования и образования симптомов вполне совпадают, и если в целом это и так, то имеется ли полное совпадение механизма образования симптомов с механизмом вытеснения? Можно наперед предполагать с большой вероятностью, что оба эти механизма очень различны, что не вытеснение само по себе создает замещающие образования и симптомы, а что последние, являясь признаком возвращения вытесненного, обязаны своим возникновением совсем другим процессам. Повидимому рекомендуется подвергнуть сначала исследованию механизмы замещения и симптомообразования, а затем механизмы вытеснения.

Ясно, что теоретическим соображениям тут не может быть больше места, что их должен заменить старательный анализ результатов вытеснения, наблюдаемых при отдельных неврозах. Но я предлагаю отложить и эту работу, пока мы не составим себе точного и верного представления о взаимоотношении между сознательным и бессознательным. Однако для того, чтобы предлагаемая статья не оказалась совершенно лишенной каких бы то ни было результатов, я хочу

наперед подчеркнуть, что: 1) механизм вытеснения: действительно не совпадает с механизмом замещающего образования, 2) что имеются очень различные механизмы замещающего образования и 3) что у механизмов вытеснения имеется, по крайней мере, одно общее—*отнятие связанной энергии* (Energiebesetzung) (или Libido, если дело касается сексуальных влечений).

Ограничиваясь тремя наиболее известными психоневрозами, я хочу показать на нескольких примерах, какое применение при изучении вытеснения находят приведенные здесь понятия. Из области *истерии страха* я приведу хорошо проанализированный пример фобии животных. Подвергнутое вытеснению влечение представляет из себя либидинозное отношение к отцу, соединенное со страхом перед ним. После вытеснения отношение это исчезло из сознания, отец в качестве объекта *Libido* в нем больше уже не встречается. Взамен него находится в аналогичном положении животное, более или менее подходящее для того, чтобы быть объектом страха. Замещающие образование представления, связанного с влечением, состоялось путем *сдвига* (*Verschiebung*) вдоль ассоциативной связи представлений, детерминированных определенным образом. А количественная часть (аффективной стороны психического коррелата влечения) не исчезла, а превратилась в страх. В результате явился страх перед волком вместо любовных притязаний по отношению к отцу. Разумеется, приводимые здесь категории недостаточно удовлетворяют запросам объяснить хотя бы самый простой случай психоневроза. Следует постоянно принимать во внимание еще и другие точки зрения.

Такого рода вытеснение, какое имеет место в случае фобии животных, нужно считать окончательно неудавшимся. Вытеснение состоит в том, что благодаря ему было устранено и заменено другим определенное представление, тогда как избежать неудовольствия, неприятного все-таки не удалось. Поэтому работа невроза и не прекращается, а продолжается в другом темпе, чтобы достичь ближайшей и самой важной цели. Делается попытка к бегству в виде образования собственной *фобии*, состоящей в известном ряде мер, назначение которых исключить возможноть развития страха. Пользуясь специальным исследованием, мы сумеем по-

нять, благодаря какому механизму достигает своей цели фобия.

Совершенно другую оценку процесса вытеснения диктует нам картина настоящей конверзионной истерии. Самым замечательным является тут то, что возможно полное исчезновение аффекта. Больной проявляет в таком случае то отношение к своим симптомам, которое Charcot назвал «la belle indifference des hystériques». В иных случаях это подавление аффекта не удается вполне,—известная доля мучительных ощущений связывается с самыми симптомами,—или все же не удается избежать некоторого количества страха, который и приводит в действие механизм образования фобий. Содержание представления, связанного с влечением, окончательно устранено из сознания; в качестве замещающего образования и одновременно и симптома находится слишком сильная—в показательных случаях соматическая—иннервация, по природе своей двигательная или чувствительная, проявляющаяся в виде возбуждения и заторможенности. Место с повышенной иннервацией при ближайшем исследовании оказывается как бы частью самого вытесненного психического коррелата влечения, впитавшего в себя посредством сгущения всю энергию (Besetzung). Разумеется, и эти замечания также не охватывают всего без остатков механизма конверзионной истерии; прежде всего нужно еще прибавить момент регрессии, оценка которой будет дана в связи с другими вопросами.

Вытеснение истерии можно считать совершенно неудавшимся, поскольку оно стало возможным только благодаря обширным замещающим образованиям; что же касается уничтожения аффекта, что и составляет настоящую задачу вытеснения, то при истерии оно обычно достигает полного успеха. Процесс вытеснения при конверзионной истерии приходит к концу вместе с образованием симптома и не должен, как при истерии страха, протекать в два срока—или собственно неограниченно во времени.

Совершенно другой исход вытеснения отмечает, в свою очередь, третье заболевание, которое мы также приводим здесь для сравнения,—невроз навязчивости. В этом случае возникает сначала сомнение в том, что собственно считать коррелатом вытесненного: либидинозное ли стремление или

враждебное. Неуверенность проистекает от того, что невроз навязчивости предполагает предшествовавшую регрессию, вследствие которой вместо нежного стремления возникло садистическое. Именно этот враждебный импульс, направленный против любимого лица, подлежит вытеснению. Эффект в первой фазе работы вытеснения совсем другой, чем позже. Сначала вытеснение имеет полный успех: содержание представления связанного с влечением отвергается, а аффект уничтожается. В качестве замещающего образования появляется изменение «*я*», повышение чувствительности совести, которое едва ли можно назвать симптомом. Образование замещения и симптома в данном случае не совпадают. И в этом случае можно кое-что узнать о механизме вытеснения. Последнее, как и всегда, привело и в данном случае к отнятию Libido от объекта, но для этой цели воспользовалось реактивным образованием в виде усиления противоположного чувства. Замещающее образование имеет в данном случае тот же механизм, что и вытеснение, и по существу совпадает с последним, но отделяется по времени и по содержанию от образования симптома. Весьма вероятно, что весь процесс стал возможным благодаря амбивалентному отношению, в которое вступил подвергающийся вытеснению садистический импульс.

Удавшееся сначала вытеснение, однако, не удерживается в дальнейшем течении процесса,—все больше проявляется неудача вытеснения. Амбивалентность, которая допустила образование реакции, является в то же время и тем пунктом, в котором вытесненному удается вернуться обратно в сознание. Исчезнувший аффект возвращается, превращаясь в социальный страх, в боязливую совестливость, в бесцельные упреки (без экономии); отвергнутое представление заменяется при помощи замещения посредством сдвига (Verschiebungsersatz), часто перемещаясь на самое незначительное, индиферентное. Нередко вполне очевидна тенденция к полному восстановлению в сознании вытесненного представления. Неудача в вытеснении количественного аффективного фактора приводит в действие тот же механизм бегства посредством запретов и обходов, с которым мы познакомились при образовании фобий. Но устранение представления из сознания упорно сохраняется, потому что вместе с этим

удается удержаться от действия, сковать двигательную силу импульса. Таким образом, работа вытеснения при неврозе навязчивости превращается в бесцельную и бесконечную борьбу.

Из приведенного здесь небольшого ряда сравнений можно убедиться, что необходимы еще обширные всесторонние исследования, чтобы разобраться во всех процессах, связанных с вытеснением и образованием невротических симптомов. Необыкновенная спутанность всех моментов, которые необходимо принять во внимание, оставляет нам только один путь— описание этих процессов. Мы вынуждены становиться то на одну, то на другую точку зрения и прослеживать ее через весь материал до тех пор, пока применение этой точки зрения оказывается полезным. Каждая из этих обработок в отдельности будет неполной и неизбежно будет связана с неясностями там, где соприкоснется с еще необработанным материалом; но мы можем надеяться, что когда, в конце концов, удастся сделать общую сводку всех частей работы, то мы придем к полной ясности и пониманию.

Влечения и их судьба.

Нам часто приходилось слышать требование, чтобы наука строилась на основании ясных и точно определенных исходных положений. В действительности никакая, даже самая точная, наука не начинает с таких определений. Настоящее начало научной деятельности состоит в описании явлений, которые впоследствии группируются, приводятся в порядок и во взаимную связь. Но уже при описании нельзя избежать того, чтобы не прибегнуть при обработке материала к помощи некоторых отвлеченных идей, которые берутся из каких-либо иных источников, лежащих, несомненно, вне нового опыта. Еще необходимее такие идеи, из которых впоследствии развиваются основные понятия науки, при дальнейшей обработке материала. Сначала они по воле должны оставаться в известной мере неопределенными; о ясном и точном ограничении их содержания не может быть и речи. Пока они находятся в таком состоянии, смысл их определяется постоянной ссылкой на материал опыта, на основании которого они как будто бы создаются, между тем как на самом деле материал этот им подчиняется. Строго говоря, они имеют характер условности, при этом, однако, главная суть заключается в том, что они не выбираются произвольно, а решающее значение при выборе их имеет их отношение к эмпирическому материалу, которое предполагается еще раньше, чем его можно точно узнать и доказать. Лишь после того, как основательно обследована вся область изучаемых явлений, является возможность точно определить ее научные основные понятия и последовательно так изменять их, чтобы их можно было применять в большом объеме и освободить их вполне от противоречий. Тогда окажется своевременной

формулировка их в точных определениях. Но прогресс познания не терпит и закоренелости формальных определений. Как показывает блестящий пример физики и формулированные в точных определениях «основные понятия» подвержены постоянному изменению своего содержания.

Таким условным, пока еще довольно темным, но в психологии незаменимым, основным понятием является влечение (Trieb). Попробуем с различных точек зрения определить его содержание.

Сначала со стороны физиологии. Она дала нам понятие о раздражении (Reiz), и о рефлексной схеме, по которой внешнее раздражение, действующее на живую ткань (или нервное вещество), посредством движения переводится наружу. Это движение целесообразно, так как избавляет раздражаемое вещество от действия раздражителя, удаляет это вещество из среды влияния раздражения.

Как же относится «влечение» к «раздражению»? Ничто не мешает нам подвести понятие о влечении под понятие раздражений: влечение есть раздражение для психического. Но с самого начала мы не станем отождествлять влечение и психическое раздражение. Несомненно, что для психического имеются еще и другие раздражения, кроме раздражений влечений, такие раздражения, которые имеют гораздо больше сходства с физиологическими. Если, например, на глаз попадает яркий свет, то это не будет раздражением характера влечения; но таковым будет сухость слизистой оболочки глотки или раздражение кислотой слизистой оболочки желудка [1]).

Итак у нас имеются фактические данные отличать раздражения влечений от раздражений иного рода (физиологических), влияющих на психику. Во-первых: раздражение влечения исходит не из внешнего мира, а изнутри организма. Поэтому оно и влияет иначе на психику и для устранения своего требует иных действий. Далее: все существенное для характеристики раздражения заключается в положении, что оно действует как единичный толчок; в таком случае оно может быть устранено единичным целесообразным движением, типичным примером которого является бегство

[1]) В тех случаях, разумеется, когда эти внутренние процессы являются органической основой потребностей — жажды и голода.

от источника раздражения. Разумеется, такие толчки могут повторяться и суммироваться, но это ничего не меняет в нашем представлении о процессе и об условиях устранения раздражения. Влечение же, напротив, никогда не производит действия мгновенного толчка, а всегда постоянной силы. Так как оно действует не извне, а изнутри организма, то против него не в силах помочь никакое бегство. Раздражение влечения лучше называть «потребностью», а то, что удовлетворяет этой потребности, «удовлетворением». Оно может быть достигнуто только целесообразным (адекватным) изменением источника внутреннего раздражения.

Вообразим себя в положении почти совершенно беспомощного, не орентирующегося в мире живого существа, воспринимающего раздражения при помощи его нервного вещества. Это существо скоро окажется в таком положении, что должно будет начать различать воспринимаемые им раздражения и ориентироваться в них. С одной стороны, оно будет воспринимать раздражения, от которых сможет избавиться посредством мускульного действия (бегства), и эти раздражения оно будет относить к внешнему миру; а с другой стороны, оно будет испытывать и такие раздражения, по отношению к которым такое действие окажется бесполезным, которые, несмотря на это действие, сохраняют свой характер непрерывного напряжения; эти раздражения являются признаком внутренней жизни, доказательством потребностей влечения. Воспринимающее вещество живого существа сможет, в зависимости от действительности своей мускульной деятельности, различать «внешнее» и «внутреннее».

Итак мы сначала открываем сущность влечения в его главных признаках, в происхождении из источника раздражения внутри организма, в проявлении в виде постоянной силы, и отсюда выводим один из его дальнейших признаков, состоящий в том, что бегством невозможно избавиться от его действия. При этом изыскании наше внимание должно было быть обращено на одно обстоятельство, заставляющее нас еще кое в чем признаться. Мы не только привносим в материал нашего опыта известные условности в виде основных положений, но еще пользуемся также некоторыми сложными предположениями, чтобы руководствоваться ими при научной обработке мира психологических явлений. На

самое важное из этих предположений мы уже указали; нам остается только еще особенно подчеркнуть его. По природе своей оно относится к области биологии, пользуется понятием тенденции (или же целесообразности) и гласит: нервная система представляет из себя аппарат, на который возложена функция устранять доходящие до нее раздражения, низводить их по возможности до самого низкого уровня, или же, если бы это только оказалось возможным, этот аппарат стремится к тому, чтобы вообще избегать каких-либо раздражений. Пусть нас пока не смущает неопределенность этой идеи, и припишем нервной системе назначение вообще говоря: справляться с раздражениями. Тогда мы замечаем, насколько введение влечений усложняет простую физиологическую рефлексную схему. Внешние раздражения выдвигают задачу избавиться от них, а это совершается посредством мускульных движений, из которых одно, в конце концов, достигает цели и как целесообразное становится наследственным предрасположением. Возникающие внутри организма раздражения влечений не могут быть устранены при помощи такого механизма. Они предъявляют к нервной системе гораздо более высокие требования, побуждают ее к сложным последовательным деятельностям, настолько изменяющим внешний мир, что он делает возможным удовлетворение внутренних источников раздражения; но, главным образом, они заставляют нервную систему отказаться от своей идеальной цели—устранения всяких раздражений, так как неизбежно поддерживают беспрерывный приток. Мы имеем поэтому основание заключить, что именно они, влечения, а не внешние раздражения, являются настоящим двигателем прогресса, который довел до современной высоты развития столь бесконечно работоспособную нервную систему. Разумеется, ничто не мешает полагать, что сами влечения, по крайней мере отчасти, представляют из себя осадки влияния внешних раздражений, которые в ходе филогенетического развития вызвали изменения в живом веществе.

Если мы далее находим, что и деятельность самых высоких по свому развитию душевных аппаратов также подчиняется принципу наслаждения (Lustprinzip), то-есть автоматически регулируется ощущениями наслаждения (Lust) и неудовольствия, неприятности (Unlust), то мы

с трудом сможем отказаться от дальнейшего предположения, что эти ощущения отражают именно тот способ, посредством которого происходит преодоление раздражения. Это нужно понимать, несомненно, в том смысле, что неприятные ощущения связаны с повышением раздражения, а приятные ощущения наслаждения — с понижением его. Но мы не должны забывать, что это предположение содержит очень большую неопределенность до тех пор, пока нам не удастся постичь — какого рода взаимоотношения существуют между приятным-неприятным (Lust-Unlust) и колебаниями в величине действующего на душевную жизнь раздражения. Несомненно, что тут возможны очень разнообразные и далеко не простые отношения.

Если мы начнем с биологической точки зрения рассматривать душевную жизнь, то «влечение» покажется нам понятием, стоящим на границе между душевным и соматическим, психическим представителем раздражений, исходящих из внутренностей тела и проникающих в душу, мерилом работы, которая требуется от психики вследствие ее связи с физическим.

Далее мы можем обсудить некоторые термины, употребляемые по отношению к понятию влечения, как-то: импульсивное напряжение, цель, объект, источник влечения.

Под напряжением (Drang) влечения понимают его двигательный момент, сумму силы или мерило требуемой работы, которую он олицетворяет. Признак импульсивного напряжения составляет общую особенность всех влечений, самую сущность их. Влечение представляет из себя известную долю активности; если, не точно выражаясь, говорят о пассивных влечениях, то под этим можно понимать только влечения с пассивной целью.

Целью влечения всегда является удовлетворение, которое может быть достигуто только посредством устранения состояния раздражения в источнике влечения. Но если даже эта конечная цель и остается неизменной для всякого влечения, то все же к одной и той же конечной цели могут вести различные пути, так что у какого-нибудь влечения могут явиться разнообразные и более близкие промежуточные цели, которые могут комбинироваться друг с другом или заменять друг друга. Опыт позволяет нам говорить о влече-

ниях с задержкой в достижении цели (Zielgehemmte) при таких процессах, при которых допускается известная часть удовлетворения влечения, а затем наступает задержка или отклонение от цели. Можно допустить, что и с такими процессами все же связано частичное удовлетворение.

Объектом влечения является тот объект, на котором или посредством которого влечение может достичь своей цели. Это самый изменчивый элемент влечения, с ним первоначально не связанный, а присоединенный к нему только благодаря его свойству сделать возможным удовлетворение. Объектом не должен быть непременно посторонний предмет, а может быть также и часть собственного тела. В течение жизненной эволюции влечения объект может меняться сколько угодно раз; эта способность влечения перемещаться с одного объекта на другой может сыграть самую большую роль. Может случиться и так, что один и тот же объект служит одновременно для удовлетворения нескольких влечений: по Alf. Adler'y, это случай сплетения влечений (Triebverschränkung). Особенно тесная привязанность влечения к объекту отмечается термином фиксации. Часто такая фиксация создается в очень раннем периоде развития влечения, и этим кладется конец его подвижности, так как такая фиксация очень сильно сопротивляется отделению влечения от объекта.

Под источником влечения понимают тот соматический процесс в каком-либо органе или части тела, раздражение которого в душевной жизни воплощается во влечении. Неизвестно, всегда ли это процесс химический или он может соответствовать также и развитию других, например, механических сил. Изучение источников влечения уже больше не относится к области психологии; хотя происхождение из соматического источника и составляет самый решающий признак влечения, в душевной жизни мы его узнаем только по его целям. Для целей психологического исследования не требуется обязательно точного знания источников влечения. Иной раз можно, зная цели влечения, с полной уверенностью сделать заключение о природе и характере его источников.

Следует ли предполагать, что различные влечения, исходящие из телесного и действующие на психическое, отлича-

ются различными качествами, и поэтому в качественном отношении роль их в душевной жизни тоже различна. Для этого как будто нет достаточных оснований; вполне удовлетворительным кажется предположение, что все влечения однородны и действие их зависит только от заключающейся в них величины возбуждения, быть может, еще и от некоторых функций этой количественной величины. То, благодаря чему отличаются друг от друга психические влияния различных влечений, можно объяснить различием источников этих влечений. Значение качества влечения может быть во всяком случае разъяснено только в дальнейшем изложении.

Какие влечения могут быть допущены и в каком количестве? В этом отношении, очевидно, может иметь место большой произвол. Ничего нельзя возразить против употребления понятия—влечение к игре, влечение к разрушению, влечение к общительности в тех случаях, когда этого требует предмет обсуждаемого вопроса и когда такое ограничение психологического вопроса допустимо. Однако нельзя терять из виду и вопроса о том, не допускает ли, с одной стороны, столь специализированная мотивировка влечений дальнейшего разложения в отношении источников влечения, так что определенное значение может быть признано только за первичными, в дальнейшем не разложимыми, влечениями.

Я предложил различать две группы таких первичных влечений: влечения «Я», или самосохранения, и сексуальные влечения. Но это допущение не имеет значения необходимой предпосылки, как, напр., предположение о биологической тенденции душевного аппарата (см. выше); это только вспомогательная конструкция, которая должна быть сохранена лишь до тех пор, пока она оказывается полезной, и замена которой какой-либо другой мало чем изменит результаты нашей описательной и классификационной работы. Поводом к такому допущению послужила история развития психоанализа, который первым объектом своего исследования сделал психоневрозы и именно ту группу их, которая должна быть названа «неврозами перенесения» (истерия, невроз навязчивости) и при этом пришел к выводу, что в корне всякого подобного заболевания лежит конфликт между требованиями сексуальности и «я». Однако все же возможно, что более глубокое изучение других невротических

заболеваний (в первую очередь нарцистических психоневрозов: шизофрений) заставит изменить эту формулу и сделать новую перегруппировку первичных влечений. Но в настоящее время нам не известна эта новая формула, и у нас нет ни одного довода, говорящего против такого противопоставления влечений «*я*» и сексуальных.

Я вообще сомневаюсь, чтобы можно было на основании обработки психологического материала получить какие-либо решающие указания для разграничения и классификации влечений. Скорее кажется необходимым привнести для этой обработки к имеющемуся психологическому материалу определенные предположения относительно деятельности влечений, и было бы желательно, чтобы была возможность позаимствовать эти предположения из другой научной области и перенести их в психологию. То, что дает нам в этом отношении биология, несомненно не противоречит такому разделению на влечения «*я*» и сексуальные. Биология учит, что сексуальность нельзя поставить в один ряд с другими функциями индивида, так как тенденции ее идут дальше существования отдельного индивида—они имеют своим содержанием появление новых индивидов, то-есть сохранение рода. Она показывает нам далее, что в одинаковой мере верно и правильно двоякое понимание взаимоотношений между «*я*» и сексуальностью: одно, по которому главным является индивид, а сексуальность представляет из себя только одно из проявлений его деятельности, а сексуальное удовлетворение одну из потребностей его; и другой взгляд, согласно которому индивид представляет из себя только временный и проходящий придаток к будто бы бессмертной зародышевой плазме, доверенной ему родом.

Мнение, что сексуальная функция отмечается особым химизмом от других телесных процессов составляет, насколько я знаю, также одно из предположений Эрлиха в области биологических исследований.

Так как изучение влечений представляет неопредолимые трудности, если подходить к нему со стороны сознания, то психоаналитическое исследование психических нарушений остается главным источником наших знаний. Но в зависимости от хода своего развития психоанализ до сих пор мог дать нам более или менее удовлетворительные сведения только

относительно сексуальных влечений, потому что он мог наблюдать эту группу влечений при психоневрозах, как бы в изолированном виде. С распространением психоаналитических исследований на другие невротические заболевания, несомненно, наши знания влечений «*я*» станут более основательными, хотя, кажется, не следует ожидать, что в этой обширной области исследования условия окажутся столь же благоприятными для наблюдения, как в области «неврозов перенесения».

По вопросу об общей характеристике половых влечений можно сказать следующее: они многочисленны, проистекают из разнообразных органических источников, действуют сначала независимо друг от друга и лишь в более поздний период объединяются в более или менее совершенный синтез. Целью, к которой стремится каждый из них, является наслаждение, доставляемое органам (Organlust); лишь после того, как синтез уже произошел, они начинают выполнять функцию сохранения рода, вместе с чем они получают признание, как половые влечения. При первом своем появлении они присоединяются к влечениям самосохранения, от которых отделяются только постепенно и при нахождении объекта следуют тому пути, который предуказывается им влечениями «*я*». Часть их на всю жизнь остается присоединенной к влечениям «*я*», снабжая их либидинозными компонентами, которые при условиях нормальной функции легко могут быть незамечены и ясно проявляются только благодаря заболеванию. Они отличаются очень большой способностью замещать друг друга и легко могут менять свои объекты. Вследствие этого свойства их, они могут проявляться в такой форме, которая очень далеко ушла от их первоначальных целей (сублимирование).

Мы должны будем ограничить исследование вопроса о судьбе, которой подвержены влечения в своем развитии в течение дальнейшей жизни индивида, сексуальными влечениями, так как последние нам лучше известны.

Наблюдения показывают нам, что эта судьба влечений может быть следующей:

Превращение в противоположное.

Обращение на собственную личность.

Вытеснение.

Сублимирование.

Так как я не намерен исследовать здесь вопроса о сублимировании, а вытеснению необходимо посвятить особую главу, то мне остается ограничиться описанием и обсуждением только двух первых пунктов. Принимая во внимание те мотивы, которые не дают возможности влечениям прямо проявляться, можно рассматривать судьбу влечений как своего рода отражение, защиту индивида против открытого проявления этих влечений.

При ближайшем рассмотрении превращение в противоположное (Verkehrung) распадается на два различных процесса, в поворот (Wendung) влечения от активности к пассивности и в превращение содержания (Inhaltliche Verkehrung) его в противоположное. Так как оба процесса по существу своему различны, то их следует и рассмотреть отдельно.

Примерами первого процесса являются противоположные пары: садизм—мазохизм и любовь к подглядыванию—эксгибиционизм. Превращение касается только целей влечения; вместо активной цели: мучить, разглядывать, становится пассивная: быть мучимым, разглядываемым. Превращение содержания в противоположное имеет место только в одном случае превращения любви в ненависть.

Обращение против собственной личности становится нам понятным благодаря соображению, что мазохизм представляет из себя садизм, обращенный против собственного «*я*», а эксгибиционизм включает в себя также рассматривание и собственного тела. Аналитические наблюдения не оставляют никакого сомнения в том, что мазохист наслаждается истязанием самого себя, а эксгибиционист обнажением своего тела. Сущность процесса составляет таким образом перемена объекта при неизменности цели.

Мы не можем не заметить, что в этих примерах сталкиваются или совпадают обращение против собственной личности и обращение от активности к пассивности. Для выяснения взаимоотношения становится неизбежным более основательное исследование.

При противоположной паре садизм—мазохизм можно весь процесс изобразить следующим образом:

a) Садизм состоит в насилии, в проявлении своей мощи (силы) по отношению к другому лицу как объекту.

b) От этого лица отказываются и замещают его самим собой. Вместе с обращением против самого себя совершается и превращение активной цели влечения в пассивную.

c) Снова ищется новое лицо в качестве объекта, которое должно взять на себя роль субъекта, вследствие изменившейся цели.

Случай *c* представляет из себя обыкновенно так называемый мазохизм. Удовлетворение и при нем происходит путем первоначального садизма благодаря тому, что пассивное «*я*» в фантазии становится на свое прежнее место, предоставленное теперь другому объекту. Безусловно сомнительно, бывает ли также прямое мазохистическое удовлетворение. Первоначального мазохизма, не развившегося описанным путем из садизма, повидимому, не бывает. Проявление же садистического влечения при неврозе навязчивости показывает, что предполагаемая ступень *b* не является излишней. Здесь имеет место обращение на самого себя, без пассивности по отношению к новому лицу. Превращение достигает только ступени *b*. Страсть мучить других превращается в самоистязание, наказание самого себя, но не в мазохизм. Активный глагол превращается не в пассивный, а в возвратный.

Понимание садизма затрудняется еще благодаря тому, что это влечение на-ряду с достижением своей общей цели (быть может лучше: в пределах последней), повидимому, стремится еще к специальному действию. На-ряду с унижением, преодолением он стремится причинять боль. Однако психоанализ как будто показывает, что причинение боли не играет никакой роли между первичными активными проявлениями влечения. Садистический ребенок не принимает во внимание возможности боли и не намеревается ее причинять. Но раз превращение в мазохизм уже совершилось, то боли очень хорошо подходят к тому, чтобы составить пассивную мазохистическую цель, так как у нас имеется достаточно оснований предполагать, что ощущения боли, как и всякие другие неприятные ощущения (Unlustempfindungen), передаются половому возбуждению и вызывают состояния наслаждения (Lust), для которого можно охотно мириться с неприятностью боли. А раз ощущение боли стало мазохистической

целью, то возвратным путем может развиться и садистическая цель — причинение боли другому, которой можно наслаждаться, причиняя ее другому и одновременно мазохистически отождествляя себя с страдающим объектом. Разумеется, в обоих случаях испытывают наслаждение не от боли, а от сопровождающего ее полового возбуждения, что особенно удобно переживать в роли садиста. Наслаждение болью является таким образом первоначально мазохистической целью, но оно может стать целью влечения только у первоначально садистического субъекта.

Для полноты освещения вопроса прибавлю, что сострадание не может быть описано как результат превращения влечения при садизме, а должно быть понимаемо как реактивное образование (реакция, Reaktionsbildung) против влечения (относительно различия смотри ниже).

К несколько иным, более простым результатам приводит исследование другой противоположной пары влечений, имеющих целью разглядывание и показывание себя (Voyeur и эксгибиционист на языке перверзий). И здесь можно установить те же ступени, как и в предыдущем случае: *a*) разглядывание в форме активного действия, направленного на посторонний объект; *b*) отказ от объекта, обращение влечения к разглядыванию на собственное тело, а вместе с этим поворот к пассивности и появление новой цели: быть разглядываемым; *c*) введение нового субъекта, которому показываешь себя, чтобы «быть им разглядываемым». Вряд ли можно сомневаться в том, что активная цель появляется раньше, чем пассивная, что разглядывание предшествует показыванию себя. Но значительное отличие от случая садизма заключается в том, что в влечении к разглядыванию можно различить еще более раннюю ступень, чем описанная под рубрикой *a*. Влечение к разглядыванию в начале своего проявления аутоэротично, оно хотя и имеет объект, но объект этот составляет собственное тело. Лишь позже оно производит замену этого объекта (путем сравнения) аналогичным объектом постороннего тела (ступень a). Это предварительная ступень интересна тем, что от нее исходят оба противоположных положения окончательной пары, в зависимости от того—наступает ли изменение в тот или другой момент

развития (до ступени *a* или в ступени *b*). Схема влечения к разглядыванию имеет приблизительно следующий вид:

α) разглядывать самому половой орган=разглядывать самому собственный половой орган;

β) разглядывать самому чужой объект (активное влечение к разглядыванию);

γ) быть разглядываемым посторонним в качестве собственного объекта (наслаждение при показывании— эксгибиционизм).

Такой предварительной ступени нет у садизма, который с самого начала направлен на посторонний объект, хотя совсем не было бы бессмысленным сконструировать такую фазу, исходя из стараний ребенка овладеть своими членами.

К обоим рассматриваемым здесь примерам влечений относится замечание, что превращение влечения посредством поворота от активности к пассивности и обращения на самого себя никогда не распространяется на влечение во всем его объеме. Более старое активное направление влечения в известной мере сохраняется на-ряду с более молодым, пассивным даже и в том случае, если процесс превращения влечения зашел очень далеко. Относительно влечения к разглядыванию самым правильным было бы сказать, что все ступени развития влечения, как предварительная аутоэротическая ступень, так и активная и пассивная конечные формы его, существуют одновременно, и это утверждение становится совершенно очевидным, если в основу своего суждения положить не действия, на которые влечение толкает, а механизм удовлетворения. Впрочем, быть может, было бы правильно держаться еще одного способа понимания и изложения этих явлений. Все проявления влечений можно разложить на отдельные, разделенные на временные промежутки и одинаковые за весь период, данного (любого) промежутка толчки, относящиеся друг к другу, как, например, последовательные извержения лавы. В таком случае можно себе представить, что первый и самый первоначальный порыв влечения протекает без изменений и не претерпевает вообще никакого развития. Следующий порыв с самого начала подвергается изменению, в роде поворота в сторону пассивности, и присоединяется затем к прежнему течению, сохраняя свой новый

характер пассивности, и так далее. Если бросить взгляд на данное влечение с начала его зарождения до определенного момента, то описанная последовательность порывов, толчков должна дать картину определенного развития влечения.

Тот факт, что в определенный поздний период развития влечения можно наблюдать его (пассивное) противоположное течение, заслуживает быть отмеченным и назван прекрасным введенным Bleuler'ом термином: амбивалентности.

Ход развития влечения становится нам понятным, если иметь в виду всю историю развития его и постоянство серединных ступеней. Опыт показывает далее, что размеры наблюдаемой амбивалентности меняются в высокой степени у индивидов, человеческих групп или рас. В ярко выраженной амбивалентности влечений у современного человека можно видеть архаическое унаследование, так как у нас есть основание полагать, что в первобытные времена известная часть непревращенных активных импульсов в проявлениях влечений была бóльшей, чем теперь.

Мы уже привыкли называть нарцизмом раннюю фазу развития «*я*», когда половые влечения удовлетворяются аутоэротически, не исследуя пока вопроса о взаимоотношениях между нарцизмом и аутоэротизмом. В таком случае мы должны сказать, что предварительная ступень влечения к разглядыванию, когда объектом разглядывания является собственное тело, относится к проявлениям нарцизма, представляет из себя нарцистическое образование. Из этой ступени развивается активное влечение к разглядыванию благодаря тому, что оно разрывает с нарцизмом, между тем как пассивное влечение к разглядыванию крепко держится нарцистического объекта. Точно также превращение садизма в мазохизм означает возврат к нарцистическому объекту, между тем как и в том и другом случае нарцистический субъект заменяется другим посторонним «*я*» посредством идентификации. Принимая во внимание конструированную нарцистическую предварительную ступень садизма, мы этим приближаемся к более общему взгляду, что судьба влечений, выражающаяся в обороте к собственному «*я*» и в превращении из активности в пассивность зависит от нарцистической организации «*я*» и носит на себе печать этой фазы развития. Эта судьба, может быть, соответствует попыткам отражения, которые на

более высоких ступенях развития «*я*» достигаются другими средствами.

Тут мы должны вспомнить, что до сих пор наш разбор касался только двух противоположных пар: садизм—мазохизм и страсть к подглядыванию—страсть к показыванию себя. Это самые известные амбивалентно встречающиеся сексуальные влечения. Остальные компоненты позднейшей сексуальной функции еще не доступны в достаточной мере анализу, чтобы могли быть разобраны таким же образом. О них мы можем сказать в общем, что они проявляются аутоэротически, то-есть что объект их исчезает, уступая место органу, являющемуся их источником, и обыкновенно совпадает с ним. Объектом страсти к разглядыванию, хотя сначала и составляющим часть собственного тела, является, однако, не сам глаз, а при садизме органический источник влечения, — вероятно активная мускулатура, — определенно указывает на другой объект, хотя бы и на собственном теле. При аутоэротических влечениях органический источник играет настолько решающую роль, что, согласно приемлемому предположению P. Federn'a и L. Jekels'a, форма и функция органа имеют решающее значение при определении активности и пассивности цели влечения.

Превращение влечения в его (материальную) противоположность наблюдается только в одном случае, при превращении любви в ненависть. Так как оба эти чувства особенно часто встречаются одновременно по отношению к одному и тому же объекту, то это одновременное существование представляет из себя самый лучший пример амбивалентности чувств.

Случай любви и ненависти приобретает особый интерес благодаря тому обстоятельству, что он не подходит под картину нашего описания влечений. Нельзя сомневаться в теснейшей связи между этими двумя противоположными чувствами и сексуальной жизнью, но нельзя согласиться со взглядом на способность любить, как на особое частичное влечение, подобное другим влечениям. Скорее следует видеть в способности любить выражение всего сексуального стремления полностью, но и это оказывается не совсем верным, и не знаешь, как понимать материальную противоположность этого стремления.

Любовь способна не только на одну, но на три противоположности. Кроме противоположности: любить—ненавидеть, имеется еще другая: любить—быть любимым, и, кроме того, «любить» и «ненавидеть», вместе взятые, противопоставляются еще состоянию индифферентности или равнодушия. Из этих трех противоположностей вторая, то-есть «любить—быть любимым» соответствует обороту от активности к пассивности и допускает возможность упрощения, до одной основной ситуации, как страсть к разглядыванию. Эта ситуация гласит: любить самого себя, что для нас характеризует нарцизм. В зависимости от того, происходит ли замена объекта или субъекта, получается активное стремление любить или пассивное стремление быть любимым, при чем последнее остается близким к нарцизму.

Может быть, можно приблизиться к лучшему пониманию различных противоположностей «любить», если принять во внимание, что душевной жизнью вообще владеют три полярности, противоположности, состоящие в:

субъект («*я*»)—объект (внешний мир),
удовольствие, наслаждение (Lust)—неудовольствие,
активный—пассивный.

Противоположность «*я*»—«не *я*» (внешнее) (субъект—объект), как мы уже упоминали, рано навязывается каждому живому существу благодаря сделанному наблюдению, что оно может успокоить внешние раздражения при помощи мускульных действий, а против раздражений влечений оно совершенно беспомощно. Особенно в своей интеллектуальной деятельности оно остается самодержавным, и этим создается основание для развития способности к исследованию внешнего мира, которое никакими стараниями не может быть изменено. Полярность: наслаждение—неудовольствие (Lust—Unlust) связана с целым рядом ощущений, решающее значение которых на наши поступки (волю) уже подчеркивалось. Противоположность: активный—пассивный нельзя смешивать с противоположностью: «*я*»-субъект—внешнее-объект. «*Я*» относится пассивно к внешнему миру, поскольку получает от него раздражения;—активно, когда реагирует на эти раздражения. Но к особенной активности по отношению к внешнему миру его вынуждают

влечения, так что, подчеркивая самое существенное, можно сказать: «*я*»-субъект относится пассивно к внешним раздражениям и—активно благодаря собственным влечениям. Противоположность: активный—пассивный сливается позже с противоположностью: мужской—женский, которая до этого момента слияния не имеет никакого психологического значения. Спайка активности с мужественностью, пассивности с женственностью выступает перед нами как биологический факт; но она никоим образом не проявляется так исключительно и так сильно, как мы склонны полагать.

Эти три психических полярности вступают между собой в объединения, имеющие очень большое значение. В одной первичной психической ситуации сталкиваются два из них. Сперва, в самом начале душевной жизни, «*я*» находится во власти влечений и отчасти способно удовлетворять на самом себе свои влечения. Это состояние мы называем нарцизмом, а возможность удовлетворения аутоэротической [1]). Внешний мир в этот период жизни не привлекает к себе (вообще говоря) интереса и безразличен для удовлетворения влечений. В то время «*я*»-субъект совпадает таким образом с тем, что дает наслаждение, внешний мир—с безразличным (иногда и неприятным как источником раздражения). Если мы охарактеризуем любовь пока как отношение «*я*» к источникам своего наслаждения, то ситуация, в которой «*я*» любит только самого себя и равнодушно к окружающему миру, выясняет первую из противоположностей, которую мы нашли по отношению к «любить».

«*Я*» не нуждается во внешнем мире, поскольку оно аутоэротично, но оно получает из этого мира объекты вследствие переживаний влечений к самосохранению и не может избежать того, чтобы не воспринимать в течение некоторого времени

---

[1]) Часть сексуальных влечений, как мы знаем, способна на такое аутоэротическое удовлетворение, и, следовательно, может стать носителем описываемого ниже развития под господством принципа наслаждения (Lustprinzip). Другая часть сексуальных влечений, требующих с самого начала объекта и потребности влечений «*я*», которые никогда не могут быть удовлетворены аутоэротически, разумеется, нарушают это состояние и подготовляют дальнейшее развитие. Больше, первичное нарцистическое состояние не могло бы достичь такого развития, если бы каждое существо в отдельности не переживало бы периода беспомощности и ухода, во время которого его насущные потребности удовлетворяются посредством вмешательства извне, и благодаря этому задерживается их влияние на общее развитие.

внутренних раздражений влечений, как неприятные. Находясь во власти принципа наслаждения, «*я*» проделывает дальнейшее развитие. Оно воспринимает в себя предлагаемые объекты, поскольку они являются источниками наслаждения, интроецирует их в себя (по выражению Ferenczi), а с другой стороны, отталкивает от себя все, что внутри него становится поводом к переживанию неудовольствия, неприятного (см. ниже механизм проекции).

Таким образом оно из первоначального реального «*я*» (Real-Ich), различавшего внутреннее и внешнее на основании хорошего объективного признака, превращается в чистейшее «*наслаждающееся я*» (Lust-Ich), для которого признак наслаждения выше всего. Внешний мир распадается для него на часть, доставляющую наслаждение, которую оно восприняло в себя и, на остаток, чуждый ему. Из собственного «*я*» оно отделило часть, которую отбрасывает во внешний мир и ощущает его как враждебный. После такой перегруппировки снова восстанавливаются обе полярности:

«*Я*» - субъект—с наслаждением
Внешний мир—с неудовольствием (с прежним безразличием).

Вместе с проникновением объекта в ступень развития первичного нарцизма достигает своего развития и вторая противоположность любви—ненависть.

Как мы слышали, объект преподносится «*я*» из внешнего мира влечениями к самосохранению, и нельзя не согласиться с тем, что и первоначальный смысл ненависти выражает отношение к чужому, доставляющему раздражения внешнему миру. Индифферентность подчиняется ненависти, неблагосклонности как специальная форма ее, после того, как она появлялась сперва как ее предшественница. Внешнее, объект, ненавистное были сначала идентичными. Если позже объект превращается в источник наслаждения, то он становится любимым, но в то же время сливается с «*я*», так что для чистого «*я-наслаждение*» объект опять-таки совпадает с чужим ненавистным.

Но теперь мы начинаем замечать, что, подобно тому, как противоположная пара: любовь — индифферентность отражает полярность, «*я*» — внешний мир, так вторая

противоположность: любовь—ненависть воспроизводит связанную с первой полярность: наслаждение—неудовольствие. После того, как чисто нарцистическая ступень сменяется ступенью объекта, наслаждение — неудовольствие обозначает отношение «я» к объекту. Если объект становится источником ощущений наслаждения, то выявляется моторная тенденция, которая приближает объект к «я», сливает его с «я»; мы говорим тогда также о «притяжении», которое оказывает дающий наслаждение объект, и говорим, что мы любим этот объект. Наоборот, когда объект делается источником неприятных ощущений, неудовольствия, то возникает тенденция увеличить расстояние между ним и «я», повторить на нем первоначальную попытку бегства от посылающего раздражения внешнего мира. Мы ощущаем «отталкивание» объекта и ненавидим его; эта ненависть может впоследствии усилиться до склонности к аггрессивным действиям против объекта, до намерения уничтожить его.

Можно было бы в крайнем случае сказать про какое-нибудь влечение, что оно «любит» объект, к которому стремится для своего удовлетворения. Но странно звучит для нас выражение, что влечение «ненавидит» объект,—и это обращает наше внимание на то, что отношения любви и ненависти неприменимы к отношениям влечений к своим объектам, а только к отношениям всего «я» к объектам. Но наблюдения над безусловно глубокими по своему смыслу оборотами нашей речи указывают нам на еще дальнейшие ограничения значения любви и ненависти. Относительно предметов, служащих целям самосохранения, не говорят, что их любят, а подчеркивают, что нуждаются в них и выражают еще другого рода отношения, употребляя слова, обозначающие очень ослабленную степень любви, как, например: охотно то-то делаю, нахожу приятным, мне нравится.

Слово «любить» все больше приближается к сфере чистых отношений наслаждения «я» к объекту и, в конце концов, фиксируется на объектах, в тесном смысле сексуальных, и на таких объектах, которые удовлетворяют потребности сублимированных сексуальных влечений. Отделение влечений «я» от сексуальных, которое мы навязали нашей психологии, оказывается таким образом в полном согласии с духом нашего языка. Если у нас нет привычки говорить, что отдель-

ное сексуальное влечение любит свой объект, но находим самое большое соответствие в употреблении слова «любить» для обозначения отношений «*я*» к своему сексуальному объекту, то наблюдение показывает нам, что применение этого слова для обозначения этих отношений начинается только с момента синтеза всех частичных влечений сексуальности подприм атом гениталий и в целях функции продолжения рода.

Замечательно, что в употреблении слова «ненавидеть» не проявляется такая близкая связь с сексуальным наслаждением и с сексуальной функцией, а решающее значение, повидимому, имеет только отношение неприятного, неудовольствия. «*Я*» ненавидит, испытывает отвращение, преследует с целью разрушения все объекты, которые становятся для него источником неприятного, независимо от того, лишают ли они его сексуального удовлетворения или удовлетворения потребностей самосохранения. Можно даже утверждать, что настоящие прообразы отношений ненависти исходят не из сексуальной жизни, а из борьбы «*я*» за самосохранение и самоутверждение.

Любовь и ненависть, представляющиеся нам полными материальными противоположностями, находятся друг к другу все же не в простых взаимоотношениях. Они произошли не из расщепления чего-то, первоначально общего, а имеют различное происхождение и проделали, — каждое чувство в отдельности, — особое развитие до того, как сформировались в противоположности под влиянием отношений наслаждения—неудовольствия. Здесь перед нами возникает задача дать цельное и полное описание того, что нам известно о происхождении любви и ненависти.

Любовь берет свое происхождение из способности «*я*» удовлетворять часть своих влечений аутоэротически, испытывая наслаждение от функции органов. Первоначально она нарцистична, затем переходит на объекты, которые сливаются с расширенным «*я*», и выражает в виде источника наслаждения моторное стремление «*я*» к этим объектам. Она тесно соединяется с проявлениями позднейших сексуальных влечений, и после того, как их синтез закончен, она совпадает с сексуальным стремлением в полном его объеме. Предварительные ступени любви, оказывается, совпадают с вре-

менными переходными сексуальными целями в тот период, когда сексуальные влечения проделывают свое сложное развитие. Как первую из этих предварительных ступеней любви мы открываем стремление проглотить (einverleiben) сожрать (fressen),—вид любви, соединяющийся с прекращением отдельного существования объекта и поэтому заслуживающий названия амбивалентного. На более высокой ступени прегенитальной садистически-анальной организации стремление к объекту проявляется в форме стремления к овладению, которому безразлично, будет ли при этом поврежден или уничтожен объект. Эту форму предварительной ступени любви вряд ли можно отличить по ее отношениям к объекту от ненависти. Только по формировании генитальной организации любовь становится противоположностью ненависти.

Как проявление отношения к объекту ненависть старше любви, она соответствует самому первоначальному отстранению нарцистическим «*я*» внешнего мира, доставляющего раздражения. Как выражение вызванной объектами реакции неудовольствия ненависть сохраняет тесную связь с влечениями самосохранения, так что между влечениями «*я*» и сексуальными влечениями легко могут образоваться отношения противоположности, повторяющей такое же отношение между ненавистью и любовью. Если влечения «*я*» господствуют над сексуальными влечениями, как, напр., на ступени садистически-анальной организации, то они придают и цели влечения характер ненависти.

История развития и отношений любви объясняет факт, что она так часто проявляется «амбивалентно», то-есть сопровождается ненавистью по отношению к тому же объекту. Примесь ненависти в любви отчасти происходит от не вполне преодоленной предварительной ступени любви, отчасти она вытекает из реакций отклонения этого чувства со стороны влечений «*я*», которые могут оправдываться реальными и актуальными мотивами при столь частых конфликтах между интересами «*я*» и любви. В обоих случаях, следовательно, примесь ненависти исходит из источников влечений к самосохранению. Если любовные отношения к какому-нибудь объекту обрываются, то нередко вместо них появляется ненависть, отчего у нас получается впечатление

превращения любви в ненависть. Но более широкий, чем описанный, взгляд обнаруживает, что мотивированная реальными причинами ненависть усиливается еще вследствие регрессии любви на предварительную садистическую ступень, так что ненависть получает эротический характер и создается, таким образом, ненарушимость любовных отношений.

Третья противоположность любви, превращение «любить» — в «быть любимым» соответствует действию полярности активности и пассивности, и ее следует рассматривать так же, как случаи страсти к разглядыванию (Schautrieb) и садизма. Обобщая, мы можем особенно подчеркнуть, что участь влечений состоит в сущности в том, что влечения подвергаются влиянию трех больших полярностей, господствующих в душевной жизни. Из этих трех полярностей активность—пассивность можно было бы назвать биологической, «я»—внешний мир назвать реальной и, наконец, наслаждение (Lust) — неудовольствие, неприятное (Unlust)— экономической полярностями.

Судьба влечения вытеснения составит предмет следующего исследования.

Бессознательное.

Из психоанализа мы узнали, что сущность процесса вытеснения состоит не в том, чтобы устранить или уничтожить представление, воплощающее в сознании влечение, а в том, чтобы не допустить его до осознания. Тогда мы говорим, что представление находится в состоянии «бессознательного», и можем привести веские доказательства того, что, оставаясь бессознательным, представление все-таки может оказать действия и даже такие, которые, в конце концов, достигают сознания. Все вытесненное должно оставаться бессознательным, но мы с самого начала установим, что вытесненное не покрывает собою всего бессознательного. Бессознательное имеет более широкий объем: вытесненное составляет часть бессознательного.

Как дойти нам до познания бессознательного? Мы его познаем, разумеется, только как сознательное после того, как оно проделало превращение или переведено в форму, доступную сознанию. Психоаналитическая работа ежедневно дает нам возможность убедиться в том, что такой перевод возможен. Для этого необходимо, чтобы анализируемый преодолел известные сопротивления, а именно те, которые в свое время превратили бессознательное в вытесненное, удалив его из сознания.

1. Обоснование бессознательного.

Наше право допустить психическое бессознательное и научно работать при помощи такого допущения оспаривают с различных сторон. В ответ на это мы можем указать, что допущение бессознательного необходимо и законно и что мы располагаем многими доказательствами су-

ществования бессознательного. Такое допущение необходимо, потому что у данных сознания имеется немало пробелов; как у здоровых, так и у больных часто происходят психические акты, для объяснения которых необходимо допустить существование других актов, а между тем в сознании на это нет никакого указания. Такими актами могут быть не только ошибочные действия и сновидения у здоровых, не только все то, что называют психическими симптомами и явлениями навязчивости у больных,—наш личный ежедневный опыт знакомит нас с мыслями, которые приходят нам в голову, но происхождение которых нам неизвестно, и с результатами мыслительной деятельности, о разработке которой мы ничего не знаем. Все эти сознательные акты остались бы непонятными и не имели бы никакой связи между собой, если бы мы стали настаивать на том, что мы познаем при посредстве только нашего сознания все происходящие в нас психические акты; но если мы допустим кроме того бессознательные акты, то все наши сознательные акты приводятся в очевидную связь. Однако установление смысла и связи—вполне законный мотив, который в состоянии повести нас дальше, чем непосредственный опыт. Но если при этом еще окажется, что, основываясь на таком допущении бессознательного, мы с успехом и целесообразно можем влиять на течение сознательных процессов, то в этом успехе мы имеем неопровержимое доказательство существования предположенного нами бессознательного. Тогда приходится признать требование, чтобы все происходящее в психической области обязательно было известно, сознанию—недопустимым высокомерием.

Можно пойти еще дальше и в доказательство существования бессознательного психического состояния указать, что сознание в каждый данный момент охватывает только очень небольшое содержание, благодаря чему бо́льшая часть того, что мы называем сознательным знанием, и без того должна продолжительное время находиться в состоянии латентности, следовательно, психической бессознательности. Принимая во внимание все наши латентные воспоминания, мы совершенно не понимаем возражений против бессознательного. Мы встречаем далее возражения, что эти латентные воспоминания нельзя называть психическими, что они соответствуют только

остаткам соматических процессов, из которых снова происходит психическое. В таком случае напрашивается возражение, что наоборот, латентное воспоминание является несомненным остатком психического процесса. Но гораздо важнее уяснить себе, что в основе этого возражения лежит невысказанное предубеждение о тождестве сознательного с психическим. Это отождествление является petitio principii, не допускающее вопроса о том, должно ли все психическое быть сознательным, или это вопрос условности номенклатуры. В последнем случае такое отождествление является условностью, которую невозможно опровергнуть. Но тогда остается открытым вопрос—так ли оно целесообразно, что следует его придерживаться. На это можно ответить, что условное отождествление психического с сознательным оказывается абсолютно нецелесообразным. Оно нарушает психическую непрерывность, ввергает нас в неразрешимые трудности психо-физического параллелизма, вызывает упрек в том, что без достаточных оснований переоценивают роль сознания и заставляют нас слишком скоро покинуть область чисто психологического исследования, в то же время не вознаграждая нас в других областях.

И все-таки ясно, что вопрос о том, должны ли мы понимать несомненные латентные состояния душевной жизни, как бессознательные психические или как физические, рискует выродиться в спор о словах. Целесообразнее поэтому выдвинуть на первый план то, что нам вполне точно известно о природе этих спорных состояний. И вот, что касается их физических признаков, то они нам совершенно недоступны; ни одно физиологическое представление, ни один химический процесс не может дать нам понятия об их сущности. А с другой стороны, несомненно, что они имеют самое широкое соприкосновение с сознательными душевными процессами: при помощи известной работы их можно превратить в сознательные, заменить этими последними, и они могут быть описаны посредством всех тех категорий, которые мы применяем к сознательным душевным актам: к представлениям, стремлениям, решениям и т. п. А относительно некоторых из этих латентных состояний мы в состоянии даже утверждать, что они отличаются от сознательных только отсутствием сознательности. Поэтому, не колеблясь, мы будем

на них смотреть, как на объекты психологического исследования и рассматривать их в самой тесной связи с сознательными душевными актами.

Упорное отрицание психического характера латентных душевных актов объясняется тем, что большинство феноменов, о которых идет речь, не были предметом специального изучения помимо психоанализа. Тому, кто не знает патологических фактов, кто ошибочные действия нормальных людей считает случайностями и довольствуется старой мудростью, что сны—морская пена, остается только игнорировать несколько загадок в психологии сознания, и тогда не зачем будет допускать бессознательную деятельность. Впрочем гипнотические эксперименты, особенно же постгипнотическое внушение еще до появления психоанализа, наглядно доказали существование и образ действия психического бессознательного.

Но допущение бессознательного также вполге законно, поскольку мы при этом не отступали ни на шаг от нашего обычного, считающегося корректным, образа мыслей. Сознание каждому из нас сообщает знание только собственных душевных состояний; то, что и другой человек имеет сознание, является заключением по аналогии на основании воспринятых проявлений и поступков другого для того, чтобы сделать нам понятным поведение другого. (Психологически правильнее сказать, что мы без рассуждения приписываем всякому другому нашу собственную конституцию, а следовательно и наше сознание, и что это отождествление обусловливает наше понимание). Это заключение, или это отождествление, «*я*» распространяло на всех других людей, животных, растения, неодушевленную природу и на весь мир, и оно до тех пор было целесообразно, пока сходство с индивидуальным «*я*» преобладало над всем; но оно становилось недопустимым, по мере того как все остальное отдалялось от «*я*». Наша современная критика теряет уверенность уже при вопросе о сознании животных, отказывает в сознании растениям, а допущение сознания у неодушевленной природы относит к области мистики. Но и там, где первоначальная склонность к отождествлению устояла перед критическим исследованием, у ближнего — другого человека допущение бессознательного является результатом умозаключения и не соответствует непосредственной уверенности нашего собственного сознания.

Психоанализ требует только того, чтобы такой же метод заключения был применен и к собственной личности, к чему, однако, не имеется конституциональной склонности. Если поступить так, то приходится сказать, что все акты и проявления, которые я замечаю у самого себя и не знаю, как их связать с остальной моей психической жизнью, должны оцениваться так, как будто бы они принадлежали другому лицу и объяснялись приписываемой этому лицу душевной жизнью. Опыт и показывает, что те же самые акты, которые у самого себя отказываешься признать психическими, хорошо умеешь истолковать у других людей, т.-е. ввести их в их общую душевную связь. Наше исследование, очевидно, в этом случае отвлекается от самого себя благодаря особому препятствию, и правильное познание самого себя натыкается на помеху.

Несмотря на внутреннее сопротивление метод заключения, направленный против самого себя, ведет не к открытию бессознательного, а, строго говоря, к допущению другого сознания, соединенного в моем лице с уже известным мне сознанием. Тут, однако, критика находит вполне правильный повод к возражению. Во-первых, сознание, о котором сам носитель его ничего не знает, представляет из себя все-таки не что иное, как чужое сознание, и возникает вопрос—заслуживает ли вообще обсуждения такое сознание, лишенное самого важного своего признака. Тот, кто противился допущению бессознательного психического, не удовлетворится тем, что заменит его бессознательным сознанием. Во-вторых, анализ показывает, что отдельные латентные душевные процессы, о которых мы заключаем, пользуются в высшей степени независимостью друг от друга, как будто бы они не находились ни в какой связи один с другим и ничего не знали один о другом.

Мы должны поэтому (быть готовы к тому, чтобы) допустить не только второе сознание, но и третье и четвертое, может быть бесконечный ряд состояний сознания, из которых каждое неизвестно ни нам, ни одно другому. В третьих, как самый веский довод нужно принять во внимание установленный психоаналитическим исследованием факт, что часть этих латентных процессов обладает признаками и особенностями, кажущимися нам чуждыми и невероятными и

прямо противоречащими известным нам свойствам сознания. Поэтому у нас имеется основание изменить направленное против самого себя заключение в том смысле, что оно доказывает существование в нас не второго сознания, а психических актов, лишенных сознательности. Мы отклоним также название «подсознательное» как неправильное и вводящее в заблуждение. Известные случаи «double conscience» (раздвоение сознания) не противоречат нашему пониманию. Их можно вполне правильно описать как случай разделения душевной деятельности на две группы, при чем одно и то же сознание по очереди обращается то к одному, то к другому лагерю.

В психоанализе нам не остается ничего другого, как объявить душевные процессы сами по себе бессознательными и восприятие их сознанием сравнить с восприятием органами чувств внешнего мира. От такого сравнения мы надеемся получить некоторое преимущество для нашего познания. Психоаналитическое допущение бессознательной душевной деятельности кажется нам, с одной стороны, дальнейшим развитием примитивного анимизма, показывающего нам повсюду образы и подобия нашего сознания, а с другой стороны— продолжением корректуры, которую внес в наше понимание внешних восприятий Kant. Подобно тому, как Kant нас предупредил, чтобы мы всегда принимали во внимание субъективную условность нашего восприятия и никогда не считали наше восприятие вполне тождественным с неподдающимся познанию воспринимаемым, так и психоанализ предупреждает нас, чтобы мы не отождествляли восприятие сознания с бессознательным психическим процессом, который является объектом этого сознания. Подобно физическому и психическое не должно быть в действительности непременно таким, каким оно нам кажется, но мы рады будем узнать, что корректура внутреннего восприятия не представит такой большой трудности, как внешнего, что внутренний объект легче познать, чем внешний мир.

Многозначность бессознательного.

Прежде чем продолжать, мы установим тот важный, но и ставящий нас в затруднительное положение факт, что бес-

сознательность является только признаком психического, однако, никоим образом не характеризующим его. Встречаются психические акты самого различного значения, но обладающие этим одинаковым признаком бессознательности. Бессознательное содержит, с одной стороны акты только латентные, временно бессознательные, а во всем прочем ничем не отличающиеся от сознательных, а с другой стороны вытесненные, которые отличались бы самым резким образом от остальных сознательных, если бы проникли в сознание. Всем недоразумениям был бы положен конец, если бы при описании самых различных психических актов мы не обращали внимания на то—сознательны они или бессознательны, а классифицировали бы их и устанавливали бы между ними связь только в зависимости от их отношений к влияниям и целям и от их состава и принадлежности друг к другу. Но это невозможно сделать по различным причинам, а потому мы не в состоянии избежать двусмысленности, употребляя слова сознательный и бессознательный то в описательном смысле, то в систематическом в тех случаях, когда они означают принадлежность к определенным системам или обладают известными свойствами. Можно было бы еще сделать попытку избежать путаницы, давая произвольные названия установленным психическим системам, в которых признак сознательности не указывается. Но в таком случае следовало бы заранее точно определить, на чем основывается различие систем, а при этом не было бы возможности обойти вопрос о сознательности, так как он является исходным пунктом всех наших исследований. Может быть, некоторую помощь можно ожидать от предложения, по крайней мере письменно, заменять сознание буквами Bw, а бессознательное соответствующим сокращением Ubw, если мы употребляем оба слова в систематическом смысле.

Топическая точка зрения.

При позитивном изложении мы указываем как на результат психоанализа на то, что психический акт в общем проходит через две фазы различных состояний, между которыми включено своего рода испытание (цензура). В первой фазе всякий психический акт бессознателен и принадлежит к сис-

теме Ubw; если цензура при испытании его отвергает, то ему закрыт переход во вторую фазу,—он тогда называется «вытесненным» и должен оставаться бессознательным. Если же он выдерживает испытание, то он переходит во вторую фазу, входит в состав второй системы, которую мы назовем Bw. Но отношение этого акта к сознанию еще не вполне определяется принадлежностью к системе. Он еще не сознателен, но способен проникнуть в сознание (по выражению J. Breuer'a) (Bewusstseinsfähig), т.-е. при совпадении известных условий он может без особого сопротивления стать объектом сознания. Принимая во внимание эту способность проникнуть в сознание, мы назовем систему Bw также «предсознательным». Если бы оказалось, что осознание предсознательного определяется посредством известной цензуры, то мы будем строже отделять одну то другой системы Vbw от Bw. Пока достаточно помнить, что система Vbw имеет те же особенности, что и система Bw, и что строгая цензура стоит на страже при переходе из Ubw к Vbw (или Bw).

С принятием этих (двух или трех) психических систем психоанализ отдалился еще на один шаг от описательной психологии и обогатился новым содержанием и новой постановкой вопроса. До настоящего времени психоанализ отличался от психологии преимущественно динамическим пониманием душевных процессов; теперь прибавляется еще то, что он принимает во внимание и психическую топику и стремится указать, в пределах какой системы или между какими системами протекает любой психический акт. Благодаря этому стремлению он получил название психологии глубин (Tiefenpsychologie). Дальше мы услышим, что он может быть обогащен еще и другой точкой зрения.

Если мы серьезно отнесемся к топике психических актов, то мы должны обратить внимание на возникающее в этом месте сомнение. Если какой-нибудь психический акт (ограничимся здесь актом, состоящим из одного представления) испытывает превращение из системы Ubw в систему Bw (Vbw), то следует ли нам предполагать, что вместе с этим превращением связана новая фиксация, как бы вторичная запись означенного представления, которая, следовательно, может иметь место в новой психической локальности, и пер-

вначальная бессознательная запись сохраняется на-ряду с этой новой? Или нам следует полагать, что это превращение состоит в изменении состояния, которое совершается над тем же материалом и над тою же локальностью? Этот вопрос может показаться нелепым, но должен быть поднят, если мы хотим составить себе определенное представление о психической топике и о психической глубине. Это вопрос трудный, потому что он выходит за пределы чистой психологии и касается отношения душевного аппарата к анатомии. Мы знаем, что в самом грубом виде такие отношения существуют. Непоколебимым результатом исследования явился тот факт, что душевная деятельность связана исключительно с функцией мозга. Затем далее, однако, неизвестно, насколько дальше ведет нас открытие неравноценности различных частей мозга и их исключительные отношения к определенным частям тела и к определенным видам психической деятельности. Но все попытки открыть более детальную локализацию душевных процессов, все старания вообразить себе, как представления накопляются в нервных клетках, а возбуждения идут по нервным волокнам,—окончились полной неудачей. Такая же судьба постигла бы учение, которое пыталось бы определить анатомическое положение системы Bw, сознательной душевной деятельности, в мозговой коре, а бессознательные душевные процессы в субкортикальных частях мозга. Тут имеется пробел, выполнение которого пока невозможно, и это не входит в задачи психологии. Наша психическая топика п о к а не имеет ничего общего с анатомией. Она относится к областям душевного аппарата независимо от их местоположения в теле, а не к анатомическим локализациям.

Наша работа в этом отношении свободна и может вестись дальше согласно собственным требованиям. Нам следует также твердо помнить, что наши предположения пока имеют значение подсобных для большей наглядности. Первая из возможностей, которая должна быть принята во внимание, а именно, что сознательная фаза представления означает новую запись на новом месте, несомненно более груба, но и более удобна. Второе предположение, состоящее в ф у н к ц и о н а л ь н о м изменении состояния более вероятно, но оно менее пластично, и им труднее оперировать. С пер-

вым топическим предположением связано топическое разделение систем Ubw и Bw и возможность одновременного существования какого-нибудь представления в двух местах психического аппарата; возможно даже, что если какое-нибудь представление не задерживается цензурой, то оно всегда продвигается с одного места к другому, при чем иногда не теряет своего первого местонахождения или записи. Это может казаться странным, но оправдывается впечатлениями из психоаналитической практики.

Если говоришь пациенту об угаданном в свое время вытесненном им представлении, то сначала благодаря этому ничего не меняется в его психическом состоянии. Главное же то, что этим не уничтожается вытеснение и не устраняются его последствия, как можно было ждать от того, что неизвестное прежде представление стало известным. Наоборот, сперва получается только новое отклонение вытесненного представления. У пациента действительно имеется теперь то же представление в двух формах в различных местах его душевного аппарата: во-первых, он имеет сознательное воспоминание со слов аналитика благодаря сообщению представления, во-вторых, как нам точно известно, он сохраняет в себе в прежней форме бессознательное воспоминание о пережитом. В действительности вытеснение уничтожается не прежде, чем сознательное представление, преодолев сопротивление, вступает в связь с бессознательным воспоминанием. Успех достигается только тогда, когда именно это последнее становится сознательным. Таким образом при поверхностном рассуждении может показаться доказанным, что сознательные и бессознательные представления составляют различные и в топическом отношении обособленные записи одного и того же содержания. Но ближайшее соображение показывает, что тождественность сообщенного и вытесненного воспоминания пациента только кажущаяся. То, что слышишь, и то, что переживаешь, по психологической природе своей совершенно различные вещи даже и в том случае, если они имеют одно и то же содержание.

Мы пока не в состоянии решить, какая из двух указанных возможностей приемлема более. Может быть, мы позже встретимся с моментами, которые разрешат вопрос в пользу одной из этих двух возможностей. Может быть, нам пред-

стоит еще открыть, что сама наша постановка вопроса была неправильной и что различие между бессознательными и сознательными представлениями нужно определить совсем иначе.

Имеются ли бессознательные чувства.

В вышеизложенных рассуждениях мы ограничились представлениями и теперь можем возбудить новый вопрос, ответ на который должен способствовать выяснению наших теоретических взглядов. Мы сказали, что бывают сознательные и бессознательные представления; но встречаются ли бессознательные влечения, чувства, ощущения, или же нет никакого смысла создавать сопоставления таких понятий?

Я и в самом деле думаю, что противоположность сознательного и бессознательного не находит применения по отношению к влечению. Влечение никогда не может быть объектом сознания, им может быть только представление, отражающее в сознании это влечение. Но и в бессознательном влечение может быть отражено не иначе как при помощи представления. Если бы влечение не связывалось с каким-нибудь представлением и не проявлялось как состояние аффекта, то мы не могли бы о нем ничего знать. И если мы все-таки говорим о бессознательном влечении или о вытесненном влечении, то это только безобидная небрежность выражения. Под этим мы можем понимать только такое влечение, которое отражено в психике бессознательным представлением, и ничего другого под этим не подразумевается.

Можно было подумать, что также легко дать ответ на вопрос о бессознательных чувствах, ощущениях и аффектах. Ведь сущность чувства состоит в том, что оно чувствуется, т.-е. известно сознанию. Возможность бессознательности совершенно отпадает таким образом для чувств, ощущений и аффектов. Но в психоаналитической практике мы привыкли говорить о бессознательной любви, ненависти, ярости и т. д. и считаем неизбежными странное соединение «бессознательное сознание вины» или парадоксальный бессознательный страх. Имеет ли это выражение более широкое значение, чем в случае «бессознательного влечения»?

В данном случае положение вещей действительно другое. Во-первых, может случиться так, что какой-нибудь аффект или чувство воспринимается, но не узнается. Благодаря вытеснению соответствующего представления, отражавшего его в сознании, это чувство или аффект вынуждены вступить в связь с другим представлением и принимаются сознанием за выражение этого последнего. Если мы восстанавливаем правильную связь, то называем первоначальный аффект бессознательным, хотя он никогда и не был бессознательным, а вытеснению подпало только соответствующее ему представление. Употребление выражения «бессознательные аффекты чувства» вообще указывает на судьбу количественного фактора влечения вследствие вытеснения (см. статью о вытеснении). Нам известно, что судьба эта может быть троякого рода: или аффект сохраняется полностью или частично, как таковой, или он испытывает превращения в другой по своему качеству аффект, скорее всего, в страх, или он подавляется, т.-е. его развитие вообще задерживается. (Эти возможности, может быть, еще легче изучать при работе сновидений, чем при неврозах.) Мы знаем также, что подавление развития аффекта составляет цель вытеснения и что работа вытеснения остается незаконченной, если эта цель не достигается. Во всех случаях, когда вытеснению удается задержать развитие аффекта, мы называем «бессознательными» те аффекты, которые восстанавливаем при уничтожении работы вытеснения. Нельзя поэтому отказать в последовательности такому выражению, но в сравнении с бессознательным представлением оно отличается тем, что бессознательное представление после вытеснения сохраняется в системе Ubw как реальное образование; между тем как бессознательному аффекту в этой же системе соответствует только зародыш аффекта как возможность, не получившая дальнейшего развития. Строго говоря, хотя выражение остается безупречным, бессознательных аффектов в том смысле, в каком встречаются бессознательные представления, не бывает. Но весьма возможно, что в системе Ubw встречаются аффекты, которые на-ряду с другими становятся сознательными. Все различие происходит от того, что представления являются в сущности следами воспоминаний, между тем как аффекты и чувства соответствуют процессам израсходования

энергии, конечное выражение которых воспринимается как ощущение. При настоящем состоянии наших знаний об аффектах и чувствах мы не можем яснее выразить это различие.

Особый интерес представляет для нас тот факт, что вытеснению иногда удается задержать превращение влечения в аффект. Этот факт показывает нам, что при нормальных условиях система Bw господствует над аффективностью, как и над путями к двигательной области, и повышает значение вытеснения, показывая, что следствием вытеснения может быть не только недопущение в сознание, но и недопущение как развития аффекта, так и мотивировки мускульной деятельности. Иначе говоря, мы можем дать обратное описание факта: пока система Bw сохраняет свое господство над аффективностью и движениями, мы называем психическое состояние индивида нормальным. Однако различие отношений господствующей системы к обоим близко стоящим друг к другу способам оттока энергии вполне очевидно [1]). В то время как власть Bw над произвольной моторной областью твердо обоснована и обычно может устоять против натиска невроза, но терпит крушение только при психозе, над развитием аффективности власть Bw менее тверда. Уже в пределах нормальной жизни легко можно наблюдать постоянную борьбу систем Bw и Ubw за примат в аффективности, можно видеть, как определенные сферы влияния отграничиваются одна от другой и силы, действующие в этих системах, сливаются.

Значение системы Bw (Vbw) по отношению к путям проявления аффектов и действий делает нам понятным роль, которая выпадает на долю замещающего представления при образовании болезни. Возможно, что развитие аффекта исходит непосредственно из системы Ubw, и в таком случае этот аффект имеет всегда характер страха, в который превращаются все «вытесненные» аффекты. Но часто влечению приходится ждать, пока оно находит замещающее представление в системе Bw. В таком случае развития аф-

[1]) Аффективность выражается по существу в моторном (секреторном, регулирующем кровеносную систему) оттоке энергии, ведущем к (внутреннему) изменению самого тела без отношения к внешнему миру; моторность выражается в действиях, назначение которых—изменение во внешнем мире.

фектов может исходить из этого сознательного замещения и природа его определяет качественный характер аффекта. Мы утверждали, что при вытеснении имеет место отделение аффекта от своего представления, после чего обоих постигает различная участь. С описательной точки зрения это неоспоримо; но действительный процесс протекает обычно так, что аффект не проявляется до тех пор, пока ему не удается прорваться к какому-нибудь новому замещению в системе Bw.

Топика и динамика вытеснений.

Мы пришли к тому результату, что вытеснение является по существу процессом, совершающимся над представлениями на границе Ubw, Vbw (Bw); а теперь мы можем сделать новую попытку—более подробного описания этого процесса. При этом речь может итти об отнятии (Entziehung) активной силы [1]) (Besetzungen) и возникает вопрос, в какой системе имеет место это отнятие и к какой системе принадлежит отнятая активность.

Вытесненное представление остается в Ubw способным к активности; оно, следовательно, должно сохранить свою активную силу. Отнятое должно состоять в чем-то другом. Возьмем, например, случай собственно вытеснения—подталкивания (Nachdrängen), происходящего с предсознательным или даже с осознанным представлением; вытеснение может в таком случае состоять в том, что у представлений отнимается (пред)сознательная активность, принадлежащая системе Vbw. Представление остается тогда без активности или получает ее из бессознательного, или сохраняет ту бессознательную активность, которую уже имело раньше. Следовательно, происходит отнятие предсознательной и сохранение бессознательной активности или замена предсознательной

[1]) «Besetzung», введенный Freud'ом, непереводимый на русский язык термин, смысл которого заключается в следующем: для того, чтобы какое-нибудь понятие или воспоминание стало активным (Besetzt), деятельным, оно должно быть «снабжено»—besetzt известным количеством аффективной, либидинозной или исходящей из влечений „я“ энергии (интерес); другими словами, присоединение к представлению или воспоминанию либидинозного или другого интереса—что Freud называет Besetzung—придает им активность, действенность. Придерживаясь общего смысла фразы, слово Besetzung можно перевести, как привязанность (к обьекту), либидо или же как активную силу (активность) как следствие такой привязанности.

активности посредством бессознательной. Кстати мы замечаем, что непреднамеренно мы положили в основу этого рассуждения предположение, что переход из системы Ubw в ближайшую систему происходит не посредством новой записи, а посредством изменения состояния, перемены в активной энергии. Функциональное предположение в данном случае без труда одержало верх над топическим.

Этот вопрос отнятия либидо, однако, недостаточен, чтобы объяснить другую особенность вытеснения. Невозможно понять, почему бы представлению, сохранившему свою активность или получившему ее из Ubw, не возобновить попытки проникнуть с систему Vbw благодаря своей активности. В таком случае должно было бы повториться отнятие либидо, и та же игра бесконечно продолжалась бы, но в результате не было бы вытеснения. Таким же образом оказался бы несостоятельным описанный механизм отнятия предсознательной активной энергии и в том случае, если бы дело касалось первичного вытеснения; в этом случае мы имели бы дело с бессознательным представлением, не получившим еще активности из Vbw и у которого она поэтому и не может быть отнята.

Здесь нам нужно представить себе другой процесс, который в первом случае поддерживает вытеснение, а во втором— создает и сохраняет его. Такой процесс мы можем видеть только в предположении противодействия (Gegenbesetzung), посредством которого система Vbw защищается от натиска бессознательного представления. На клинических примерах мы увидим, в чем выражается такого рода противодействие, развивающееся в системе Vbw. Это противодействие представляет собой постоянное усилие, создающее первичное вытеснение и обеспечивающее длительность этого вытеснения. Такое противодействие составляет механизм первичного вытеснения; при собственном вытеснении (подталкивание) присоединяется еще отнятие предсознательной активности. Весьма возможно, что именно та энергия, которая отнимается у представления, истрачивается на это противодействие.

Мы замечаем, что при описании психических феноменов мы постепенно дошли до выявления, помимо динамической и топической, еще третьей, экономической точки зрения,

стремящейся к тому, чтобы проследить судьбы количеств возбуждений и получить возможность, по крайней мере относительно, их оценивать. Мы найдем нужным обозначать особым названием точку зрения, являющуюся завершением психоаналитического исследования. Я предлагаю назвать метапсихологическим такое описание психического процесса, при котором нам удается описать этот процесс в динамическом, топическом и экономическом отношениях. Наперед можно сказать, что в настоящем состоянии наших научных взглядов нам это удастся только в некоторых случаях.

Сделаем робкую попытку дать метапсихологическое описание процесса вытеснения при трех известных нам «неврозах перенесения». При этом можем заменить «активную энергию» понятием «либидо», потому что, как мы знаем, ведь речь идет о судьбах сексуальных влечений.

При истерии страха часто не замечается первая фаза процесса; может быть, она и действительно пропускается, но при тщательном наблюдении ее легко различить. Состоит она в том, что наступает страх, хотя и незаметно, по какой причине. Можно предположить, что в Ubw имелось любовное чувство, требовавшее перехода в систему Vbw; но направленная со стороны этой системы к означенному любовному движению активность как бы обращается в бегство, снова отнимается, и бессознательное либидо отвергнутого представления проявляется в виде страха. В случаях повторения этого процесса предпринимается первый шаг к тому, чтобы преодолеть это неприятное развитие страха. Эта отнятая активность соединяется с замещающим представлением, которое, с одной стороны, ассоциативно связано с отвергнутым представлением, а с другой стороны, благодаря отдаленности от него, осталось не вытесненным (замена посредством сдвига) (Verschiebungsersatz) и допускает рационализацию еще неподающегося задержке страха. Замещающее представление играет в системе Bw (Vbw) роль противодействия благодаря тому, что защищает Bw от возникновения в нем вытесненного представления; с другой стороны, оно является исходным пунктом теперь только совершенно несдерживаемого аффекта страха и сопровождается соответствующим аффективным тоном. Клиническое наблюдение показывает, например, что ребенок, страдающий фо-

биями животных, испытывает страх в двух случаях: во-первых, когда усиливается вытесненное любовное чувство, и, во-вторых, когда он видит животное, внушающее страх. Замещающее представление в одном случае играет роль передаточного места из системы Ubw в систему Bw, а в другом случае— самостоятельного источника развития страха. Расширение власти системы Bw обыкновенно выражается в том, что первый способ возбуждения, замещающего представления, все больше переходит во второй. Может быть, в конце концов ребенок ведет себя так, как будто он совсем не имеет никакой привязанности к отцу, совсем освободился от его влияния и действительно боится животного. Но дело в том, что этот страх перед животным поддерживается бессознательными влечениями, почему он оказывается слишком сильным и неподдающимся никаким воздействиям из системы Bw — чем и выдает свое происхождение из системы Ubw.

Противодействие (Gegenbesetzung) со стороны системы Bw привело, таким образом, во второй фазе развития истерии страха к появлению замещающего образования. Тот же механизм скоро опять находит применение. Как нам известно, процесс вытеснения еще не закончился, у него возникает новая цель в виде задачи сдержать развитие страха, исходящего из этого замещающего представления. Это происходит следующим образом: все близкие к замещающему представлению ассоциации приобретают особенную интенсивность, благодаря чему становятся особенно чувствительными ко всякому возбуждению. Возбуждение какого-нибудь места в этом охранительном заграждении должно дать повод к развитию небольшого страха вследствие связи с замещающим представлением. Этот страх служит сигналом к тому, чтобы посредством вторичного бегства активной энергии сдержать дальнейшее развитие страха. Чем дальше от внушающего страх заменяющего представления воздвигаются чувствительные и бдительные противодействия, тем точнее может функционировать механизм, назначение которого изолировать это замещающее представление и устранять от него новые возбуждения. Эти меры предосторожности охраняют, разумеется, только против таких возбуждений, которые проникают к замещающему представлению извне посредством восприятия, но они никогда не могут защитить замещающее предста-

вление от возбуждений, исходящих от влечений, которые проникают к замещающему представлению через посредство его связи с вытесненным представлением. Они поэтому начинают действовать только тогда, когда заменяющее представление окончательно заменило вытесненное в сознании; но нельзя быть уверенным в том, насколько они действительны. При первом же усилении возбуждений влечений предохранительное заграждение вокруг заменяющего представления должно быть выдвинуто дальше вперед. Вся конструкция, выдвигаемая аналогичным образом, и при других неврозах носит название ф о б и и. Выражением бегства перед сознательным активированием (Besetzung) заменяющего представления являются отказы, запреты, старания избегать того или другого, составляющие признаки истерии страха. Если сделать обзор всего этого процесса, то можно сказать, что третья фаза повторила в увеличенном размере работу второй фазы. Система Bw защищается от активирования, заменяющего представления, противодействием всех близких ассоциаций, подобно тому как оно раньше защищалось от возникновения вытесненного представления перенесением активности на заменяющее представление. Образование замены—посредством сдвига,—таким образом, не прекращается. Необходимо еще прибавить, что сначала система Bw имела маленькое место, служившее брешью для прорыва вытесненного влечения, а именно—одно только заменяющее представление; но что в конце концов вся эта фобическая надстройка соответствует изоляции влияния бессознательного. Далее следует подчеркнуть еще и ту интересную точку зрения, что благодаря всему этому пущенному в ход механизму отражения достигается проекция во вне опасности, исходящей от влечения. «*я*» держится так, как будто опасность развития страха угрожает ему не со стороны влечения, а со стороны внешнего восприятия, и оно может поэтому реагировать на эту внешнюю опасность бегством в форме фобических мероприятий. Одно достигается при этом процессе вытеснения: до известной степени удается сдержать развитие страха, но ценою тяжелых жертв—личной свободой. Но попытки бегства перед требованиями влечений оказываются в общем бесполезными, а потому результат фобического бегства все-таки мало удовлетворителен.

Бо́льшая часть обстоятельств, открытых нами при истерии страха, относится также к двум другим неврозам, так что в дальнейших рассуждениях мы можем ограничиться рассмотрением различий и роли противодействия (Gegenbesetzung). При конверзионной истерии энергия влечения вытесненного представления превращается в инервацию симптома. Вопрос о том, поскольку и при каких условиях благодаря такому оттоку энергии в инервацию дренируется бессознательное представление, так что оно может прекратить свой нажим на систему Bw, и другие подобные вопросы лучше оставить для специального исследования истерии. Роль противодействия (Gegenbesetzung), исходящего из системы Bw (Vbw), совершенно ясна при конверзионной истерии и проявляется в образовании симптома. От противодействия зависит выбор части психического коррелата влечений, на которой концентрируется вся активная сила. Избранная для образования симптома часть должна удовлетворять требованию одновременно выражать как цель желания влечения, так и противодействия или стремления к наказанию системы Bw; эта часть получает двойной приток активной силы и поддерживается с двух сторон, подобно замещающему представлению при истерии страха. Отсюда сам собой напрашивается вывод, что трата энергии на вытеснение со стороны системы Bw не должна быть так велика, как энергия активности (Besetzungsenergie), потому что сила вытеснения измеряется необходимым противодействием, а симптом опирается не только на противодействие, но также и на сконцентрированную в нем активность влечения из системы Ubw.

Относительно невроза навязчивости мы можем прибавить к изложенным выше замечаниям только то, что при нем противодействие системы Bw явственнее всего выступает на первый план; именно оно, организованное, как реактивное образование, совершает первое вытеснение, и на нем же впоследствии происходит обратный прорыв вытесненного представления. Есть основание предполагать, что преобладающая роль противодействия и отсутствие оттока энергии являются причиной того, что при истерии страха и неврозе навязчивости вытеснение оказывается менее удачным, чем при конверзионной истерии.

Особенные свойства системы Ubw.

Особое значение получает подразделение на две психические системы, если мы обратим внимание на то, что процессы, происходящие в одной системе Ubw, обладают такими свойствами, каких нет в ближайшей высшей системе.

Ядро Ubw состоит из психического коррелата влечений, которые стремятся дать выход своей энергии, т.-е из желаний. Эти влечения координированы одно с другим, существуют рядом, не оказывая влияния друг на друга, и не противоречат друг другу. Если становятся одновременно активными два таких желания, цели которых должны казаться несовместимыми, то эти оба душевных движения не отдаляются одно от другого и не уничтожают одно другое, а объединяются для образования средней цели, компромисса.

В этой системе нет отрицания, нет сомнения, нет различных степеней достоверности. Все это привносится благодаря деятельности цензуры между Ubw и Vbw. Отрицание представляет собой замену вытеснения более высокой ступени. В бессознательном имеются только в бо́льшей или меньшей степени активные содержания.

Господствует гораздо большая подвижность интенсивности активной силы, благодаря процессу сдвига (Verschiebung) одно представление может передать все количество своей активной силы другому, благодаря сгущению (Verdichtung) оно может сконцентрировать на себе всю активность многих представлений. Я предложил смотреть на оба эти процесса, как на признаки так называемого психического первичного процесса (Primärvorgang). В системе Vbw господствует вторичный процесс (Sekundärvorgang) [1]); там, где такой первичный процесс может разыграться на элементах системы Vbw, он кажется комическим и вызывает смех.

Процессы системы Ubw находятся вне времени, т.-е. они не распределены во временной последовательности, с течением времени не меняются, вообще не имеют никакого отношения к времени. Отношения во времени также связаны

---

[1]) См. изложенное в VII отделе толкование сновидений, основывающееся на высказанных J. Breuer'ом идеях в «Studien über Hysterie».

с системой Bw. Процессы Ubw также мало принимают во внимание реальность. Они подчинены принципу наслаждения; судьба их зависит только от того, насколько они сильны и отвечают ли они требованиям регулирования наслаждения—неудовольствия (Lust—Unlust).

Итак, повторим: отсутствие противоречия, первичный процесс (подвижность активной силы), течение вне времени и замена внешней реальности психической—таковы признаки, которые мы можем найти в процессах, относящихся к системе Ubw [1]).

Мы узнаем бессознательные процессы только при условиях сновидения и невроза, т.-е. тогда, когда процессы более высокой системы Ubw, благодаря понижению (регрессии), переводятся на более раннюю ступень. Сами по себе они незаметны и неспособны к существованию, потому что система Ubw очень рано покрывается Vbw, которая овладевает подступом к сознанию и к двигательной сфере. Отток энергии системы Ubw переходит в виде телесной иннервации к развитию аффекта, но, как мы слышали, и этот путь к разрежению у него оспаривает Vbw. Сама по себе при нормальных условиях система Ubw не могла бы произвести ни одного целесообразного мускульного действия, за исключением организованных уже в рефлексы.

Полное значение описанных признаков системы Ubw может стать нам ясным только тогда, когда мы противопоставили их свойствам системы Vbw и сравним одни с другими. Однако это завело бы нас так далеко, что я предлагаю опять согласиться на отсрочку и приступить к сравнению обеих систем только в связи с исследованием высшей системы. Теперь же упомянем только о самом необходимом.

В процессах системы Vbw — безразлично осознаны ли они уже или только могут быть осознаны — имеется склонность к задержке способности к оттоку энергии от действенных представлений. Если процесс переходит с одного представления на другое, то первое представление сохраняет часть своей активной силы и только небольшая часть этой силы претерпевает сдвиг. Сдвиг и сгущение, подобные тем, какие бывают при первичном процессе в Vbw, исключаются

[1]) Обсуждение другого значительного преимущества Ubw мы оставляем до другого раза.

или очень ограничены. Это обстоятельство побудило J. Breuer'a допустить два различных состояния активной энергии душевной жизни: одну—тонически связанную и другую—свободно подвижную, стремящуюся к выходу. Я полагаю, что это различие составляет до настоящего времени глубочайшее понимание нами сущности нервной энергии, и не вижу, как можно обойтись без него. Для метапсихологического описания является необходимой потребностью — но, может быть, еще слишком рискованным предприятием—продолжать дискуссию по этому вопросу.

В системе Vbw создается возможность сообщения между содержанием представлений с целью оказывать влияние друг на друга, создаются расположения этих представлений во временном порядке, организация одной или нескольких цензур, и испытание реальности и принцип реальности. Также и сознательная память зависит, повидимому, от Vbw; ее необходимо строго отличать от следов воспоминаний, в которых зафиксированы переживания Ubw. Память соответствует, вероятно, особой записи в роде той, которую мы хотели было допустить для изображения зависимости между сознательными и бессознательными представлениями, но сейчас же отказались от этого. В связи с этим мы получим средство покончить с наименованием высшей системы, которую мы теперь, за отсутствием точных указаний, называем то Vbw, то Bw.

Теперь своевременно высказать предупреждение—не обобщать слишком поспешно того, что мы открыли относительно распределения душевной деятельности между обеими системами. Мы описываем обстоятельства так, как они проявляются у зрелого человека, у которого система Ubw, строго говоря, функционирует только как предварительная ступень высшей организации. Из нашего описания не следует делать вывода о том, какое содержание имеет эта система, и каково ее отношение в период индивидуального развития, и какое значение она имеет у животного; это должно составить предмет самостоятельного исследования. Но мы должны считаться с возможностью найти и у человека такие болезненные условия, при которых меняется содержание и признаки обеих систем или даже когда они совершенно заменяют одни других.

Сообщение между обеими системами. Продукты Ubw.

Было бы неверно представить себе, что Ubw остается в покое в то время, как вся психическая работа проделывается в Vbw, что Ubw представляет собою нечто такое, с чему же покончено,—рудиментарный орган, остаток после завершенного развития. Не менее ошибочно было бы предполагать, что сообщение между двумя системами ограничивается актом вытеснения, благодаря которому Vbw сбрасывает в пропасть Ubw—все, что ему кажется помехой. Ubw живет, способно к развитию и поддерживает с Vbw целый ряд связей; между прочим, они иногда действуют и совместно. Обобщая следует сказать: Ubw продолжает свое существование в так называемых отпрысках (Abkömmlinge), оно доступно воздействию жизни, всегда влияет на Vbw и с своей стороны даже подвергается влиянию Vbw.

Изучение отпрысков Ubw разочарует нас в нашей надежде на схематически строгое разделение между обеими психическими системами. Это, наверное, вызовет неудовольствие результатами нашей работы и, вероятно, будет использовано для того, чтобы подвергнуть сомнению ценность нашего способа подразделять психические процессы. Однако мы укажем, что не ставили себе другой задачи, как только обратить в теорию результаты наблюдений, но отказываемся от обязательства с самого начала создать теорию, подкупающую своей простотой. Мы отстаиваем ее осложнения, поскольку они соответствуют наблюдениям, и не отказываемся от надежды, что именно эти осложнения приведут нас к окончательному познанию истинного положения вещей, простому по существу, но соответствующему осложнениям реальности.

Между отпрысками Ubw влечений описанного характера встречаются некоторые, соединяющие в себе противоположные назначения. С одной стороны, они высоко организованы, свободны от противоречий, использовали все достижения системы Bw и, по нашему суждению, мало чем отличаются от этой системы. С другой стороны, они бессознательны и неспособны стать сознательными. Качественно они принадлежат, таким образом, системе Vbw, а фактически Ubw. Происхождение их остается решающим моментом, определяющим

их участь. Их можно сравнить с помесями человеческих рас, в общем уже совсем похожими на белых, но выдающими свое цветное происхождение той или другой странной чертой и потому остающихся исключенными из общества и лишенными всех преимуществ белых. Таковы фантазии нормальных и невротиков, в которых мы открыли предварительную ступень сновидений и образований симптомов и которые, несмотря на свою высокую организацию, остаются вытесненными и не могут быть осознанными. Они приближаются к сознанию и не испытывают помехи, пока у них нет интенсивной активной силы, но отбрасываются назад от сознания, как только их активность переходит за определенную степень. Точно такие же, более высоко организованные отпрыски Ubw представляют из себя заменяющие образования, которым, однако, удалось прорваться к сознанию благодаря какому-нибудь благоприятному взаимоотношению, как, например, благодаря совпадению с Vbw.

Если мы в другом месте подробнее исследуем условия процесса осознания, то сможем разрешить часть возникающих здесь затруднений. Теперь нам кажется уместным противопоставить способу рассмотрения вопроса, исходящему из бессознательного, которого мы придерживались до сих пор,—противоположный, исходящий из сознания. Сознанию противопоставляется вся сумма психических процессов как область предсознательного. Очень большая часть этого предсознательного исходит из бессознательного, носит характер его отпрысков и прежде, чем быть осознанной должна быть подвергнута цензуре. Другая часть Vbw способна проникнуть в сознание без цензуры. Здесь мы впадаем в противоречие с прежним предположением. При рассмотрении вопроса о вытеснении мы были вынуждены поместить цензуру, решающую вопрос об осознании, между Ubw и Vbw. Теперь мы готовы допустить цензуру между Vbw и Bw. Однако мы поступим правильно, если не увидим в этом осложнении большой трудности, а допустим, что каждому переходу от одной системы в ближайшую высшую, т.-е. каждому шагу вперед к высшей ступени психической организации, соответствует новая цензура. Благодаря этому, однако, совершенно отпадает предположение о беспрерывном обновлении записей.

Причину всех этих трудностей нужно искать в том, что момент осознанности, единственный непосредственно данный нам признак психических процессов, никоим образом не годится для того, чтобы стать и признаком различия систем. Независимо от того, что сознательное не всегда сознается, а временно бывает также латентным, наблюдение показало нам, что многое, обладающее качествами системы Vbw, не становится сознательным; кроме того, нам предстоит еще узнать, что осознание ограничивается еще известным направлением сознательного внимания. Сознание не находится, таким образом, в прямых отношениях ни к системам, ни к вытеснению. В действительности не только психически вытесненное остается чуждым сознанию, но также и часть господствующих в нашем «*я*» душевных движений, т.-е. самое сильное,—функциональная противоположность вытесненного. По мере того, как мы продвигаемся к метапсихологическому пониманию душевной жизни, мы должны научиться эмансипироваться от значения симптома «сознательность».

Пока мы не освободились от этого симптома, мы всегда видим, что наши обобщения нарушаются исключениями. Мы видим, как отпрыски Vbw становятся сознательными в виде заменяющих образований симптомов, обычно после того, как подверглись большим искажениям в сравнении с бессознательным, но часто сохраняя многие признаки, подлежащие вытеснению. Мы находим, что много предсознательных образований остается бессознательными, хотя они, по нашему мнению, по природе своей вполне могли бы быть осознанными. Вероятно, на них сказывается более сильное притяжение со стороны Ubw. Мы вынуждены искать более важного различия между предсознательным и бессознательным, а не между сознательным и предсознательным. Ubw не допускается цензурой на границе с Vbw, но отпрыски Ubw могут обойти эту цензуру, приобрести высокую организацию, возрасти в Vbw до известной интенсивности активной силы, но тут, когда они, перейдя через известную границу этой интенсивности, пытаются проникнуть в сознание, открывается их происхождение из Ubw, и на новой пограничной цензуре между Vbw и Bw они снова подвергаются вытеснению. Первая цензура функционирует против самого Ubw, а последняя—против предсознательных отпрысков Ubw. Мож-

но было бы подумать, что в течение индивидуального развития цензура продвинулась немного вперед.

Во время психоаналитического лечения мы приводим неопровержимое доказательство существования второй цензуры между системами Vbw и Bw. Мы требуем от больного, чтобы он воспроизводил большое количество отпрысков Ubw, обязываем его преодолевать возражения цензуры против осознания этих предсознательных образований и победой над этой цензурой пробиваем себе путь к устранению вытеснения, являющегося делом рук прежней цензуры. Присоединим сюда замечание, что существование цензуры между Vbw и Bw напоминает нам о том, что осознание не является простым актом восприятия, а, вероятно, следствием усиленной концентрации активной силы (Uberbesetzung), дальнейшим успехом психической организации.

Обратимся теперь к вопросу о сообщении бессознательного с другими системами не столько для того, чтобы открыть нечто новое, как для того, чтобы не пропустить самого очевидного. В истоках деятельности влечений больше всего сообщаются между собой системы. Часть возникших здесь процессов проходит через Ubw, как через подготовительную ступень, и достигает высшего психического развития в Bw, другая часть задерживается как Ubw. Но Ubw достигают также переживания, исходящие из внешних восприятий. Все пути от восприятия к Ubw остаются обыкновенно свободными; только пути, ведущие от Ubw дальше, преграждаются вытеснением.

Замечательно, что Ubw одного человека может непосредственно влиять на Ubw другого, обойдя его Bw. Этот факт заслуживает подробного исследования особенно в том отношении, исключилась ли совершенно при этом предсознательная деятельность; но факт неоспорим и заслуживает точного описания.

Содержание системы Vbw (или Bw) происходит отчасти от деятельности влечений (через посредство Ubw), отчасти из восприятий. Подлежит еще сомнению, в какой мере процессы этой системы могут оказывать непосредственное влияние на Ubw; исследование патологических случаев часто доказывает невероятную самостоятельность Ubw и неподатливость его влиянию других систем. Болезни характеризуются вооб-

щее полным расхождением стремлений, абсолютным распадом обеих систем. Однако психоаналитическое лечение построено на воздействии на Ubw через Bw и во всяком случае показывает, что такое воздействие не невозможно, хотя и удается с большим трудом. Отпрыски бессознательного, являющиеся посредственным звеном между обеими системами, прокладывают путь для такой психоаналитической работы, но мы допускаем, что изменение Ubw, протекающее самостоятельно под влиянием Bw, представляет собой трудный и длительный процесс.

Сотрудничество предсознательного и бессознательного, даже интенсивно вытесняемого душевного движения, может иметь место, если создается такая ситуация, что бессознательное душевное движение оказывает действие, одинаковое по смыслу с каким-нибудь господствующим в сознании стремлением. В этом случае вытеснение прекращается и вытесненная активность принимается как усиление намерений «*я*». Бессознательное по отношению к этой одной только констелляции находит оправдание со стороны «*я*» без того, чтобы что-нибудь изменилось в вытесненном бессознательном. При таком сотрудничестве успех, одерживаемый Ubw,—очевиден; усиленные стремления проявляются все-таки иначе, чем нормальные: они создают способность к исключительной по совершенству деятельности и проявляют такую же сопротивляемость, против возражений, как навязчивые симптомы.

Содержание Ubw можно сравнить с психическими аборигенами. Если у человека имеются унаследованные психические образования, нечто аналогичное инстинкту животных, то это составляет ядро бессознательного. К ядру позже присоединяется все устраненное в период детского развития из сознания как недопустимое по природе своей, ничем не отличающееся от унаследованного. Резкое и окончательное разделение содержания обеих систем обыкновенно устанавливается только к наступлению половой зрелости.

Узнавание бессознательного.

Вышеизложенными рассуждениями исчерпывается все, что можно сказать об Ubw, поскольку пользуешься материалом только из знакомства с сновидением и неврозами перенесе-

ния. Это, безусловно, немного, местами производит впечатление неясного и спутанного и оставляет желать возможности привести Ubw в классификационную связь с уже известным или ввести его в состав уже знакомого. Только анализ заболеваний, названных нами нарцистическими психоневрозами, обещает нам открыть необходимые точки зрения, благодаря которым загадочное Ubw станет нам более знакомым, как бы легко осязаемым.

Со времени работы Abraham'a (1908 г.), повод к которой добросовестный автор приписывает мне, мы пытаемся характеризовать Dementia praecox Kraepelin'a (Schizophrenia Bleuler'a) ее отношением к противоположности между «*я*» и объектом. При неврозах перенесения (истерии страха и конверзионной истерии, неврозе навязчивости) не было ничего такого, что могло бы выдвинуть на первый план это противоречие. Правда, было известно, что невозможность овладеть объектом ведет к возникновению невроза и что невроз влечет за собой отказ от реального объекта, а также что отнятое у реального объекта либидо возвращается к воображаемому объекту и дальше к вытесненному—Introversio. Но привязанность к объектам вообще удерживается при этих болезнях с большой энергией, и более детальное изучение процесса вытеснения показало нам, что в системе Ubw, несмотря на вытеснение или правильнее вследствие его, — сохраняется привязанность к объектам. Способность к перенесению чувств, которые мы используем при этих заболеваниях с терапевтической целью, предполагает ненарушенную привязанность к объектам.

При шизофрении же мы вынуждены были остановиться на предположении, что после процесса вытеснения отнятое у объектов либидо не ищет нового объекта, что в данном случае, следовательно, привязанность к объектам прекращается и снова восстанавливается примитивное состояние нарцизма, при котором нет объектов. Неспособность этих пациентов к перенесению чувств—поскольку распространен процесс болезни,—вытекающая отсюда их недоступность для терапии, свойственное им отрицание внешнего мира, проявляющиеся признаки преувеличенной привязанности к собственному «*я*», конечная апатия в последней фазе болезни,—все эти клинические признаки как будто прекрасно подтверждают пред-

положение об отказе от привязанности к объектам. Что касается взаимоотношения обеих систем, то всем наблюдателям бросилось в глаза, что при шизофрении высказывается вполне сознательно много такого, что при неврозах перенесения должно было быть открыто в бессознательном при помощи психоанализа. Но сначала не удавалось установить понятную связь между взаимоотношением «*я*»—объект и относительной степенью сознания.

Искомая связь, как кажется, открывается следующим неожиданным путем. При шизофрении можно наблюдать, особенно в поучительных начальных стадиях, определенные изменения языка, из которых некоторые заслуживают рассмотрения с определенной точки зрения. Способ выражения часто становится предметом особой заботливости, он становится «неестественным», «манерным». В фразах проявляется особая дезорганизация построения, благодаря которой они становятся непонятными, так что мы считаем речи больных нелепыми. В содержании этих речей на первый план часто выдвигаются отношения к органам или иннервациям тела. К этому можно еще прибавить, что в подобных симптомах шизофрении, соответствующих истерическим или навязчивым, заменяющим образованиям, отношения между заменяющим и вытесненным показывают особенности, которые нас удивили бы при обоих упомянутых неврозах.

Доктор V. Tausk (Вена) предоставил в мое распоряжение некоторые из своих наблюдений над начальными стадиями шизофрении, которые отличаются тем преимуществом, что больная сама еще охотно объясняла свои речи. На двух из его примеров покажу, какой взгляд я собираюсь защищать; впрочем, я ничуть не сомневаюсь, что всякому наблюдателю будет нетрудно раздобыть такой материал в большом количестве.

Одна больная Tausk'a, девушка, попавшая в клинику после ссоры со своим возлюбленным, жалуется:

Глаза стоят неправильно, они отведены (Die Augen sind nicht richtig sie sindverdreht). Она сама это объясняет, в совершенно связной речи, рядом упреков по адресу возлюбленного. «Она его совсем не может понять, всякий раз у него другой вид, он — льстец, он отводит глаза (ein Augen verdreher), он отвел ей глаза, теперь у нее отведен-

ные глаза, у нее уже больше не ее глаза, она смотрит на свет другими глазами».

То, что больная говорит по поводу своей непонятной речи,—равноценно анализу, так как содержит эквивалент этой речи в общепонятных выражениях; в то же время ее слова объясняют значение и происхождение шизофренического словообразования. В согласии с Tausk'ом я подчеркиваю в этом примере то, что отношение к органу (глазу) замещает все содержание речи. Шизофреническая речь имеет здесь ипохондрическую черту,—она стала языком органов.

Другое заявление этой же больной: «она стоит в церкви, вдруг она чувствует толчок, она должна стать иначе (Sich anders stellen), как будто ее кто-то поставил (als stellte sie jemand), как будто она поставлена (als würde sie gestellt)».

К этому относится анализ в целом ряде упреков по адресу возлюбленного: «Он пошляк, сделавший ее, такую утонченную по своему воспитанию, также пошлой. Он сделал ее похожей на себя, так как убедил ее, что превосходит ее; теперь она стала такой же, как он, потому что думала, что станет лучше, если будет похожа на него. Он представлялся (скрывался—er hat sich verstellt), «теперь она такая же, как и он (идентификация!), он ее подменил (er hat sie verstellt)».

Движение, состоящее в том, что «она иначе» стала,—замечает Tausk — является изображение слова «представляться» и отождествление с возлюбленным. Я опять подчеркиваю преобладание того элемента из всего хода мыслей, который имеет своим содержанием телесную иннервацию (правильнее,—ощущение этой иннервации). Истеричка в первом случаи судорожно бы закатила глаза, во втором — действительно произвела бы толчок, вместо того, чтобы почувствовать импульс к этому или ощущение этого, и в обоих случаях у нее не было бы сознательной мысли об этом и впоследствии она не в состоянии была бы высказывать такие мысли.

Вот что показывают оба наблюдения по поводу того, что мы назвали ипохондрическим языком органов. Но, что нам кажется более важным, они указывают и на другое положение вещей, которое очень часто можно доказать,

например, на собранных в монографии Bleuler'a случаях, и которое можно выразить в определенной формуле. При шизофрении слова подвергаются тому же процессу, который делает из латентных мыслей сновидения картины сновидения и который мы назвали первичным психическим процессом. Они подвергаются сгущению и при помощи сдвига передают одно другому без остатка свои активные энергии; процесс может пойти так далеко, что единственное слово может заменить целую цепь мыслей, если только это слово пригодно к этому благодаря своей многозначимости. Работы Bleuler'a, Jung'a, и их учеников содержат много материала, доказывающего именно это положение [1]).

Прежде, чем мы сделаем вывод из этих впечатлений, упомянем еще о тонком, но производящем странное впечатление различии между шизофреническими и истерическими и навязчивыми, заменяющими образованиями. Пациент, которого я в настоящее время наблюдаю, отвлечен от всех жизненных интересов дурным состоянием кожи на своем лице. Он утверждает, что на лице у него угри и глубокие дыры, видные всякому. Анализ доказывает, что он разыгрывает на своей коже свой кастрационный комплекс. Сначала он без всякого раскаяния возился со своими угрями, выдавливание которых доставляло ему большое удовольствие, потому что, как он говорил, при этом кое-что выбрызгивалось. Затем он начал думать, что всюду, где он удалял угри, образовалась ямка, и он делал себе жесточайшие упреки за то, что вследствие «постоянной возни с рукой» он навсегда испортил себе кожу. Совершенно очевидно, что выжимание содержимого угрей заменяло ему онанизм. Затем образующаяся по его вине ямка, представляет собой женские гениталии, т.-е. осуществление вызванной онанизмом угрозы кастрации (или заменяющие ее фантазии). Это заменяющее образование, несмотря на свой ипохондрический характер, имеет много сходства с истерической конверсией, и все же здесь чувствуется, что в данном случае происходит что-то другое, что нельзя допустить подобного заменяющего

[1]) Иногда работа сновидений обращается со словами, как с вещами, и создает тогда очень похожие «шизофренические» речи или новообразования слов.

образования при истерии, еще до того, как возможно указать, на чем основано это различие. Маленькую ямочку, вроде кожной поры истерик вряд ли превратит в символ вагины, которую он обычно сравнивает со всевозможными предметами, заключающими какую-нибудь полость. Мы также полагаем, что большое количество ямочек удержит его от того, чтобы заменить ими женские гениталии. То же можно сказать об одном юноше пациенте, о котором Tausk несколько лет тому назад сделал сообщение в Венском психоаналитическом обществе. Он держал себя обычно совсем как страдающий навязчивостью, часами совершал свой туалет и т. п. Но странным было у него то, что он мог без всякого сопротивления рассказывать о значении своих задержек. При натягивании чулок, например, ему мешала мысль, что он может растянуть сеть ткани, т.-е. дырки, а каждая дырка имела для него значение символа женских половых отверстий. И этого нельзя допустить у страдающего невязчивостью. Такой больной, которого наблюдал R. Reitler, страдавший тем, что также испытывал задержки при одевании чулок, нашел после того, как преодолел сопротивление, объяснение: что нога является символом penis'a, а натягивание чулка—онанистическим актом; и он должен был беспрерывно надевать и снимать чулок отчасти для того, чтобы усовершенствовать картину онанизма, отчасти, чтобы отрицать, что он совершал его.

Если мы себя спросим теперь, что придает странный характер шизофреническому заменяющему образованию и симптому, то поймем, наконец, что это делает преобладание словесных отношений над предметными. Между выдавливанием угря и эякуляцией из penis'a имеется очень маленькое предметное сходство, и еще меньшее—между бесчисленными мелкими порами кожи и вагиной; но в первом случае и тот и другой раз выбрызгивается что-то, а ко второму случаю дословно подходит циничная фраза: «дырка есть дырка». Сходство словесного выражения, а не сходство обозначаемых вещей предписывает замену. Там, где слово и вещь не совпадают, шизофреническое заменяющее образование отличается от такового при неврозах перенесения.

Приведем этот взгляд в связь с предположением, что при шизофрении исчезает привязанность к объектам. В таком

случае мы должны изменить: привязанность к словесным представлениям объектов сохраняется. То, что мы можем назвать сознательным представлением об объекте, распадается для нас теперь на словесное представление и предметное представление, состоящие в активности, если не непосредственных образов воспоминания о предметах, то, по меньшей мере, более отдаленных, отходящих от них следов воспоминаний. Тут мы вдруг узнаем, чем отличается сознательное представление от бессознательного. И то и другое являются не различными, как мы думали, записями того же содержания в различных психических местах и не различными функциональными состояниями активности в одном и том же месте, а сознательное представление обнимает предметное представление плюс соответствующее словесное представление, а бессознательное — состоит только из одного предметного представления. Система Ubw содержит предметные активные силы объектов, первые действительные привязанности к объекту; система Vbw образуется благодаря тому, что активность этих предметных представлений возрастает вследствие связи с соответствующими представлениями. Такие именно усиления активной силы, как мы можем предполагать, создают более высокую психическую организацию и делают возможной замену первичного процесса господствующим в Vbw вторичным процессом. Теперь мы можем также точно выразить, в чем именно отказывает вытеснение при неврозах перенесения отвергнутому представлению: выражению словом, которое должно содержаться связанным с объектом. Невыраженное словом представление или необладающий усиленной активностью психический акт остается тогда в Ubw—как вытесненный.

Я должен обратить внимание—как давно уже нам было известно то, благодаря чему нам теперь понятен один из самых странных признаков шизофрении. На последней странице опубликованного в 1900 г. «Толкования сновидений» указывается, что мыслительные процессы, т.-е. наиболее отдаленные от восприятий процессы активирования сами по себе качественно безразличны, бессознательны и получают способность становиться сознательными только благодаря связи с остатками словесных восприятий. Словесные представления, в свою очередь, происходят от чув-

ственных восприятий таким же образом, как и предметные представления, так что возникает вопрос, почему представления объектов не могут быть осознаны посредством их же собственных остатков восприятий. Но, вероятно, мышление происходит в процессах столь отдаленных от первоначальных остатков восприятий, что они ничего больше не получают от их качеств и нуждаются в усилении новыми качествами для того, чтобы стать сознательными. Кроме того, благодаря создающейся связи со словами качество могут приобрести и такие активные представления (Besetzungen), которые не получили никакого качества от восприятий, потому что соответствуют только взаимоотношению между объектами. Такие, только благодаря словам ставшие уловимыми взаимоотношения составляют главную часть наших мыслительных процессов. Мы понимаем, что вступление в связь с словесными представлениями еще не совпадает с осознанием, а создает только возможность его, что оно, следовательно, характеризует только систему Vbw. Но тут мы замечаем, что с этими соображениями мы отступаем от нашей настоящей темы и попадаем в самую суть проблем предсознательного и бессознательного, которые мы считаем более целесообразными отложить до специального исследования.

Относительно шизофрении, которой мы здесь касаемся лишь постольку, поскольку нам это кажется необходимым для общего ознакомления с Ubw, у нас возникает сомнение, имеет ли процесс, названный вытеснением при этом заболевании, вообще что-нибудь общее с вытеснением при неврозах перенесения. Формула, что вытеснение — процесс, происходящий между системами Ubw и Vbw (Bw) и ведущий к устранению вытесненного из сознания, нуждается во всяком случае в изменении, чтобы ее можно было распространить и на Dementia praecox и на другие нарцистические заболевания. Но в общем все же остается попытка к бегству «*я*», выражающаяся в отнятии сознательных привязанностей. Уже самое поверхностное соображение показывает, насколько глубже и основательнее это бегство «*я*» при нарцистических неврозах.

Если при шизофрении это бегство состоит в отнятии активной силы влечений в тех местах, которые заняты бессознательными представлениями объектов, то странным ка-

жется, что относящееся к системе Vbw часть тех же представлений объектов — соответствующие им словесные представления — приобретают более интенсивную активность. Скорее следовало бы ожидать, что словесные представления в качестве предсознательной части этих бессознательных представлений объектов должны принять первый удар вытеснения и лишиться совершенно своей активности, раз вытеснение дошло до бессознательных предметных представлений. Во всяком случае это довольно трудно понять. Это объясняется тем, что восстановление активности словесных представлений не относятся к акту вытеснений, а является первой попыткой к исцелению или выздоровлению, которая так явно преобладает в клинической картине шизофрении. Попытки последнего рода стремятся вновь овладеть утерянными объектами и весьма возможно, что с этой целью они направляются к объекту через словесную его часть; но тут они вынуждены, однако, удовлетвориться словами вместо предметов. Наша душевная деятельность вообще развивается в двух противоположных направлениях: или от влечений через систему Ubw к сознательному мышлению, или под влиянием внешних возбуждений через систему Ubw и Bw до бессознательных активных представлений (Besetzungen) «*я*» и объектов. Этот второй путь, несмотря на имевшее место вытеснение, должен оставаться свободным, и некоторая часть его остается открытой для попыток невроза снова овладеть объектами. Когда мы мыслим абстрактно, нам грозит опасность пренебречь взаимоотношениями между словами и бессознательными предметными представлениями, и нельзя отрицать, что наше философствование в таких случаях приобретает нежелательное сходство по содержанию и форме выражения с мыслительной работой шизофреников. С другой стороны можно попытаться охарактеризовать образ мышления шизофреников в виде оперирования в мыслях над конкретными предметами, как если бы они были отвлеченными.

Если мы действительно верно распознали Ubw и правильно определили различие бессознательного представления от предсознательного, то наши исследования, исходящие из ряда других областей, должны привести нас к такому же взгляду.

Метапсихологическое дополнение к учению о сновидениях [1]).

Мы будем иметь случай убедиться по различным поводам, что в наших исследованиях чрезвычайно выгодно пользоваться для сравнения известными состояниями и психическими феноменами, в которых можно видеть нормальные прообразы болезненных процессов. К ним относится аффективное состояние, как печаль и влюбленность, а также и феномен сна и сновидения.

Обыкновенно мы не задумываемся глубоко над тем, что человек каждую ночь сбрасывает с себя все оболочки, которыми он покрывает свою кожу, а также все дополнительные части органов своего тела, поскольку ему удалось пополнить недостатки этого тела: как-то—очки, фальшивые волосы, зубы и т. д. К этому можно еще прибавить, что, идя спать, он совершенно аналогичным образом обнажает свою психику, отказывается от большинства психических завоеваний и таким образом с обеих сторон чрезвычайно приближается к тому положению, в каком он был в начале своего жизненного развития. Сон со стороны соматической является воспроизведением пребывания во чреве матери, создавая условия полного покоя, теплоты и отсутствия раздражения. А многие люди во время сна принимают фетальное положение тела. Психическое состояние спящего характеризуется почти полным разрывом с окружающим миром и исчезновением всякого к нему интереса.

---

[1]) Обе последующие статьи входят в сборник, который я сначала хотел опубликовать отдельной книгой, под общим заглавием: «Подготовительные работы к метапсихологии». Они примыкают к статьям: «Влечения и их судьба», «Вытеснение», «Бессознательное». Весь этот ряд статей имеет целью—выяснение и углубление теоретических положений, которые можно было бы положить в основу психоаналитической системы.

При исследовании психоневротических состояний является необходимость подчеркнуть так называемую временную регрессию в каждом из этих состояний, степень свойственного ему возврата на пути развития. Можно различать две таких регрессии: одну в развитии «*я*», другую в развитии либидо. Последняя в состоянии сна доходит до восстановления примитивного нарцизма, а первая — до ступени галлюцинаторного удовлетворения желания.

То, что известно о психических свойствах состояния сна, было открыто, разумеется, благодаря изучению сновидения. Хотя сновидение показывает нам человека, поскольку он не спит, при этом, однако, неизбежно выявляются также признаки состояния сна. Наблюдения нас познакомили с некоторыми особенностями сновидения, которых мы не могли понять, а теперь легко можем привести в связь с другими явлениями из этой области. Так, мы знаем, например, что сновидение безусловно эгоистично, и в личности, играющей в его видениях главную роль, нужно всегда признать сновидца. Нетрудно понять, что это объясняется нарцизмом состояния сна. Ведь нарцизм и эгоизм вполне тождественные понятия; слово «нарцизм» должно только подчеркнуть, что эгоизм является также либидинозным феноменом, или, другими словами, нарцизм означает либидинозное дополнение эгоизма. Понятной становится также общепризнанная и считавшаяся загадочной «диагностическая» способность сновидения, в которой начинающаяся болезнь нередко гораздо раньше и яснее дает о себе знать, чем в бодрственном состоянии, а именно актуальные физические ощущения оказываются колоссально преувеличенными. Это преувеличение—ипохондрическое по своей природе—является следствием того, что все психические привязанности (Besetzungen) отнимаются от внешнего мира и переносятся на «*я*», и оно-то дает возможность так рано узнать о наступлении физических изменений, которые остались бы незамеченными в бодрственном состоянии.

Сновидение показывает нам, что случилось нечто такое, что должно было нарушить сон, и дает нам возможность видеть, каким образом можно было не допустить этого нарушения. Кончается тем, что спящий видит сон и благодаря

этому может спать; вместо какого то внутреннего побуждения, которое должно было привлечь его внимание, наступило внешнее переживание, требования которого были изжиты. Сновидение является таким образом проекцией, перенесением внутреннего процесса во вне. Мы вспоминаем, что уже в другом месте встречали проекцию в числе средств отражения нежелательных психических явлений. Механизм истерической фобии в конечном результете также свелся к тому, что индивид защищается посредством бегства от внешней опасности, которая появилась вместо требования внутреннего влечения. Но полное объяснение проекции мы откладываем до того, когда приступим к разбору нарцистического заболевания, при котором этот механизм играет самую видную роль.

Каким же, однако, образом происходит то, что что-нибудь мешает спать? Этому может помешать внутреннее побуждение или внешнее раздражение. Рассмотрим сначала менее ясный и более интересный случай, когда мешает внутреннее возбуждение. Опыт показал нам, что возбудителями сновидения являются «остатки дня» («Tagesreste»), отрывки мыслей, которые не подчинились общему «отнятию» (Entziehung) привязанностей (Besetzungen) и в противовес ему сохранили известное количество либидинозных или других интересов. Нарцизм сна должен был следовательно здесь допустить исключение, а с этим моментом связано начало образования сновидения. В анализе мы узнаем в этих дневных «остатках» латентные мысли сновидения и, судя по их природе, как и вследствие всей ситуации, мы должны признать в них предсознательные представления, принадлежащие к системе Vbw.

Для дальнейшего образования сновидений надо преодолеть некоторые трудности. Нарцизм состояния сна означает утерю активности у всех представлений объектов, как и соответствующих предсознательных и бессознательных частей этого представления. Если даже дневные «остатки» и сохранили свой интерес, то все-таки приходится сомневаться в том, можно ли допустить, что они ночью приобретут достаточно энергии, чтобы привлечь к себе внимание сознания; скорее можно допустить, что оставшийся у них интерес гораздо слабее, чем тот, который они представляли в течение дня.

Анализ делает здесь лишним дальнейшее рассуждение, так как показывает нам, что эти дневные «остатки» должны получить подкрепление из источников бессознательных влечений для того, чтобы могли образовать сновидение. Это допущение сначала не встречает никаких трудностей, потому что мы должны предполагать, что во сне цензура между Vbw и Ubw сильно понижена, благодаря чему сообщение между этими системами скорее облегчается.

Но нельзя умолчать о другом сомнении,—если нарцистическое состояние сна повлекло за собой отнятие всех активных сил (Besetzungen) всех систем Ubw и Vbw, то ведь отпадает также и возможность, чтобы предсознательные дневные «остатки» получили подкрепление от бессознательных влечений, которые сами лишились своей активности (Besetzungen). Теория образования сновидений приводит тут к противоречию и может быть спасена благодаря изменению предположения о нарцизме сна.

Как окажется позже, такое ограничивающее допущение необходимо также и в учении о Dementia praecox. Оно может гласить только одно: что вытесненная часть системы Ubw не подчиняется желанию спать, исходящему от «я», сохраняет полностью или частично свою активную силу (Besetzungen), или вообще приобрела вследствие вытеснения известную степень независимости. Соответственно этому должна была бы не прекращаться в течение всей ночи известная сила напряжения вытеснения противодействия (gegenbesetzung), чтобы предупредить опасность со стороны влечения, хотя недоступность всех путей к освобождению аффекта и к области движений сильно понижает степень необходимого противодействия. Мы представили себе поэтому положение, ведущее к образованию сновидения следующим образом: желание сна старается вернуть все исходящие от «я» привязанности (Besetzungen) и создать положение абсолютного нарцизма. Это удается лишь отчасти, потому что вытесненное в системе Ubw не подчиняется желанию спать, поэтому должна оставаться часть противодействия, а также цензура между Ubw и Vbw, хотя бы не в полной мере. Поскольку распространяется власть «я», все системы освобождены от своих привязанностей к внешним объектам (Besetzungen).

Чем сильнее бессознательные привязанности влечений (Triebbesetzungen), тем настойчивее сон. Нам известен также крайний случай, когда «*я*» отказывается спать, потому что чувствует себя неспособным сдержать освободившиеся во время сна вытесненные душевные движения, другими словами, оно отказывается от сна, потому что боится своих сновидений.

В дальнейшем мы оценим все важные последствия предположения о сопротивляемости вытесненных душевных движений, а теперь проследим дальше положение при образовании сновидений.

Как второе вторжение в нарцизм мы должны рассматривать упомянутую выше возможность, что и некоторые из предсознательных мыслей дня оказываются очень устойчивыми и сохраняют часть своей активности (Besetzungen). По существу оба случая могут быть тождественны: устойчивость дневных «остатков» может объясняться установившейся уже во время бодрствования связью их с бессознательными душевными движениями; или же дело происходит несколько сложнее, и не совсем лишенные активности дневные «остатки» только во время сна вступают в связь с вытесненным благодаря облегченному сообщению между Ubw и Vbw. В обоих случаях вследствие этого наступает такой же самый решительный успех в образовании сновидений: образуется предсознательное желание сновидений, в котором бессознательное душевное движение находит себе выражение при помощи материала предсознательных дневных остатков. Это желание сновидения следует резко отличать от дневных остатков; его не могло быть в бодрственном состоянии, оно может иметь тот иррациональный характер, которым отличается все бессознательное, когда его переводят в сознательное. Желание сновидения также не следует смешивать с теми желаниями, которые могут быть, но, понятно, не должны непременно быть среди предсознательных (латентных) мыслей сновидения. Но если такие предсознательные желания имелись, то желание сновидения присоединяется к ним как самое большое усиление их.

Речь идет о дальнейшей участи этих желаний, по существу заменяющих бессознательное влечение и образовавшихся в Vbw как желание сновидения (фантазия, исполняющая желание). Рассуждение подсказывает нам, что эти желания

могут быть изжиты тремя различными путями или путем, который нужно считать нормальным в бодрственном состоянии, а именно—проникновением из Vbw в сознание, или в обход сознания путем непосредственного выхода в моторных действиях, или тем неожиданным путем, который открывает нам наше наблюдение. В первом случае эти желания превратились бы в бредовую идею, содержание которой составляет исполнение желания, но этого никогда не бывает в состоянии сна (будучи так мало знакомы с метапсихологическими условиями душевных процессов, мы, может быть, в этом факте увидим намек на то, что полное лишение активности какой-нибудь системы делает ее мало чувствительной). Второй случай непосредственного выхода в моторных действиях во время сна исключается благодаря тому же принципу, потому что подступ к двигательной области обыкновенно находится еще несколько дальше от цензуры сознания, но в виде исключений его можно наблюдать как сомнамбулизм. Мы не знаем, какие условия создают такую возможность и почему она не случается чаще. То же, что действительно происходит при образовании сновидений, представляет из себя очень замечательный и совершенно непредвиденный выход: начавшийся в Vbw и подкрепленный Ubw процесс направляется обратной дорогой через Ubw, к проникающему в сознание восприятию. Эта регрессия является третьей фазой образования сновидения. Для ясности повторим предыдущее: усиление Ubw предсознательных дневных «остатков»—возникновение желания сновидения.

Такую регрессию мы называем топической в отличие от упомянутой раньше временной, т.-е. соответствующей ходу развития. Обе эти регрессии не всегда должны совпадать, но в данном случае это так и есть. Поворот течения возбуждения от Vbw к Ubw к восприятию является одновременно возвратом к ранней ступени галлюцинаторного исполнения желания.

Из «толкования сновидений» известно, каким образом происходит регрессия предсознательных дневных «остатков» при образовании сновидения. Мысли превращаются при этом в образы, преимущественно зрительные, т.-е. словесные представления переводятся в соответствующие предметные представления в общем таким образом, как будто бы во всем этом

процессе принималась во внимание изобразительность (Darstellbarheit). По завершении регрессии остается ряд активных сил (Besetzungen) в системе Ubw, активных (Besetzungen) вещественных воспоминаний, на которые действует первичный психический процесс до тех пор, пока не сформирует явное содержание сновидения, посредством сгущения и сдвига этих активных сил (Besetzungen) между собою. Только в тех случаях, где словесные представления среди дневных «остатков» представляют собою свежие актуальные остатки восприятий, а не словесные выражения мыслей, они подвергаются тем же процессам, что и вещественные представления, и подлежат сами по себе влияниям сгущения и сдвига. Отсюда берется установленное толкованием сновидение и потом подтвержденное с полной очевидностью правило, что слова и речи не составляются заново в содержании сновидения, а повторяются фразы дня, предшествовавшего сновидению (или другие связные впечатления, например, из прочитанного). Особенно заслуживает внимания то обстоятельство, как мало сохраняет работа сновидений словесные представления; она ежеминутно готова заменять одни слова другими, пока не найдет такое выражение, которое оказывается самым удобным для пластического изображения [1]).

В этом пункте сказывается резкое различие между работой сновидения и шизофренией. При последней предметом обработки посредством первичного процесса становятся сами

---

[1]) Соображениям изобразительности я также приписываю подчеркнутый Silberer'ом факт, которому он придает, может быть, слишком большое значение, а именно, что некоторые сновидения допускают одновременно два вполне правильных и все же по существу различных толкования, из которых Silberer одно назвал аналитическим, а другое—анагогическим. Речь в таких случаях всегда идет о мыслях, очень абстрактных по своей природе и составлявших большие трудности для изобразительности сновидения. Для сравнения можно представить себе, что предстоит заменить иллюстрациями передовицу политической газеты. В таких случаях работа сновидения должна сперва заменить текст отвлеченных мыслей конкретными, которые каким-нибудь образом связаны с первыми посредством сравнения, символики аллегорического намека, но лучше всего генетически, и которые становятся вместо них материалом работы сновидения. Отвлеченные мысли допускают так называемое анагогическое толкование, которые при толковании легче угадать, чем настоящие аналитические. Согласно верному замечанию O. Rank'a, некоторые сны пациентов во время лечения анализом являются лучшими образцами для понимания таких сновидений, допускающих несколько толкований.

слова, в которых выражены предсознательные мысли. В сновидении обработке подвергаются не слова, а вещественные представления, к которым предварительно сводятся слова. Сновидению свойственна топическая регрессия, а шизофрении — нет; в сновидении связь между активностью предсознательных словесных представлений Vbw (Wortbesetzungen) и активностью бессознательных вещественных представлений Ubw (Sachbesetzungen) остается открытой; для шизофрении характерно то, что эта связь прерывается. Впечатление от этого различия ослабляется именно благодаря толкованию сновидений, которое мы предпринимаем в психоаналитической практике. Толкование сновидений производит впечатление то остроты, то шизофренической выходки благодаря тому, что выявляет течение работы сновидений, прослеживает пути, ведущие от латентных мыслей к элементам сновидений, показывает, как используется двусмысленность слов, и вскрывает словесные связи между различными группами материалов; благодаря этому мы иногда забываем, что все операции над словами являются только подготовкой к вещественной регрессии.

Завершение процесса сновидения состоит в том, что содержание мыслей, превращенное благодаря регрессии и переработанное в фантазирование, проникает в сознание как чувственное восприятие, при чем подвергается вторичной переработке, которой подлежит всякое содержание восприятия. Мы говорим, что желание сновидения воспринимается как галлюцинация и в таком виде внушает веру в реальность своего исполнения. Именно с этой заключительной частью сновидения связаны самые сильные сомнения, для выяснения которых мы и хотим сравнить сновидение с родственными ему патологическими состояниями.

Образование фантастического желания и его регрессии к форме галлюцинации составляет самую существенную часть работы сновидения, однакоже они свойственны не одному ему: они встречаются еще при двух болезненных состояниях—при острой галлюцинаторной спутанности, Amentia (Meynert), и при галлюцинаторной фазе шизофрении. Галлюцинаторный делирий при аменции представляет из себя вполне ясное фантазирование, часто развитое в вполне определенной последовательности, подобно прекрасной грезе. Можно

было бы говорить вообще о галлюцинаторном психозе, выражающем желание (hallucinatorische Wunschpsychose), и в равной мере считать таковым как сновидение, так и аменцию. Встречаются также сновидения, которые состоят только из очень содержательных, неискаженных фантазий. Хуже изучена галлюцинаторная фаза шизофрении, обыкновенно она кажется составленной из различных частей и, вероятно, по существу соответствует новой попытке самоисцеления, стремящейся вернуть либидинозные привязанности к представлениям объектов [1]). Я не могу еще привести сравнения с остальными галлюцинаторными состояниями при разнообразных патологических явлениях, потому что не располагаю ни личным опытом, ни опытом других.

Постараемся понять, что галлюцинаторный психоз, воплощающий желание—в сновидении или в других случаях, выполняет двойную работу совершенно различного свойства. Он не только доводит до сознания скрытые или вытесненные желания, но представляет их уже выполненными, вселяя в это полную веру. Важно понять это совпадение. Нельзя утверждать, что бессознательные желания, став сознательными, должны приниматься за реальные, потому что, как известно, наше суждение прекрасно умеет отличать действительность от самых интенсивных представлений и желаний. Напротив, весьма правильным кажется предполагать, что вера в реальность восприятия связана с восприятием посредством чувств. Если какая-нибудь мысль совершает путь регрессии до бессознательных следов воспоминаний объектов, и далее до области восприятий, то восприятие ее мы считаем реальной. Галлюцинация приносит с собой следовательно веру в реальность. Спрашивается, каковы условия возникновения галлюцинации? Первый ответ гласит: регрессия, и благодаря этому вопрос о возникновении галлюцинации заменяется вопросом о механизме регрессии. Что касается сновидения, то нам не приходится долго ждать ответа. Регрессия предсознательных мыслей сновидения к образам воспоминания вещей является, очевидно, следствием притяжения, которое эти бессознательные психические коррелаты

[1]) С первой такой попыткой мы познакомились в статье о «Бессознательном» с увеличенной концентрацией активной силы на словесных представлениях.

влечений — например, вытесненные воспоминания о переживаниях — оказывают на выраженные в словах мысли. Но скоро мы замечаем, что попали на неверный путь. Если бы тайна галлюцинации заключалась только в регрессии, то всякая интесивная регрессия должна была бы повести к галлюцинации, сопровождающейся верой в ее реальность. Но нам прекрасно известны случаи, в которых регрессивное раздумье доводит до сознания очень ясные зрительные образы воспоминаний, которые мы, однако, ни на минуту не считаем реальным восприятием. Мы можем себе также прекрасно представить, что работа сновидений доходит до подобных образов воспоминаний, делает сознательными бывшие до сих пор бессознательными и рисует нам фантазию, которая воспринимается нами как очень желательная, но которую мы не можем принять за реальное исполнение желания. Галлюцинация должна быть чем-то бо́льшим, чем регрессивное оживление бессознательных образов воспоминаний.

Не следует упускать из вида, что способность отличать восприятие от представлений, даже очень интенсивно вспоминаемых, имеет большое практическое значение.

От этой способности зависит все наше отношение к внешнему миру, к реальности. Мы высказали предположение, что эта способность имелась у нас не всегда и что в начале нашей душевной жизни мы действительно видели как галлюцинацию объект, доставляющий это удовлетворение, когда в нем чувствовали потребность. Но удовлетворение в таких случаях не наступало, и неудача скоро должна была нас заставить создать такое приспособление, при помощи которого мы могли бы различать такое восприятие желания от реального осуществления и в будущем избегать его. Другими словами, мы очень рано отказались от галлюцинаторного удовлетворения желания и выработали у себя особого рода *испытание реальности*. И вот возникает вопрос, в чем же состояло это состояние реальности и каким образом галлюцинаторному психозу, осуществляющему желание в сновидении и в аменции, удается устранить это испытание реальности и снова вернуться к старому способу удовлетворения.

Нетрудно на это ответить, если более точно определить третью из наших психических систем — систему Bw, которую

до настоящего времени мы нестрого отличали от Vbw. Уже в толковании сновидений мы должны были решиться видеть в сознательном восприятии деятельность особой системы, которой мы приписали некоторые замечательные свойства и, которую с полным основанием можем наделить еще другими качествами. Эту названную там W систему (Wahrnehmung—восприятие) мы сливаем с системой Bw, от работы которой обыкновенно зависит осознание. Но факт осознания все же полностью не совпадает с принадлежностью к системе, потому что мы знаем, что мы можем заметить и такие чувственные образы воспоминаний, которые мы никоим образом не можем отнести к системам Bw или W.

Однако обсуждение этого трудного вопроса должно опять-таки быть отложено до того момента, когда мы сможем сосредоточить наш интерес на системе Bw. В настоящее же время пока допустим, что галлюцинация состоит в занятии (Besetzung) системы Bw (W), которое, однако, происходит не извне, как это бывает нормально, а изнутри, и что необходимым условием для этого является такое положение, при котором регрессия так велика, что доходит до этой самой системы Bw и может при этом пренебречь испытанием реальности [1]).

В прежней статье («Влечения и их судьба») мы приписали беспомощному организму способность первой ориентировки в мире посредством восприятий, благодаря тому, что он научается различать «вне» и «внутри» по отношению к себе в связи с мускульными действиями. Восприятие, исчезающее благодаря действию, признается внешним—реальностью, а в тех случаях, когда действие ничего не меняет, восприятие исходит изнутри собственного тела,—оно не реально. Для индивида чрезвычайно ценно обладать таким признаком реальности, который одновременно имеет значение также и помощи против нее, и ему очень хотелось бы располагать подобной же силой и против неумолимых требований влечений. Поэтому он делает такие усилия для того, чтобы перенести во вне, проецировать все, что ему становится мучительным внутри.

---

[1]) В дополнение должен прибавить, что попытка объяснить галлюцинацию должна исходить не из положительной, а из отрицательной галлюцинации.

После детального расчленения душевного аппарата, мы должны приписать эту способность ориентироваться в мире, благодаря различению внутреннего и внешнего, только системе Bw (W). Bw должно располагать моторной иннервацией, посредством которой можно установить, исчезает ли данное восприятие или оказывается стойким. Именно это устройство и никакое другое может быть испытанием реальности [1]). Мы не можем об этом сказать ничего больше, так как природа и способ работы системы Bw еще мало известны. Испытание реальности мы считаем одним из больших институтов «я» на-ряду с известными нам уже цензурами между различными психическими системами и надеемся, что анализ нарцистических заболеваний поможет нам открыть другие подобные институты.

Из патологии мы в состоянии уже теперь узнать, каким образом может быть прекращено испытание реальности или приостановлена его деятельность. В психозе, осуществляющем желание, в аменции мы это можем узнать точнее, чем в сновидении: аменция есть реакция на потерю, которую реальность утверждает, а «я» отрицает как невыносимую, тогда «я» обрывает, оно отнимает активные силы (Besetzungen) у системы восприятий Bw или, лучше сказать, одну активную силу (Besetzung), природа которой может сделаться еще предметом особого исследования. Вместе с этим отходом от реальности устраняется и испытание реальности фантазии — невытесненные, безусловно сознательные, могут проникнуть в систему и признаются там как более приемлемое, чем реальность. Такого рода отнятие должно быть присоединено к процессам вытеснения; аменция дает нам интересную картину раздвоения «я» с одним из своих органов, который служил ему, может быть, самым верным образом и теснейшим образом был с ним связан [2]).

То, что при аменции достигается «вытеснением», при сновидении происходит благодаря добровольному отказу.

---

[1]) Относительно различия между испытанием актуальности и реальности см. ниже.

[2]) Тут можно решиться на предположение, что и токсические галлюцинозы, например, алкогольный делирий, нужно понимать подобным же образом. Невыносимая потеря, навязываемая реальностью, состоит в лишении алкоголя. Прием его прекращает галлюцинации.

В состоянии сна человек ничего не хочет знать о внешнем мире, не интересуется совсем реальностью или считается с ней постольку, поскольку имеется в виду прекращение сна, пробуждение. Он отнимает, следовательно, активность (Besetzung) у системы Bw, как и у других систем Vbw и Ubw, поскольку находящиеся в них позиции подчиняются желанию спать. Вместе с этой свободой системы Bw прекращается возможность испытания реальности, и возбуждения, направившиеся независимо от состояния сна по пути регрессии, найдут этот путь свободным до системы Bw, в которой они будут приняты как неоспоримая реальность [1]). Исходя из этих соображений, мы должны будем сделать вывод относительно галлюцинаторного психоза при Dementia praecox, что он не может принадлежать к числу начальных симптомов заболевания. Он становится возможен только тогда, когда «*я*» больного распалось настолько, что испытание реальности не может уже не допустить галлюцинации.

По поводу психологии процессов сновидения мы приходим к тому результату, что все существенные признаки сновидения предопределены условием состояния сна. Древний мыслитель Аристотель оказывается во всех отношениях прав в своем скромном заявлении, что сновидение представляет собой душевную деятельность спящего. Мы можем сказать: это остаток душевной деятельности, ставший возможным благодаря тому, что нарцистическому состоянию сна не удалось проникнуть без исключения повсюду. Это звучит немного иначе, чем то, что всегда утверждали психологи и философы, но основано на совершенно иных взглядах о строении и деятельности душевного аппарата; преимущество этих взглядов в сравнении с прежними состоит в том, что они могут нам в то же время объяснить все подробности сновидения.

---

[1]) Принцип невозбудимости свободной системы, как кажется, недействителен по отношению к Bw (W), но речь может итти только о частичном прекращении активности (Besetzung), и именно по отношению к системе восприятий мы должны будем допустить некоторую совокупность условий возбуждения, очень различных от других систем. Неуверенный, нащупывающий характер этих метапсихологических рассуждений никоим образом не следует скрывать или прикрашивать. Только дальнейшее углубление приведет нас к известной степени вероятности наших взглядов.

Бросим, наконец, еще взгляд на значение, которое приобретает топика процесса вытеснения для нашего понимания механизма душевных заболеваний. При сновидении отнятие активности (Besetzung) (либидо, интерес) касается и одновременно всех систем, при неврозах перенесения отнимается предсознательная активность (Besetzung), при шизофрении — Ubw, при аменции — Bw.

Печаль и меланхолия.

После того, как сновидение послужило нам нормальным образцом нарцистических заболеваний, мы сделаем попытку осветить сущность меланхолии путем сравнения ее с нормальным аффектом печали. Но на этот раз мы должны наперед признаться, чтобы предупредить слишком высокую оценку наших результатов. Меланхолия, точное определение понятия которой не твердо и в описательной психиатрии, встречается в различных клинических формах, объединение которых в одну клиническую единицу не окончательно установлено; и из них одни скорее похожи на соматические заболевания, другие—на психогенные. Кроме впечатлений, доступных всякому наблюдателю, наш материал ограничивается небольшим количеством случаев, психогенная природа которых не подлежала никакому сомнению. Поэтому мы наперед отказываемся от всяких притязаний на то, чтобы наши выводы относились бы ко всем случаям, и утешаем себя соображением, что при помощи наших настоящих методов исследования мы едва ли можем что-нибудь найти, что не было бы типичным, если не для целого класса заболеваний, то, по крайней мере, для небольшой группы.

Сопоставление меланхолии и печали оправдывается общей картиной обоих состояний [1]). Также совпадают и поводы к обоим заболеваниям, сводящиеся к влияниям жизненных условий в тех случаях, где удается установить эти поводы. Печаль является всегда реакцией на потерю любимого человека или заменившего его отвлеченного понятия, как

---

[1]) Также Abraham, которому мы обязаны самыми значительными из немногих аналитических исследований этого вопроса, исходил из такого сравнения. (Zentralblatt für ärztliche Psychoanalyse, II, 6, 1912).

отечество, свобода, идеал и т. п. Под таким же влиянием у некоторых лиц вместо печали наступает меланхолия, отчего мы подозреваем их в болезненном предрасположении. Весьма замечательно также, что нам никогда не приходит в голову рассматривать печаль как болезненное состояние и предоставить ее врачу для лечения, хотя она влечет за собой серьезные отступления от нормального поведения в жизни. Мы надеемся на то, что по истечении некоторого времени она будет преодолена и считаем вмешательство нецелесообразным и даже вредным.

Меланхолия в психическом отношении отличается глубокой страдальческой удрученностью, исчезновением интереса к внешнему миру, потерей способности любить, задержкой всякой деятельности и понижением самочувствия, выражающимся в упреках и оскорблениях по собственному адресу и нарастающем до бреда ожидания наказания. Эта картина становится нам понятной, если мы принимаем во внимание, что теми же признаками отличается и печаль, за исключением только одного признака: при ней нет нарушения самочувствия. Во всем остальном картина та же. Тяжелая печаль—реакция на потерю любимого человека—отличается таким же страдальческим настроением, потерей интереса к внешнему миру—поскольку он не напоминает умершего,—потерей способности выбрать какой-нибудь новый объект любви—что значило бы заменить оплакиваемого,—отказом от всякой деятельности, не имеющей отношения к памяти умершего. Мы легко понимаем, что эта задержка и ограничение «*я*» является выражением исключительной погруженности в печаль, при которой не остается никаких интересов и никаких намерений для чего-нибудь иного. Собственно говоря, такое поведение не кажется нам патологическим только потому, что мы умеем его хорошо объяснить.

Мы принимаем также сравнение, называющее настроение печали страдальческим. Нам ясна станет правильность этого, если мы будем в состоянии экономически охарактеризовать это страдание.

В чем же состоит работа, проделываемая печалью? Я полагаю, что не будет никакой натяжки в том, если изобразить ее следующим образом: исследование реальности показало, что любимого объекта больше не существует, и

реальность подсказывает требование отнять все либидо, связанные с этим объектом. Против этого поднимается вполне понятное сопротивление,—вообще нужно принять во внимание, что человек нелегко оставляет позиции либидо, даже в том случае, когда ему предвидится замена. Это сопротивление может быть настолько сильным, что наступает отход от реальности и объект удерживается посредством галлюцинаторного психоза, воплощающего желание (см. предыдущую статью). При нормальных условиях победу одерживает уважение к реальности, но требование ее не может быть немедленно исполнено. Оно приводится в исполнение частично, при большой трате времени и энергии, а до того утерянный объект продолжает существовать психически. Каждое из воспоминаний и ожиданий, в которых либидо было связано с объектом, приостанавливается, приобретает повышенную активную силу, и на нем совершается освобождение либидо. Очень трудно указать и экономически обосновать— почему это компромиссная работа требования реальности, проведенная на всех этих отдельных воспоминаниях и ожиданиях, сопровождается такой исключительной душевной болью. Замечательно, что эта боль кажется нам сама собою понятной. Фактически же по окончании этой работы печали «*я*» становится опять свободным и освобожденным от задержек.

Применим теперь к меланхолии то, что мы узнали о печали. В целом ряде случаев совершенно очевидно, что и она может быть реакцией на потерю любимого человека. При других поводах можно установить, что имела место более идеальная по своей природе потеря. Объект не умер реально, но утерян как объект любви (наприм., случай оставленной невесты). Еще в других случаях можно думать, что предположение о такой потере вполне правильно, но нельзя точно установить, что именно было потеряно, и тем более можно предполагать, что и сам больной не может ясно понять, что именно он потерял. Этот случай может иметь место и тогда, когда больному известна потеря, вызвавшая меланхолию, так как он знает, к о г о он лишился, но не знает, ч т о он в нем потерял. Таким образом нам кажется естественным привести меланхолию в связь с потерей объекта, каким-то образом недоступной сознанию, в отли-

чие от печали, при которой в потере нет ничего бессознательного.

При печали мы нашли, что задержка и отсутствие интереса всецело объясняется работой печали, полностью захватившей «*я*». Подобная же внутренняя работа явится следствием неизвестной потери при меланхолии и потому она виновна в меланхолической задержке (Hemmung). Дело только в том, что меланхолическая задержка производит на нас непонятное впечатление, потому что мы не можем видеть, что именно так захватило всецело больных. Меланхолик показывает нам еще одну особенность, которой нет при печали, — необыкновенное понижение своего самочувствия, огромное обеднение «*я*» (Ichverarmung). При печали обеднел и опустел мир, при меланхолии — само «*я*». Больной рисует нам свое «*я*» недостойным, ни к чему негодным, заслуживающим морального осуждения, — он делает себе упреки, бранит себя и ждет отвержения и наказания. Он унижает себя перед каждым человеком, жалеет каждого из своих близких, что тот связан с такой недостойной личностью. У него нет представления о происшедшей с ним перемене и он распространяет свою самокритику и на прошлое; он утверждает, что никогда не был лучше. Эта картина — преимущественно морального — бреда преуменьшения дополняется бессонницей, отказом от пищи и в психологическом отношении очень замечательным преодолением влечения, которое заставляет все живущее цепляться за жизнь.

Как в научном, так и в терапевтическом отношении было бы одинаково бесцельно возражать больному, возводящему против своего «*я*» такие обвинения. В каком-нибудь отношении он должен быть прав, рассказывая что-то, что соответствует тому, как ему это кажется. Некоторые из его указаний мы должны немедленно подтвердить без всяких ограничений. Ему действительно так чужды все интересы, он так неспособен любить и работать, как утверждает. Но как мы знаем — это вторичное явление, следствие внутренней, неизвестной нам работы, похожей на работу печали, поглощающей его «*я*». В некоторых других самообвинениях он нам также кажется правым, оценивающим настоящее положение только несколько более резко, чем другие немеланхолики. Если он в повышенной самокритике изображает себя

мелочным, эгоистичным, неискренним, несамостоятельным человеком, всегда стремившимся только к тому, чтобы скрывать свои слабости, то он, пожалуй, насколько нам известно, довольно близко подошел к самопознанию, и мы только спрашиваем себя, почему нужно сперва заболеть, чтобы понять такую истину. Потому что не подлежит никакому сомнению, что тот, кто дошел до такой самооценки и выражает ее перед другими — оценки принца Гамлета для себя и для всех других [1], — тот болен, независимо от того, говорит ли он правду, или более или менее несправедлив к себе. Нетрудно также заметить, что между величиной самоунижения и его реальным оправданием нет никакого соответствия. Славная, дельная и верная до сих пор женщина в припадке меланхолии будет осуждать себя не меньше, чем действительно ничего не стоющая. И, может быть, у первой больше шансов заболеть меланхолией, чем у второй, о которой мы не могли бы сказать ничего хорошего. Наконец нам должно броситься в глаза, что меланхолик ведет себя не совсем уж так, как нормально подавленный раскаянием и самоупреками. У меланхолика нет стыда перед другими, более всего характерного для такого состояния, или стыд не так уж резко проявляется. У меланхолика можно, пожалуй, подчеркнуть состояние навязчивой сообщительности, находящей удовлетворение в самообнажении.

Таким образом неважно, настолько ли прав меланхолик в своем мучительном самоунижении, что его самокритика совпадает с суждением о нем других. Важнее то, что он правильно описывает свое психологическое состояние. Он потерял самоуважение, и, конечно, у него имеется для этого основание; во всяком случае тут перед нами противоречие, ставящее перед нами трудно разрешимую загадку. По аналогии с печалью, мы должны притти к заключению, что он утратил объект; из его слов вытекает, что его потеря касается его собственного «я».

Раньше, чем заняться этим противоречием, остановимся на момент на том, что открывается нам благодаря заболеванию меланхолика в конституции человеческого «*я*». Мы видим у него, как одна часть «*я*» противопоставляется дру-

[1] Use every men after his desert. and who should scape whipping? Hamlet II. 2.

гой, производит критическую оценку ее, делает ее как бы посторонним объектом. Все дальнейшие наблюдения подтвердят возникающие у нас предположения, что отщепленная от «*я*» критическая инстанция проявит свою самостоятельность и при других обстоятельствах. Мы найдем действительно достаточно основания отделить эту инстанцию от остального «*я*». То, с чем мы тут встречаемся, представляет собой инстанцию, обыкновенно называемую совестью. Вместе с цензурой сознания и исследованием реальности мы причислим ее к важнейшим установлениям (Institutionen) и как-нибудь найдем доказательства тому, что эта инстанция может заболеть сама по себе. В картине болезни меланхолика выступает на первый план в сравнении с другими жалобами нравственное недовольство собой; физическая немощь, уродство, слабость, социальная малоценность гораздо реже является предметом самооценки; только обеднение занимает преимущественное положение среди опасений и утверждений больного.

Объяснение указанному выше противоречию дает наблюдение, которое нетрудно сделать. Если терпеливо выслушать разнообразные самообвинения меланхолика, то нельзя не поддаться впечатлению, что самые тяжелые упреки часто очень мало подходят к собственной личности больного, но при некоторых незначительных изменениях легко применимы к какому-нибудь другому лицу, которое больной любил, любит или должен был любить. Сколько раз не проверяешь положение дела—это предположение всегда подтверждается. Таким образом получаешь в руки ключ к пониманию картины болезни, открыв в самоупреках упреки по адресу любимого объекта, перенесенные с него на собственное «*я*».

Женщина, на словах жалеющая своего мужа за то, что он связан с такой негодной женой, хочет, собственно говоря, обвинить своего мужа в негодности, в каком бы смысле это ни понималось. Нечего удивляться тому, что среди обращенных на себя мнимых самоупреков вплетены некоторые настоящие; они получили возможность выступить на первый план, так как помогают прикрыть другие и способствуют искажению истинного положения вещей; они вытекают из борьбы за и против любви, поведшей к утрате любви. Теперь гораздо понятнее становится и поведение больных. Их

жалобы представляют из себя обвинения (Anklagen) в прежнем смысле этого слова; они не стыдятся и не скрываются, потому что все то унизительное, что они о себе говорят, говорится о других; они далеки от того, чтобы проявить по отношению к окружающим покорность и смирение, которые соответствовали бы таким недостойным лицам, как они сами; они, наоборот, в высшей степени сварливы, всегда как бы обижены, как будто по отношению к ним сделана большая несправедливость. Это все возможно потому, что реакции их поведения исходят еще из душевной направленности возмущения, переведенного посредством особого процесса в меланхолическую подавленность.

Далее не представляется трудным реконструировать этот процесс. Сначала имел место выбор объекта, привязанность либидо к определенному лицу; под влиянием реального огорчения или разочарования со стороны любимого лица, наступило потрясение этой привязанности к объекту. Следствием этого было не нормальное отнятие либидо от этого объекта и перенесение его на новый, а другой процесс, для появления которого, повидимому, необходимы многие условия. Привязанность к объекту оказалась малоустойчивой, она была уничтожена, но свободное либидо не было перенесено на другой объект, а возвращено к «я». Однако здесь оно не нашло какого-нибудь применения, а послужило только к идентификации (отождествлению) «я» с оставленным объектом. Тень объекта пала таким образом на «я», которое в этом случае рассматривается упомянутой особенной инстанцией так же, как оставленный объект. Таким образом потеря объекта превратилась в потерю «я», и конфликт между «я» и любимым лицом превратился в столкновение между критикой «я» и самим измененным, благодаря отождествлению, «я».

Кое-что из предпосылок и результатов такого процесса можно непосредственно угадать. С одной стороны, должна была иметь место сильная фиксация на любимом объекте, а с другой стороны—в противоречие с этим, небольшая устойчивость привязанности к объекту. Это противоречие, по верному замечанию O. Rank'a, повидимому, требует, чтобы выбор объекта был сделан на нарцистической основе, так что в случае, если возникают препятствия привязанности к

объекту, эта привязанность регрессирует к нарцизму. Нарцистическое отождествление с объектом заменяет тогда привязанность к объекту, а это имеет следствием то, что, несмотря на конфликт с любимым лицом, любовная связь не должна быть прервана. Такая замена любви к объекту идентификацией образует значительный механизм в нарцистических заболеваниях. R. Landauer недавно раскрыл его в процессе излечения шизофрении [1]). Он соответствует, разумеется, регрессии определенного типа выбора объекта к первичному нарцизму. В другом месте мы указали, что отождествление является предварительной ступенью выбора объекта и первый амбивалентный в своем выражении способ, которым «*я*» выделяет какой-нибудь объект. «*Я*» хотело бы впитать в себя этот объект, соответственно оральной или каннибальной фазе развития путем пожирания его. В связи с этим Abraham вполне правильно ставит отказ от приема пищи, который наступает в тяжелых формах меланхолического состояния.

Требуемый теорией вывод, который объясняет предрасположение к меланхолическому заболеванию или к частичной степени этого заболевания преобладанием нарцистического типа, к сожалению, не нашел еще подтверждения в исследованиях. В вступительных строках к этой статье я признал, что эмпирический материал, на котором построено наше исследование, недостаточен для наших целей. Если же нам позволено будет допустить, что в будущем наблюдения подтвердят наши выводы, то мы не замедлили бы прибавить к характеристике меланхолии регрессию от привязанности к объекту на принадлежащую еще к нарцизму оральную фазу либидо. Отождествления с объектом нередки и при неврозах перенесения, они составляют даже известный механизм образования симптомов, особенно при истерии. Но мы можем видеть различие между нарцистическим отождествлением и истерическим в том, что при первом привязанность к объекту отпадает, между тем как при втором она сохраняется и обычно проявляется в определенных отдельных действиях и иннервациях. Во всяком случае и при неврозах перенесения отождествление является выражением того общего, что

---

[1]) Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse, II. 1914.

означает любовь. Нарцистическое удовлетворение более первично и открывает нам путь к пониманию менее изученного истерического отождествления.

Меланхолия берет, таким образом, часть своих признаков у печали, а другую часть у процесса регрессии с нарцистического выбора объекта. С одной стороны, меланхолия, как и печаль, является реакцией на реальную потерю объекта любви, но, кроме того, она связана еще условием, отсутствующим при нормальной печали или превращающим ее в патологическую в тех случаях, где присоединяется это условие. Потеря объекта любви представляет собою великолепный повод, чтобы пробудить и проявить амбивалентность любовных отношений. Там, где имеется предрасположение к неврозам навязчивости, амбивалентный конфликт придает печали патологический характер и заставляет ее проявиться в форме самоупреков в том, что сам виновен в потере любимого объекта, т.-е. сам хотел ее. В таких депрессиях при навязчивых неврозах после смерти любимого лица перед нами раскрывается то, что совершает амбивалентный конфликт сам по себе, если при этом не принимает участия регрессивное отнятие либидо. Поводы к заболеванию меланхолией большей частью не ограничиваются ясным случаем потери вследствие смерти и охватывают все положения огорчения, обиды и разочарования, благодаря которым в отношения втягивается противоположность любви и ненависти, или усиливается существующая амбивалентность. Этот амбивалентный конфликт, иногда более реального, иногда более конституционного происхождения, всегда заслуживает внимания среди причин меланхолии. Если любовь к объекту, от которой невозможно отказаться, в то время как от самого объекта отказываются, нашла себе выход в нарцистическом отождествлении, то по отношению к этому объекту, служащему заменой, проявляется ненависть, вследствие которой этот новый объект оскорбляется, унижается и ему причиняется страдание, и благодаря этому страданию ненависть получает садистическое удовлетворение. Самоистязание меланхолика, несомненно доставляющее ему наслаждение, дает ему совершенно так же, как соответствующие феномены при неврозах навязчивости, удовлетворение садистических тен-

денций и ненависти [1]), которые относятся к объекту и таким путем испытали обращение на самого себя. При обоих заболеваниях больным еще удается обходным путем через самоистязание мстить первоначальным объектам и мучить любимых людей посредством болезни, после того как они погрузились в болезнь, чтобы не проявить непосредственно свою враждебность к этим близким людям. Лицо, вызвавшее аффективное заболевание больного и по отношению, к которому болезнь ориентируется, можно обыкновенно найти среди самых близких лиц, окружающих больного. Таким образом любовная привязанность меланхолика к своему объекту подверглась двоякой участи: отчасти она регрессировала до отождествления, а отчасти под влиянием амбивалентного конфликта она опустилась на близкую ему ступень садизма.

Только этот садизм разрешает загадку склонности к самоубийству, которая делает меланхолию такой интересной и такой опасной. В первичном состоянии, из которого исходит жизнь влечений, мы открыли такую огромную самовлюбленность «*я*» в страхе, возникающем при угрожающей жизни опасности: мы видим освобождение такого громадного нарцистического количества либидо, что мы не понимаем, как это «я» может пойти на самоуничтожение. Хотя мы уж давно знали, что ни один невротик не испытывает стремления к самоубийству, не исходя из импульса убить другого, обращенного на самого себя. Но все же оставалось непонятным, благодаря игре каких сил такое намерение может превратиться в поступок. Теперь анализ меланхолии показывает нам, что «я» может себя убить только тогда, если благодаря обращению привязанности к объектам на себя, оно относится к себе самому как к объекту; если оно может направить против себя враждебность, относящуюся к объекту и заменяющую первоначальную реакцию «*я*», к объектам внешнего мира (см. «Влечения и их судьба»). Таким образом при регрессии от нарцистического выбора объекта этот объект, хотя и был устранен, он все же оказался могущественнее, чем само «*я*». В двух противоположных положениях крайней влюбленности и самоубийства

[1]) Относительное различие между обеими см. статью «Влечения и их судьба».

объект совсем одолевает «*я*», хотя и совершенно различными путями.

Второй бросающийся в глаза признак меланхолии— страх обеднения легче всего свести к анальной эротике, вырванной из ее общей связи и регрессивно измененной.

Меланхолия ставит нас еще перед другими вопросами, ответ на которые нам отчасти неизвестен. В том, что через некоторый промежуток времени она проходит, не оставив явных, грубых изменений, она сходится с печалью. В случае печали мы нашли объяснение, что с течением времени лицо, погруженное в печаль, вынуждено подчиниться необходимости подробного рассмотрения своих отношений к реальности, и после этой работы «*я*» освобождает либидо от своего объекта. Мы можем себе представить, что «*я*» во время меланхолии занято такой же работой; здесь, как и в том случае, у нас нет понимания процесса с экономической точки зрения. Бессонница при меланхолии показывает неподатливость этого состояния, невозможность осуществить необходимое для погружения в сон прекращение всех интересов. Меланхолический комплекс действует, как открытая рана, привлекает к себе энергию всех привязанностей (названных нами при неврозах перенесения «противодействием» Gegenbesetzung) и опустошает «*я*» до полного обеднения. Он легко может устоять против желания спать у «*я*». В регулярно наступающем к вечеру облегчении состояния проявляется, вероятно, соматический момент, недопускающий объяснения его психогенными мотивами. В связи с этим возникает вопрос, не достаточно ли потери «*я*» безотносительно к объекту (чисто нарцистическое огорчение «*я*»), чтобы вызвать картину меланхолии, не могут ли некоторые формы этой болезни быть вызваны непосредственно токсическим обеднением «*я*» либидо. Самая замечательная и больше всего нуждающаяся в объяснении особенность меланхолии—это ее склонность превращаться в симптоматически противоположное состояние мании. Как известно, не всякая меланхолия подвержена этой участи. Некоторые случаи протекают периодическими рецидивами, а в интервалах или не замечается никакой мании, или только самая незначительная маниакальная окраска. В других случаях наблюдается та правильная смена меланхолических и манна-

кальных фаз, которая нашла свое выражение в установлении циклической формы помешательства. Является искушение видеть в этих случаях исключения, не допускающие психогенного понимания болезни, если бы психоаналитическая работа не привела именно в большинстве этих заболеваний к психологическому разъяснению болезни и терапевтическому успеху. Поэтому не только допустимо, но даже необходимо распространить психоаналитическое объяснение меланхолии также и на манию.

Я не могу обещать, что такая попытка окажется вполне удовлетворительной. Пока она не идет дальше возможности первой ориентировки. Здесь у нас имеются два исходных пункта: первый—психоаналитическое впечатление, второй—можно прямо сказать—вообще опыт экономического подхода. Впечатление, полученное уже многими психоаналитическими исследователями, состоит в том, что мания имеет то же содержание, что и меланхолия, что обе болезни борятся с тем же самым «комплексом», который в меланхолии одержал победу над «*я*», между тем как в мании «я» одолело этот комплекс или отодвинуло его на задний план. Второй пункт представляет собою тот факт, что все состояния радости, ликования, триумфа, являющиеся нормальным прообразом мании, вызываются в экономическом отношении теми же причинами. Тут дело идет о таком влиянии, благодаря которому большая, долго поддерживаемая или ставшая привычной трата психической энергии становится в конце концов излишней, благодаря чему ей можно дать самое разнообразное применение и открываются различные возможности ее израсходования: например, если какой-нибудь бедняк, выиграв большую сумму денег, вдруг освобождается от забот о насущном хлебе, если долгая мучительная борьба, в конце концов увенчивается успехом, если оказываешься в состоянии освободиться от давящего принуждения или прекратить долго длящееся притворство и т. п. Все такие положения отличаются повышенным настроением, признаками радостного аффекта и повышенной готовностью ко всевозможным действиям, совсем как при мании, и в полной противоположности к депрессии и задержке при меланхолии. Можно иметь смелость сказать, что мания представляет из себя не что иное, как подобный триумф; но только от «*я*»

опять-таки скрыто, что оно одолело и над чем празднует победу. Таким же образом можно объяснить и относящееся к этому же разряду состояний алкогольное опьянение, поскольку оно радостного характера. При нем, вероятно, дело идет о прекращении траты энергии на вытеснение, достигнутое токсическим путем. Ходячее мнение утверждает, что в таком маниакальном состоянии духа становишься потому таким подвижным и предприимчивым, что появляется «хорошее» настроение. От этого ложного соединения придется отказаться. В душевной жизни осуществилось вышеупомянутое экономическое условие, и потому появляется, с одной стороны, такое радостное настроение, а с другой—такое отсутствие задержек в действии.

Если мы соединим оба наметившиеся тут объяснения, то получим: в мании «*я*» преодолело потерю объекта (или печаль из-за потери, или, может быть, самый объект) и теперь оно располагает всей суммой противодействующей силы, которую мучительное страдание меланхолии отняло от «*я*» и сковало. Маниакальный больной показывает нам совершенно явно свое освобождение от объекта, из-за которого страдал, тем, что с жадностью очень голодного набрасывается на новые привязанности к объектам.

Это объяснение кажется вполне приемлемым, но, во-первых, оно страдает неточностью, а во-вторых, вызывает столько новых вопросов и сомнений, что мы не в состоянии на все ответить. Мы не отказываемся от обсуждения этих вопросов, хотя и не надеемся при помощи этой дискуссии найти путь к разъяснению их.

Во-первых, нормальная печаль также преодолевает потерю объекта и также поглощает всю энергию «*я*» на то время, пока она держится. Почему же не создается при нормальной печали экономического условия для фазы триумфа, хотя бы в самой слабой форме после того, как печаль прошла? Я нахожу невозможным вкратце ответить на это возражение. Оно обращает наше внимание на то, что мы не можем даже сказать, какими экономическими средствами печаль разрешает свою задачу; но, может быть, тут поможет нам одно предположение. По поводу каждого отдельного воспоминания и ожидания, в котором проявляется привязанность либидо к потерянному объекту, реальность выносит

свой приговор, что объект этот больше не существует, и «*я*», как бы поставленное перед вопросом — хочет ли оно разделить ту же участь, всей суммой нарцистических удовлетворений, благодаря сохранению своей жизни, вынуждено согласиться на то, чтобы разорвать свою связь с погибшим объектом. Можно себе представить приблизительно, что этот разрыв происходит так медленно и постепенно, что по окончании этой работы оказывается израсходованной вся необходимая для нее трата энергии [1]).

Очень соблазнительно, принимая во внимание работу печали, искать путь к изображению меланхолической работы. Но тут мы сперва натыкаемся на некоторую неуверенность. До сих пор мы почти не принимали во внимание топической точки зрения при меланхолии и не поднимали вопроса, в какой и между какими психическими системами происходит работа меланхолии. Какие из психических процессов этого заболевания разыгрываются еще с оставленными бессознательными привязанностями к объектам (Objektbesetzungen) и какие процессы протекают над заменяющим их отождествлением с «*я*»?

Легко сказать и не труднее написать, что «бессознательные представления (вещей) объекта лишены либидо». Но в действительности это представление заменено бесчисленным количеством отдельных впечатлений (бессознательными следами его), и выполнение этого процесса отнятия либидо не может быть делом одного момента, а, несомненно, как и при печали, представляет из себя длительный, постепенно продвигающийся процесс. Трудно различить, начинается ли он во многих местах одновременно или протекает в каком-либо определенном порядке; при анализах часто можно установить, что оживают то одни, то другие воспоминания и что однообразные утомительные в своей монотонности жалобы меланхолика всякий раз имеют другую бессознательную причину. Если объект не имеет для «*я*» такого большого, такого усиленного тысячами связей значения, то потеря его не может вызвать печали или меланхолии. Признак постепенного по частям отделения либидо

[1]) Экономическая точка зрения до настоящего времени мало принималась во внимание в психоаналитических работах. Как на исключение можно указать на статью V. Tausk'a: «Entwertung des Verdrangungsmotives durch Recompense» Internat. Zeitschrift für ärztl. Phychoanalyse, I, 1913.

нужно приписать в равной мере как меланхолии, так и печали. Он, вероятно, основывается на одинаковых экономических условиях и служит тем же тенденциям.

Однако, как мы слышали, меланхолия имеет несколько большее содержание, чем печаль. Отношение к объекту у нее не такое простое — оно усложняется амбивалентным конфликтом. Амбивалентность или конституциональна, т.-е. она присуща всем любовным отношениям данного «*я*», или же она вытекает из тех переживаний, с которыми связана угроза потери объекта. Поводы к меланхолии могут быть поэтому гораздо более обширны, чем к печали, которая обыкновенно вызывается только реальной потерей—смертью объекта. При меланхолии разыгрывается таким образом бесконечное количество отдельных сражений из-за объекта, в которых происходит борьба между ненавистью и любовью, в одних случаях, чтобы отнять либидо от объекта, в других, чтобы удержать против натиска эти позиции либидо. Эти отдельные сражения мы можем поместить только в систему Ubw в область следов вещественных воспоминаний (в противоположность активности словесных представлений). Там же разыгрываются попытки отнятия либидо и при печали, но при ней не имеется никаких препятствий к тому, чтобы эти процессы продолжались нормальным путем и через Ubw достигали сознания. Этот путь закрыт для меланхолической работы, может быть, вследствие большого числа причин или одновременного их действия. Конституционная амбивалентность сама по себе принадлежит к вытесненному, травматические же переживания с объектом могут активировать другое вытесненное. Таким образом все в этой амбивалентной борьбе остается вне сознания до тех пор, пока не наступает характерный для меланхолии исход. Как мы знаем, он состоит в том, что угрожаемая привязанность либидо, наконец, оставляет объект, но только для того, чтобы вернуться на место «*я*», из которого оно исходило. Благодаря бегству к «*я*», любовь была избавлена от полного уничтожения. После этой регрессии либидо процесс может стать сознательным и представляется сознанию как конфликт между частью «*я*» и критической инстанцией.

То, что сознание узнает о меланхолической работе, не составляет, следовательно, существенную часть ее и не ту

часть, которой мы приписываем влияние на разрешение страданий. Мы видим, что «*я*» обесценилось и негодует против себя и понимает так же мало, как и сам больной, к чему это может повести и как это может измениться. Скорее мы можем приписать такую деятельность бессознательной части работы, потому что нетрудно найти существенную аналогию между работой меланхолии и работой печали. Подобно тому, как печаль вынуждает «*я*» отказаться от объекта, объявляя объект мертвым, а «*я*» предлагая премию сохранения жизни, так и каждое отдельное амбивалентное сражение ослабляет фиксацию либидо на объекте, обесценивая его, унижая, как бы убивая. Может случиться, что процесс закончится в Ubw или после того, как утихла ярость, или после того, как объект оставлен как не имеющий никакой цены. Мы не можем обнаружить, какой из этих двух возможностей, как правило, или в большинстве случаев, приписать окончание меланхолии и какое влияние такое окончание имеет на дальнейшее течение случая. «*Я*» при этом испытывает удовлетворение от того, что в состоянии признать свое превосходство над объектом.

Если мы и примем такое понимание меланхолической работы, то она все же не может нам дать того, что мы собирались объяснить. Наше желание вывести экономическое условие возникновения мании по окончании меланхолии из амбивалентности, господствующей в этой болезни, могло бы основываться на аналогиях с различными другими областями; но мы должны склониться перед одним фактом. Из трех предпосылок меланхолии: потери объекта, амбивалентности и регрессии либидо на «*я*», мы встречаем оба первые условия при навязчивых упреках в случае смерти. В этих случаях амбивалентность является двигающей силой конфликта, и наблюдение показывает, что после того, как конфликт разрешился, не остается, ничего, похожего на триумф маниакального настроения. Это показывает нам, что единственно действительным является третий момент. То накопление связанной сначала энергии, которая освобождается по окончании меланхолической работы и делает возможной наступление мании, должно находиться в связи с регрессией либидо к нарцизму. Конфликт в «*я*», которым меланхолия заменила борьбу за объект, должен оказать действие болез-

нанной раны, которая требует необыкновенно большого противодействия. Но здесь будет вполне целесообразно остановиться и отложить дальнейшее разъяснение мании, пока мы не научимся понимать экономическую природу сначала телесной, а затем и аналогичной ей душевной боли. Мы уже знаем, что общая связь запутанных душевных проблем вынуждает нас прервать, не закончив, всякое исследование до того момента, пока нам не придут на помощь результаты другого исследования.

Трудность на пути психоанализа.

С самого начала я хочу сказать, что имею в виду не интеллектуальную трудность, нечто, что делает психоанализ недоступным пониманию воспринимающего (слушателя или читателя), а аффективную трудность,—нечто, благодаря чему психоанализ становится чуждым чувству воспринимающего, так что он менее склонен заинтересоваться им или поверить ему. Нетрудно заметить, что к тому же сводятся и другие трудности. То, что внушает мало симпатии, оказывается мало понятным.

Имея в виду читателя, рисующегося мне совершенно беспристрастным, я должен начать несколько издалека: в психоанализе на основании большого числа отдельных наблюдений и впечатлений, в конце концов, создалось нечто в роде теории, известной под именем либидо. Как известно, психоанализ занимается выяснением и устранением так называемых нервных болезней. Необходимо было найти точку приложения для разрешения этой проблемы, и решились искать ее в душевных влечениях. Таким образом в основу нашего понимания нервозности положены были известные предположения о природе человеческих влечений.

Психология, которую преподают в школах, дает очень мало удовлетворительных ответов, когда мы обращаемся к ней с вопросом о проблемах душевной жизни. Но ни в какой области осведомленность ее не представляется такой жалкой, как в области влечений.

От нас зависит создать в этом вопросе первую ориентировку. Общепринято различать голод и любовь как представителей влечений, из которых одни стремятся сохранить индивида, другие—продолжить его род. Присоединяясь к этому, столь понятному разделению, мы и в психоанализе

отделяем влечения самосохранения или влечения «я» от сексуальных влечений и энергию, в виде которой проявляется сексуальное влечение в душевной жизни, называем либидо— сексуальным стремлением, понимая под ним нечто аналогичное голоду, стремление к могуществу и тому подобным влечениям «я».

Стоя на почве этого предположения, мы делаем первое значительное открытие. Мы узнаем, что для понимания невротических заболеваний сексуальные влечения имеют гораздо большее значение, что неврозы являются, так сказать, специфическим заболеванием сексуальной функции; что вопрос о том, может ли кто-нибудь вообще заболеть неврозом, зависит от количества либидо и от возможности удовлетворить его и дать ему выход в этом удовлетворении. Мы узнаем далее, что форма заболевания предопределяется тем, какой путь развития сексуальной функции проделал человек или, как мы говорим, от фиксаций, которые претерпело либидо на пути своего развития. И, наконец, мы открываем, что известная, не очень простая техника психического влияния является средством для того, чтобы одновременно выяснить и устранить некоторые группы неврозов. Наибольший успех имели наши терапевтические воздействия при известной группе неврозов, происходящих из конфликта между влечениями «я» и сексуальными влечениями. С людьми случается нередко так, что требования сексуальных влечений, заходящих далеко за пределы отдельной личности, представляются их «я» опасностью, угрожающей самосохранению и уважению к себе. Тогда «я» выступает на свою защиту, отказывает в сексуальном отношении желанным удовлетворениям, вынуждает их направиться обходным путем для достижения замены удовлетворения, которая проявляется как нервный симптом.

Психоаналитической терапии удается подвергнуть пересмотру процесс вытеснения и дать конфликту лучший выход, возможный при сохранении здоровья. Непонимающие противники упрекают нас в односторонности вследствие нашей оценки сексуальных влечений: человек, мол, имеет и другие интересы помимо сексуальных. Мы этого ни на минуту не забываем и не отрицаем. Наша односторонность—та же, что у химика, объясняющего всякое строение вещества силой

химического сродства. Он этим не отрицает силы притяжения. Оценку ее он предоставляет физику.

Во время терапевтической работы мы должны заботиться о правильном распределении либидо у больного; мы исследуем, к каким представлениям об объектах привязано его либидо, освобождаем его, чтобы предоставить его в распоряжение «*я*». При этом нам удалось составить себе очень странное представление о первоначальном, первичном распределении либидо у человека. Мы должны были допустить, что в начале индивидуального развития все либидо (все эротическое стремление, вся способность любить) была связана с собственной личностью или, как мы говорим в иных случаях, сосредоточено на «*я*». Только позже, в связи с удовлетворением важных жизненных потребностей, случается так, что либидо переходит с «*я*» на внешние объекты, благодаря чему мы только и получаем возможность распознать либидинозные влечения как таковые и отличить их от влечения «*я*». Либидо может быть опять отнято от этих влечений и возвращено «*я*».

Состояние, в котором «*я*» сохраняет у себя все либидо, мы называем нарцизмом, вспоминая греческую легенду о юноше Нарцисе, влюбленном в свое собственное отражение в ручье.

Таким образом мы приписываем индивиду развитие от нарцизма к любви к объекту. Мы, однако, не думаем, чтобы когда-нибудь все либидо «*я*» перешло на объект. Известное количество либидо все-таки остается у «*я*», известная степень нарцизма сохраняется, несмотря на высоко развитую любовь к объекту. «*я*» представляет собою большой резервуар, из которого исходит предназначенное объектом определенное количество либидо и в который оно возвращается обратно от объектов. Либидо объектов было сначала «*я*»-либидо и может опять превратиться в «*я*»-либидо. Для сохранения полного здоровья лица важно, чтобы либидо его не лишилось во всей полноте своей подвижности. Конкретным примером может служить протоплазматическое существо, полужидкое вещество которого протягивает псевдоподии, отростки, в которые втягивается вещество его тела, но которые в любой момент могут быть обратно втянуты, так что снова восстанавливается форма протоплазматического комочка.

То, что я пытался здесь описать в общих чертах, представляет собой теорию либидо неврозов, на которой основаны сущность понимания этих болезненных состояний и наши терапевтические мероприятия против них. Само собой разумеется, что предпосылки теории либидо сохраняют, по нашему мнению, свое значение и по отношению к нормальному человеку. Мы говорим о нарцизме маленького ребенка, и мы приписываем чрезвычайно сильному нарцизму примитивного человека то обстоятельство, что он верит во всемогущество своих мыслей и старается повлиять на течение событий во внешнем мире при помощи приемов магии.

После этого введения я хочу указать, что общий нарцизм, самовлюбленность человечества, потерпел до настоящего времени со стороны научной мысли три тяжелых потрясения.

а) В начале своего исследования окружающего мира человек верил, что место его жительства, земля, спокойно стоит в центре всего мира, между тем как солнце, луна и планеты вращаются по круговым орбитам около земли. При этом он наивно доверялся впечатлению своих чувственных восприятий, так как не ощущал движения земли и, куда бы ни устремлял свой взор в пространство, всегда видел себя в центре круга, заключающего внешний мир. Но центральное положение земли служило ему доказательством господствующей роли ее во всем мире, и, казалось, вполне совпадало с его склонностью чувствовать себя господином этого мира.

Разрушение этой нарцистической иллюзии связано с именем и трудами Ник. Коперника в XVI столетии. Задолго до него пифагорейцы уже сомневались в таком исключительном положении земли, и в III столетии до Р. Х. Аристарх из Самоса высказал взгляд, что земля гораздо меньше солнца и вращается вокруг этого небесного светила. И великое открытие Коперника было следовательно уже сделано до него. Но, когда оно получило общее признание, человеческая самовлюбленность потерпела первый космологический удар.

в) В течение своего культурного развития человек стал господином над всеми животными, но недовольный этим господством он увеличил пропасть между ними и собой. Он отказывал им в разуме, а себе присвоил бессмертную душу, ссылался на высокое божественное происхождение, позволяв-

шее разорвать связь общности с животным миром. Замечательно, что эта заносчивость чужда ребенку, примитивному и первобытному человеку,—она явилась результатом более позднего развития. Примитивный человек на ступени тотемизма не находил для себя обидным считать животное родоначальником своего племени. Миф, отражающий этот древний образ мыслей, допускает, что боги принимали звериный образ, и искусство древних изображает богов с звериными головами. Ребенок не чувствует различия между собой и животным; без всякого удивления он допускает, что в сказках животные думают и говорят. Аффект страха, относящийся к человеку—отцу, он переносит на собаку или на лошадь, без намерения этим унизить отца. Только взрослый человек становится настолько чуждым животному, что оскорбляет другого, называя его именем животного.

Мы все знаем, что исследования Ch. Darwin'a, его сотрудников и предшественников положили конец этой заносчивости человека немного больше, чем полстолетия назад. Человек представляет собою не что иное и не нечто лучшее, чем животное. Он сам произошел из животного мира, и он более родственен одним видам, другим менее. Его позднейшие завоевания не могли уничтожить доказательства его равноценности с животными, заключающиеся в строении его тела и его душевных задатков. Это—второй биологический удар человеческому нарцизму.

c) Но самый чувствительный, это третий удар—психологический.

Униженный извне человек чувствует себя самодержцем в собственной душе. Где-то в самом ядре своего «*я*» он создал себе наблюдательный орган, следящий за его душевными движениями и поступками, чтобы они согласовались с его требованиями. Если они этого не делают, то они беспощадно сдерживаются и подавляются. Его внутреннее восприятие, сознание, сообщает «*я*» обо всех значительных процессах в душевном водовороте, и направленная этими сообщениями воля выполняет все, что приказывает «*я*» и изменяет то, что стремится совершиться независимо от него. Душа эта не нечто простое, а иерархия главенствующих и подчиненных инстанций, сплетения импульсов, стремящихся к выявлению независимо один от другого, соответственно

многообразию влечений и отношений к внешнему миру, при чем многие из этих влечений противоположны и несовместимы одно с другим. Для правильного функционирования требуется, чтобы высшая инстанция получала сведения обо всем, что происходит, и чтобы ее воля могла повсюду проникнуть и оказать соответствующее влияние. Но «*я*» чувствует себя вполне уверенным как в смысле полноты и точности получаемых сведений, так и в том, что его приказы доходят куда нужно.

Однако при некоторых болезнях, именно при изученных нами неврозах, дело обстоит иначе. «*Я*» чувствует себя не совсем хорошо, оно натыкается на границы своего могущества в своем доме, в душе. Вдруг возникают мысли, о которых не знаешь, откуда они, и ничего нельзя сделать, чтобы прогнать их. Начинает казаться, что эти чужие гости оказываются даже сильнее, чем те, которые подчиняются «*я*»: они в состоянии противостоять всем испытанным средствам воздействия воли, их не сбивают все логические возражения, не трогают противоположные показания реальности. Или появляются импульсы, которые «*я*» отрицает, как если бы они принадлежали чужому, но оно вынуждено бояться их и принимать против них меры предосторожности. «*Я*» говорит себе, что это—болезнь, чужое навождение, усиливает свою бдительность, но не может понять, почему чувствует себя парализованным таким странным образом.

Хотя психиатрия и отрицает, что в таких случаях в душевную жизнь проникли злые, чуждые духи, но, помимо этого, она только пожимает плечами и говорит: дегенерация, наследственное предрасположение, конституциональная малоценность. Психоанализ решается дать объяснение этим жутким случаям заболевания, приступает к тщательным и длительным исследованиям, пользуется вспомогательными понятиями и научными конструкциями и, наконец, может сказать «*я*»: «В тебя не вселилось ничего чуждого. Часть твоей собственной душевной жизни ускользнула от твоего ведения и из-под власти твоей воли, поэтому ты и можешь дать такой слабый отпор; ты борешься с одной частью твоих сил против другой части и не можешь собрать всю твою силу, как могло бы это сделать против внешнего врага. И против тебя выступили и приобрели независимость от тебя даже не са-

мые дурные и незначительные части твоих душевных сил. Я должен сознаться, что вина лежит в тебе: ты слишком высоко оценило твою силу, если считало, что можешь делать со своими сексуальными влечениями все, что захочешь и что тебе совершенно незачем считаться с их целями. Поэтому-то они и возмутились и пошли своими собственными темными путями, чтобы освободиться от подавления, и завоевали себе свое право таким образом, что это уже не может тебе нравиться. Тебе неизвестно, как они это сделали, какими путями они пошли; только результат этой работы, симптом, который ты ощущаешь как болезнь, доводится до твоего сведения. Ты не узнаешь в нем продукции твоих собственных вытесненных влечений и не знаешь, что он является заменяющим их удовлетворением.

«Однако весь процесс стал возможным только благодаря тому обстоятельству, что ты ошибаешься и в другом важном пункте. Ты уверено, что знаешь обо всем, что происходит в твоей душе, если только это нечто достаточно важное, потому что твое сознание докладывает тебе о нем, и, если ты не получило сведений о чем-нибудь, происходящем в твоей душе, то ты с полной уверенностью думаешь, что ничего подобного в ней нет. Больше того, ты заходишь так далеко, что считаешь «душевное» тем же самым, что «сознательное», т.-е. известное тебе, несмотря на очевидные доказательства, что в твоей душевной жизни должно происходить гораздо больше, чем может знать твое сознание. Позволь же в этом направлении тебя поучить. Душевное в тебе не совпадает с тобою осознанным; совсем не одно и то же—происходит ли что-нибудь в твоей душе и знаешь ли ты об этом. Согласен, обыкновенно твое сознание обслуживается сведениями, вполне достаточными для твоих потребностей. Тебе позволительно пребывать в иллюзии, что ты знаешь обо всем самом важном. Но в некоторых случаях, например, в случае конфликта влечений, твоя осведомленность оказывается недостаточной, а твоя воля не бо́льшей, чем твое знание. Но во всех случаях эта осведомленность твоего сознания неполна и часто неточна; часто бывает и так, что ты узнаешь о событиях после того, как они уже совершились, и ты ничего в них не можешь изменить. Даже тогда, когда ты здорово, кто может определить все, что шевелится

в твоей душе, о чем ты не узнаешь или о чем ты неправильно осведомлено. Ты ведешь себя, как самодержец, который довольствуется информациями высших придворных и не спускается к народу, чтобы выслушать его голос. Уйди в себя, в свои глубины, познай сперва себя, и тогда ты поймешь, почему тыд олжно было заболеть, и, может быть, тебе удастся не заболеть».

Таким образом психоанализ хочет поучать «*я*». Но оба эти объяснения, и то, что совершенно невозможно укротить влечения сексуальности, и то, что душевные процессы сами по себе бессознательны и становятся доступны и подчиняются «*я*» только благодаря неполному и неточному восприятию,—равносильны утверждению, что «*я*» не является хозяином в своем собственном доме. Оба эти объяснения вместе взятые составляют третий удар самолюбию, который я назвал бы психологическим. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «*я*» отказывает психоанализу в своей благосклонности и упрямо отказывается ему верить.

Только очень немногие, вероятно, вполне уяснили себе, каким важным по своим последствиям шагом является для науки и жизни предположение о бессознательных душевных процессах. Но поспешим прибавить, что психоанализ не первый сделал этот шаг. Можно указать на знаменитых философов как на предшественников, прежде всего на великого мыслителя Schopenhauer'a, бессознательную «волю» которого в психоанализе можно отождествить с душевными влечениями. Кстати это тот же мыслитель, который в незабываемых по силе словах напоминал людям о все еще недостаточно оцененном значении их сексуальных стремлений. Преимущество психоанализа состоит лишь в том, что он не отвлеченно утверждал эти оба столь мучительных для нарцизма положения о психическом значении сексуальности и о бессознательности душевной жизни, а доказал это на материале, который касается лично каждого в отдельности и заставляет его выяснить свое отношение к этим проблемам. Но именно потому он и вызывает к себе все то отвращение и сопротивление, которые пощадили благодаря робости великое имя философа.

О превращении влечений в особенности анальной эротики.

Несколько лет тому назад психоаналитические наблюдения заставили меня предположить, что постоянное совпадение трех черт характера: порядочности, бережливости и своенравия указывают на усиление анально-эротических компонентов в сексуальной конституции таких лиц. В процессе развития у этих лиц образовались такие предпочтительные способы реакций, благодаря рассасыванию их анальной эротики [1]).

Тогда мне было важно опубликовать открытую мною фактическую связь; теоретическая же оценка ее меня интересовала мало. С тех пор стало общепринятым мнение, что каждая из этих трех черт характера: скупость, педантичность и упрямство исходят из источников влечений анальной эротики, или, выражаясь более осторожно и полно, получают из этих источников большие добавления энергии. Случаи, которым соединение трех упомянутых недостатков придает анальный характер, были только самыми яркими, и в них интересующая нас связь бросалась в глаза даже поверхностным наблюдателям.

Несколько лет спустя, под влиянием особенно убедительного аналитического опыта, я сделал на основании большого количества впечатлений вывод, что в развитии либидо человека нужно допустить «прегенитальную организацию», предшествующую фазе генитального примата, в которой руководящую роль играют садизм и анальная эротика [2]).

---

[1]) «Характер и анальная эротика», 1908 г. Вторично отпечатаны во II томе Kleiner Schriften zur Neurosenlehre.

[2]) Предрасположение к нервозам навязчивости (Intern. Zeitschrift fur ärzt. Pchoanalyse I 1913).

С тех пор стал неизбежен вопрос о том, куда деваются анально-эротические влечения. Какова их участь после того, как они лишились своего значения в сексуальной жизни благодаря образованию окончательной генитальной организации? Сохраняются ли они неизмененными, но в состоянии вытеснения подвергались ли сублимированию или поглощению, превратившись в определенные черты характера, или они влились в новую форму сексуальности, предопределенную приматом гениталий? Или скажу, лучше так как вряд ли можно допустить, чтобы на долю этих влечений выпала только одна из перечисленных возможностей, то возникает вопрос, в каком объеме и каким образом распределяются эти возможности при решении судьбы анальной эротики, органические источники которой не могут же заглохнуть благодаря появлению генитальной организации.

Можно было бы подумать, что для ответа на эти вопросы не будет недостатка в материале, так как соответствующие процессы развития и превращения должны были совершаться у всех лиц, подвергавшихся психоаналитическому исследованию. Но в этом материале так трудно разобраться,—обилие повторяющихся впечатлений настолько путает,—что я и теперь еще не могу дать полного разрешения проблемы, а только материалы для выяснения этого вопроса. Поскольку это возможно в связи с нашей темой, я, пользуясь случаем, упомяну и о других превращениях влечений, не касающихся анальной эротики. Вряд ли следует еще раз подчеркивать, что здесь, как и в других случаях психоанализа, заключения об описываемых процессах развития сделаны из явлений регрессий, возникающих благодаря невротическим процессам.

Исходным пунктом этого изложения может послужить тот кажущийся факт, что в продуктах бессознательного—в фантазиях, в симптомах, приходящих в голову мыслях—плохо различаются понятия кал (деньги, подарок), ребенок и penis, легко заменяющие друг друга. Выражаясь таким образом, мы, разумеется, прекрасно сознаем, что неправильно переносим на бессознательное значения, употребляемые в других областях душевной жизни, и соблазняемся преимуществом, которое заключается во всяком сравнении. Повторим поэтому ту же мысль в форме, недопускающей

возражения, именно, что в бессознательном с этими элементами дело происходит таким образом, как будто бы они были эквивалентны друг другу и свободно могут заменить один другой.

Легче всего это видеть в связи между «ребенком» и «penis'ом». Не совсем безразлично то обстоятельство, что оба слова в символическом языке сновидений и в повседневной жизни заменяются одним общим символом. Ребенок, как и penis, называется «малым» (das «Kleine»). Известно, что символический язык часто пренебрегает различием полов: «малый», обозначавший первоначально мужской орган, может вторично приобрести значение женских гениталий. Если достаточно глубоко исследовать невроз какой-нибудь женщины, то нередко встречаешься с вытесненным желанием, обладать, как мужчина, penis'ом. Случайные неудачи в жизни женщины, часто являющиеся следствием сильно выраженной мужской натуры, снова оживили это детское желание, причисляемое нами к кастрационному комплексу, как «зависть из-за penis'a», и благодаря обратному течению либидо сделали это желание главным носителем симптомов болезни. У других женщин невозможно доказать присутствие такого желания обладать penis'ом; вместо него имеется желание иметь ребенка и невозможность осуществления этого желания в жизни может вызвать невроз. Эти женщины как будто бы поняли,—а это не может служить настоящим мотивом,—что природа дала женщине ребенка взамен penis'a, в котором ей должно было быть отказано. От других же женщин узнаешь, что в детстве у них были оба желания и одно сменило другое. Сперва они хотели иметь penis, как мужчина, а в более поздний, но все еще детский период на смену выступило желание иметь ребенка. Нельзя отрицать впечатления, которое получаешь при анализе, что случайные моменты из жизни детства, присутствие или отсутствие братьев, переживания в связи с рождением нового ребенка в соответственно благоприятном возрасте — виновны в этом разнообразии, так что желание иметь penis в сущности тождественно с желанием иметь ребенка.

Мы можем указать, какая участь постигает инфантильное желание обладать penis'ом, если в последующей жизни не наступают благоприятные условия для развития невроза.

Оно превращается в желание иметь мужа, оно мирится с мужем, как с придатком к penis'у. Благодаря такому превращению душевное движение, направленное против женской сексуальной функции, превращается в благоприятный ей момент. Для этих женщин таким образом открывается возможность любовной жизни по мужскому типу любви к объекту, который может проявиться на-ряду с женским типом, исходящим из нарцизма. Мы уже слышали, что в других случаях только ребенок делает возможным переход от нарцистической самовлюбленности к любви к объекту. Таким образом и в этом пункте ребенок может быть заменен penis'ом.

Мне несколько раз представлялся случай познакомиться с сновидениями женщин после первого полового акта. В этих снах явно раскрывалось желание сохранить у себя penis, который они в себе почувствовали, т-е. эти сны независимо от либидинозного своего основания соответствовали кратковременной регрессии с мужчины на penis как на объект желаний. Можно, конечно, подумать о том, чтобы это желание иметь мужа чисто рационалистически свести к желанию иметь ребенка, так как в известное время начинаешь понимать, что без участия мужа нельзя родить ребенка. Но скорее бывает так, что желание иметь мужа возникает независимо от желания иметь ребенка и что, если такое желание появляется из вполне понятных мотивов, безусловно принадлежащих к психологии «*я*», то к нему присоединяется старое желание иметь penis, как бессознательное либидинозное усиление этого желания.

Значение описанного процесса состоит в том, что он переводит часть нарцистической мужественности молодой женщины в женственность и таким образом делает ее безвредной для женской сексуальной функции. Другим путем часть эротики прегенитальной фазы становится годной для использования в фазе генитального примата. Ребенок рассматривается, как «лумпф» (кал) (Lumpf) (см. «анализ маленького Ганса»), нечто, выделяемое через кишечник. Таким образом известная сумма либидинозной привязанности, направленная на содержание кишечника, может быть распространена на ребенка, рожденного через кишечник. В языке доказательство идентичности ребенка и кала выражается в

обороте речи—получить ребенка «в подарок» (Ein Kind schenken erhalten). Кал ведь представляет из себя первый *подарок* частицу собственного тела, с которым младенец расстается только под влиянием требований любимого лица и при помощи которого он по собственному желанию проявляет свою нежность, так как чужих безразличных ему лиц он обыкновенно не пачкает. (Подобные же, хотя и не столь интенсивные реакции бывают с мочей.) При дефекации у ребенка проявляется первый выбор между нарцистической направленностью и любовью к объекту. Или он послушно отдает кал, «жертвует» его во имя любви, или удерживает его для автоэротического удовлетворения, а позже для утверждения собственного желания. Когда выбор падает на последнее, то развивается упрямство (своенравие), которое происходит от нарцистической задержки на анальной эротике.

Весьма вероятно, что не золото—деньги, а подарок является ближайшим выражением, на которое переходит интерес к калу. Ребенок не знает других денег, кроме тех, которые ему дарят, незаработанных, несобственных, полученных в наследство. Так как кал является его первым подарком, то он легко переносит свой интерес на новый, в котором открывает самый важный подарок в жизни. Кто сомневается в таком происхождении подарка, пусть призовет на помощь свой опыт в психоаналитическом лечении, пусть исследует подарки, которые он получает от больного, как врач, и пусть обратит внимание на бурный взрыв перенесения, который он может вызвать у пациента подарком.

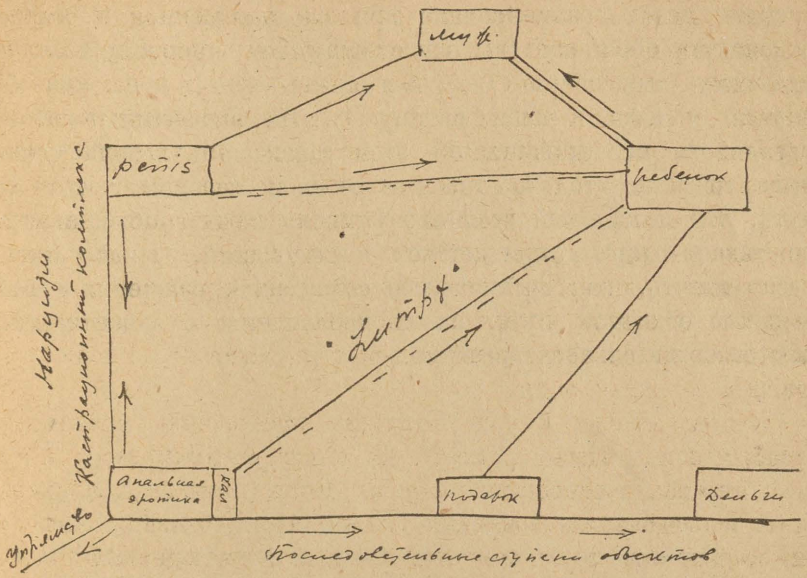
Интерес к калу переносится таким образом отчасти на интерес к деньгам, другая же часть переводится в желание иметь ребенка. В этом желании иметь ребенка сходятся побуждения анально-эротическое и генитальное (зависть из-за penis'а). Но penis имеет также анально-эротическое значение, независимое от интереса к ребенку. Отношение между penis'ом и заполненной и возбужденной им полостью слизистой оболочки имеет свой прообраз в прегенитальной садистической анальной фазе развития. Кусок кала, или, по выражению одного пациента, «каловая палочка», представляет из себя первый penis, а раздраженная им слизистая оболочка—выходное отверстие кишечника. Есть лица,

у которых анальная эротика остается неизменной и сильно выраженной до возраста, предшествующего периоду половой зрелости, 10—12 лет; от них можно узнать, что уже во время этой прегенитальной фазы у них в фантазиях и извращенных играх проявилась организация, аналогичная генитальной, в которой каловая палочка и кишечник заменяли penis и вагину. У других невротиков, страдающих навязчивостью, можно познакомиться с результатом регрессивного унижения генитальной организации. Она выражается в том, что все фантазии, созданные сначала генитально, переводятся в анальную область, penis заменяется каловой палочкой, а вагина — кишечником.

Когда интерес к калу проходит нормальным образом, то изображенная здесь органическая аналогия содействует тому, что интерес переносится на penis. Если позже при сексуальном исследовании возникает мысль, что ребенок рождается из кишечника, то он становится главным наследником анальной эротики, но предшественником ребенка является penis и в том и в другом смысле.

Я убежден, что в многообразных отношениях в ряду: кал—penis—ребенок теперь очень трудно разобраться, и хочу поэтому помочь беде при помощи графического изображения, при обсуждении которого рассмотрю тот же материал, но в другом порядке. К сожалению, это техническое средство для наших целей недостаточно гибко или мы еще не научились пользоваться им соответствующим образом. Во всяком случае прошу не предъявлять строгих требований к прилагаемой схеме. (См. схему на стр. 207.)

Из анальной эротики, нарцистически использованной, происходит упрямство как значительная реакция *«я»* на требование посторонних; интерес к калу переходит в интерес к подарку, потом—в интерес к деньгам. С появлением знания о penis'е у девочки возникает зависть из-за penis'а, превращающаяся в желание иметь мужа, как носителя penis'а. Еще раньше желание иметь penis превратилось в желание иметь ребенка, или желание ребенка заняло место желания иметь penis. Органическая аналогия между penis'ом и ребенком (линия пунктиром) выражается в обладании, свойственном обоим символам («малый»). От желания ребенка рационалистический путь (двойная линия) ведет к желанию



иметь мужа. Значение этого превращения влечений мы уже оценили.

Другую часть описанной связи гораздо легче открыть у мужчины. Она появляется тогда, когда сексуальные исследования ребенка открывают отсутствие penis'a у женщины. В penis'e узнается таким образом нечто такое, что может быть отделено от тела, и тогда появляется аналогия между ним и калом, представляющим из себя первую часть телесности, от которой пришлось отказаться. Старое анальное упрямство переходит таким образом в организацию кастрационного комплекса. Органическая аналогия, согласно которой содержание кишечника представляло предшественника penis'a во время прегенитальной фазы, не может как мотив приниматься в расчет; но при посредстве сексуального исследования эта аналогия находит психическую замену.

Когда появляется ребенок, в нем видят благодаря сексуальному исследованию «лумпф» «Lumpf» и относятся к нему с большим анально-эротическим интересом. Желание иметь ребенка получает второй приток из того же источника, когда социальный опыт научает, что на ребенка можно смотреть, как на доказательство любви, как на подарок. Все три—столбик кала, penis и ребенок—представляют из себя

твердые тела, возбуждающие при своем входе или выходе слизистую оболочку (выходное отверстие кишечника и, по удачному выражению Lou Andreas—Salomè, как бы снятую у него в наем вагину [1]). Из инфантильного сексуального исследования об этом положении вещей может быть известно только то, что ребенок совершает тот же путь, что и каловый столбик; функция penis'a обыкновенно не бывает открыта при детском исследовании. Однако интересно видеть, как органическое совпадение, совершив такой большой обходной путь, снова проявляется в психическом как бессознательное тождество.

---

[1]) «Anal» und «Sexual». Imago IV, 5. 1916.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

		Стр.
1.	Введение	3
2.	Очерк истории психоанализа	17
3.	Несколько замечаний по поводу понятия «Бессознательное»	76
4.	Положения о двух принципах психической деятельности	82
5.	Вытеснение	90
6.	Влечения и их судьба	103
7.	Бессознательное	125
8.	Метапсихологическое дополнение к учению о сновидениях	160
9.	Печаль и меланхолия	174
10.	Трудности на пути психоанализа	191
11.	О превращении влечений в особенности анальной эротики	199

Психологическая и психоаналитическая библиотека.

ВЫШЛИ:

Вып. I. Sig. Freud. Лекции по введению в психоанализ. Т. 1.
Вып. II. Sig. Freud. Лекции по введению в психоанализ. Т. II.
Вып. III. Sig. Freud. Основные психологические теории в психоанализе.

В самом непродолжительном времени выйдут:

Вып. IV. S. Freud. Методика и практика психоанализа.
Вып. V. S. Freud. Тотем и табу.
Вып. VI. S. Freud. Толкование сновидений.
Вып. VII. Психоанализ и характеры.
Вып. VIII. B. Ceuber. Аффективность, внушаемость и паранойя.
Вып. IX. Психоанализ слова и символика.
Вып. X. Ив. Ермаков. Гипнотизм.

Подготовляется целый ряд выпусков по педагогике, психологии и по применению психоанализа в различных областях творчества (художественного, религиозного и др.).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. МОСКВА.

ПРИКЛАДНЫЕ ЗНАНИЯ.

Учебники и руководства для высшей школы: механика, электротехника, строительное и инженерное дело.

Андреев. Энергия и законы ее использования.
Акимов. Технология дерева.
Брандт. Основания термодинамики. Ч. I и II.
Бик. Учебник низшей геодезии.
Бубновский. Курс железнодорожной телефонии и телеграфии.
Блей. Практическое руководство к проектированию сооружений.
Грибов. Двигатели внутреннего сгорания.
Гюнтер. Электротехник-строитель. Ч. I и II.
Генсель. Электротехника в задачах и прим. В. II. Переменн. токи.
Кирпичев. Основы графической статики.
„ Сопротивление материалов. Ч. I и II.
Кифер. Грузоподъемные машины. Ч. I, с атласом.
Лахтин. Кривые распределения и построения для них интерполяционных форм по способам Пирсона и Брунса.
Млодзеевский. Термодинамика.
Николаи. Кинематика.
„ Статика.
Малышев и Гавриленко. Технология дерева, с атласом.
Передерий. Курс мостов. Ч. I. Мосты малых отверстий.
Чаплыгин. Механика системы. Часть I и II.
Угримов и Генсель. Основы техники сильных токов.
Яшнов. Основы термодинамики.

Металлургия, товароведение, сельское хозяйство и т. д.

Богданов. Основы экстерьера сельско-хозяйственных животных.
„ Разведение по линиям.
Григорович. Курс лекций по электрометаллургии железа.
Гавриленко. Технология металлов. В. II. Литейное дело.
Разумников. Товароведение кожи.
Товароведение. Под ред. Никитинского и Петрова. Т. I. **Бочвар.** Товароведение минеральных веществ.
Товароведение. Под ред. Никитинского и Петрова. Т. II.

ТОРГОВЫЙ СЕКТОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА:
Москва, Ильинка, Биржевая пл., уг. Богоявленского пер., № 4.
Телеф. 1-57-57, 47-35.

Розничная продажа:
1) Советская площадь, под гостиницей „Дрезден"; 2) Моховая, 17; 3) Б. Никитская, 13; 4) Никольская, 3.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ □ МОСКВА □ 1923